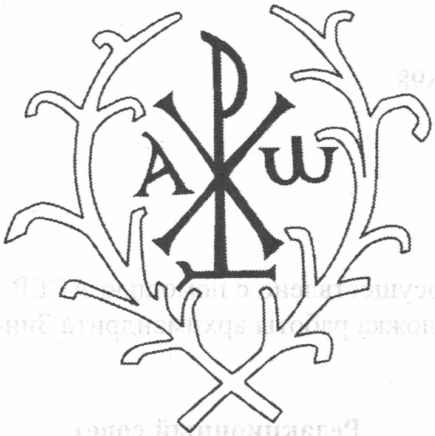


XPICTIANOC

XIV

АЛЬМАНАХ

Рига 2005

ISSN – 1407 – 0898

Издание осуществлено с помощью ACER – RUSSIE
Обложка работы архимандрита Зинона

Редакционный совет

Наталья Большакова, главный редактор, Латвия
Священник Георгий Чистяков, Россия
Священник Владимир Зелинский, Италия
Андрей Десницкий, Россия

Ответственный за выпуск
Василий Минченко

При перепечатке материалов
ссылка на альманах обязательна

© Международный Благотворительный Фонд
имени Александра Меня
Рига, Латвия, 2005

Путям,
которыми идет душа
человеческая к Богу,
посвящен этот альманах.
Особенно значима для нас
жизнь христиан нашего времени,
войдем же и мы вместе с ними
в святое любовное
единение с Богом – Отцом
и Сыном и Духом Святым,
Троицей единосущной
и Нераздельной. Аминь

ВРЕМЯ ЕВАНГЕЛИЯ

«А Он сказал: блаженны слышащие слово Божие…» (Лк 11:28)

Это про нас сказал Господь, это мы счастливые люди – у нас есть Евангелие, мы живем в Евангельское время.

Тысячелетиями человечество, то застывая в плену магического богоборчества, то пробиваясь к Вечности, созревало для принятия Благой Вести. Религиозные искания на протяжении многих веков свидетельствуют о том, что в человеке никогда не угасала жажда истины и спасения. Древний мир сделал все, что было возможно человеку для постижения смысла бытия и поиска Творца, но ответ мог прийти только от Бога, и принес его Сын Человеческий. «…когда мы обращаемся к Евангелию… мы оказываемся перед тайной *ответа*». (Прот. А. Мень. «Христианство», лекция).

Евангелие – это откровение Божие через Иисуса Христа, это единственная Весть, которая всегда освобождающе нова, которая никогда не устаревает. Бывают, правда, времена, когда Евангелие почти исчезает из жизни: оно мешает, его стараются чем-то заслонить, ему изменяют, и за это всегда, – как показывает история Церкви – приходит возмездие в виде войск султана Магомета II под стенами Константинополя, крестоносцев или революций. Это мы, можно сказать, испытали на себе. «Суд Божий совершается над Церковью русской. Не случайно отнимается от нас видимая сторона христианства. Господь наказует нас за грехи наши и этим ведет к очищению».[1]

Евангелие нельзя прочитать «до конца», один раз и навсегда; нельзя все из него узнать, все правильно понять, зафиксировать это понимание и, что называется, поставить точку, чтобы последующие поколения уже не тратили время, не ломали голову, читая, например, Нагорную проповедь Спасителя, а сразу бы знакомились с узаконенным толкованием и все правильно понимали.

---

[1] Священномученик Сергий Мечев. Из письма духовным детям из ссылки. Цит. по кн. «Маросейка». М., Мартис, 2001. С. 136.

Евангелие читали в I-м тысячелетии, во II-м, вот уже мы вступили в III-е тысячелетие Евангельской эры. Это происходит потому, что в Евангелии отражена тайна любви Божией и в нем же сокрыта «главная мысль» о человеке. Во все времена, при любом уровне цивилизации и политических прав и свобод, из Евангелия человек узнает о себе главное: что у него есть Небесный Отец, Который так любит каждого человека, что ради нашего спасения отдает Сына Своего единственного; в Евангелии каждый может открыть для себя Иисуса Христа, как своего личного Спасителя и узнать, что у него есть братья и сестры по всей земле, что он может стать другом Бога и соединить свою ограниченную жизнь с бесконечным Божественным Бытием.

Не только каждая эпоха открывает и читает Евангелие как бы заново, впервые, ставя свои вопросы и добавляя свой опыт и понимание к уже накопленному и пережитому предыдущими поколениями, но и каждый человек, ощутивший потребность вчитываться вновь и вновь в евангельские страницы, обретает в хорошо знакомых словах новый, неведомый ранее смысл. Это происходит потому, что наше сердце жаждет богообщения, жаждет услышать сегодня, здесь и теперь, то, что Господь говорит лично мне, к чему призывает меня, в чем обличает.

«...и соблюдающие его». (Лк 11:28)

«Многие слова Христа нам до сих пор непостижимы, потому что мы еще неандертальцы духа и нравственности, потому что евангельская стрела нацелена в вечность...» (Прот. А. Мень. «Христианство», лекция).

Но в каждой эпохе являются люди, открывающие Евангелие, как самую потрясающую новость, как «самую» Радостную Весть, и, главное, – живущие Евангелием и показывающие этот путь другим.

«Мы привыкаем к самым невероятным чудесам. Если бы Бог еще не обратился к нам, но мы бы знали, что нам будет весть от Господа, как бы мы ее ждали, с каким бы волнением мы приняли

ее!.. Но вот есть у нас Евангелие, неистощимый кладезь, а мы читаем его рассеянно. Слово Евангелия едва касается душ наших, и все говорит о том, что мы им не живем». (Малая Сестра Магдалена Иисуса. «Иисус Владыко невозможного» М., 1993).

«Всем своим существованием, всем своим существом мы должны возглашать Евангелие на всех перекрестках. …всей нашей жизнью мы должны возглашать, что мы принадлежим Христу, являть образ жизни по Евангелию, все наше существо должно быть живой проповедью, отсветом Господа». (Брат Шарль Иисуса. «Иисус Владыко невозможного» М., 1993).

«Блаженны кроткие, блаженны чистые сердцем, блаженны миротворцы… – может быть это кажется наивным – жить заповедями блаженства буквально, но мы с братьями всегда старались жить именно так…» (Брат Роже Шютц).

Редакционный совет альманаха «ΧΡΙΣΤΙΑΝΟΣ»

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И К 15-ЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЕ МУЧЕНИЧЕСКОЙ КОНЧИНЫ ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА МЕНЯ

Протоиерей Александр Мень
(1935–1990)

Священник ВЛАДИМИР ЛАПШИН

«ОН ПОГИБ ЗА ТО, ЧТО ЖИЛ ПРАВДОЙ БОЖЬЕЙ»

22 января 2005 г.
Литургия. Суббота по Богоявлении

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Сегодня исполняется семьдесят лет со дня рождения отца Александра Меня. После его гибели многие обращали внимание на то, что его смерть удивительным образом связана с днем Усекновения главы Иоанна Крестителя. Но мало кто обращал внимание на то, что вся его *жизнь*, начиная с самого рождения, да и смерть тоже, связана с днем памяти святителя Филиппа, митрополита Московского. Ведь он родился в день памяти митрополита Филиппа, и, конечно, сам отец Александр это хорошо знал и всегда помнил об этом, и это оказало огромное влияние на всю его жизнь.

Между ними даже очень много общего. Конечно, между их жизнями лежит огромный срок, четыре с лишним века: митрополит Филипп жил в первой половине и в середине XVI века; о. Александр жил в середине и во второй половине XX века. И это, конечно, вносит свои коррективы. Но, тем не менее, в их жизни, действительно, было очень много общего. Они оба, как сказали бы сегодня, были из хорошей семьи. Они оба получили прекрасное образование, были очень образованными людьми. Они оба могли бы сделать прекрасную карьеру на государевой или государственной службе. Но они оба отдали себя на служение Богу. И они оба жили во времена тирании, тоталитаризма, как сказали бы сегодня. Они оба жили по правде Божией, и оба отдали жизнь за эту правду.

И удивительным образом в этом году день рождения о. Александра, его юбилей, и день памяти святителя Филиппа совпали с

Субботой по Богоявлении, и с чтением евангельского отрывка, который мы только что слышали. Господь, вступая на путь служения Богу, Отцу, проходит через искушения от дьявола. Это искушение хлебом, или попросту говоря, материальным благополучием. Это искушение славой: «Соверши чудо – и Ты прославишься, весь мир узнает Тебя как чудотворца» – известность! И искушение властью: «Поклонись мне, и все отдам Тебе». И с тех пор все последователи Христа, все христиане, а тем более, служители Божии, служители Церкви, в той или иной мере проходят через эти искушения. И очень немногие действительно *проходят* через них, *выдерживают* это испытание. Очень многие идут, как им кажется, на разумный здоровый компромисс, забывая о том, что компромисс – это, как правило, сделка с совестью, это, как правило, *уступка* сатане. Святые – это те, кто выдержал это испытание. Митрополит Филипп и отец Александр тоже прошли через эти искушения. И они их выдержали. Каждый из них, как мы сказали, имея прекрасные дарования, имея образование, принадлежа к хорошей семье, мог бы неплохо жить на государевой – государственной службе, или на службе церковной. Многие священнослужители в те времена – и во времена митрополита Филиппа, и во времена о. Александра Меня – очень ловко использовали служение Богу для того, чтобы сыто, чисто жить, строить свою жизнь, строить какой-то свой уютный мирок вокруг себя. Но и митрополит Филипп, и отец Александр избрали другой путь, они избрали путь правды Божьей.

Кто-то может возразить, что о. Александр, в отличие от митр. Филиппа, никогда открыто не выступал против тирании, против власти. Ведь известно, что митрополит Филипп пострадал за то, что обличал царя Иоанна Грозного, а о. Александр никогда не был политическим диссидентом. Но на самом деле, и митрополит Филипп обличал царя не в политических заблуждениях, а в неправде жизни, в противостоянии Божией правде. То же, проповедуя Евангелие и строя по нему свою жизнь и жизнь своих духовных чад, делал и о. Александр. И каждый из них погиб за то, что не склонил головы перед неправдой жизни, что не пошел на компромисс,

что жил *правдой Божьей*. Ведь сама жизнь по правде Божьей – это уже обличение для тиранов, сама жизнь по правде Божьей – это уже активная позиция и борьба против тех духов злобы поднебесных, о борьбе с которыми говорит апостол Павел в отрывке из Послания к Эфесянам, который мы слышали сегодня же. Недаром Павел говорит: «Если вы хотите выстоять в этой борьбе, если вы действительно хотите с честью пройти через эти испытания, искушения, через эту борьбу – облекитесь в броню праведности, то есть в жизнь по правде, в жизнь не по лжи». И вот оба они жили так. И их обоих пытались остановить, им обоим пытались препятствовать, и даже те препятствовали, кто должен был бы поддерживать в этой борьбе – их «сослужители», лжебратья по церковному служению. Митрополита Филиппа осудил и отправил в заточение «церковный собор». И о. Александру многие его «сослужители», священники говорили: «Не высовывайся! Ну что ты? Ну, посмотри, как хорошо мы живем! У нас прекрасные дома, квартиры, у нас машины, у нас хорошая работа, хорошая зарплата – что тебе еще надо? Не высовывайся, и будешь жить так же». Но отец Александр *не мог* так жить, он не мог жить не по правде. И он погиб. Он погиб так же, как и святой, в день памяти которого он родился, он мученически погиб за правду Божию.

И вот сегодня, совершая память митрополита Филиппа, вспоминая об о. Александре, празднуя его юбилей, давайте задумаемся и о себе. А мы выдерживаем это испытание? Мы с честью проходим через эти искушения? Мы живем по правде Божьей? Или мы идем на компромиссы ради того, чтобы сохранить свою жизнь, да просто ради сытости и благополучия? Давайте задумаемся.

И да хранит вас Господь!

22 января 2003 г.
Литургия (Евр 10:1-18; Мк 8:30-34)

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Совсем недавно мы читали эти отрывки из Священного Писания. И вот сегодня Церковь вновь нам предлагает их. В прошлый раз мы с вами говорили в связи с евангельским отрывком. И мне бы не хотелось повторяться, я лишь напомню главную мысль.

Есть два образа действия в этом мире. Господь в этом мире действует открыто. Евангелист подчеркивает, что Иисус *открыто* говорит ученикам: Он открыто говорит о Своем страдании, Он открыто говорит о грядущем кресте – Он открыто говорит обо всем. А сатана действует со спины, на ушко. Петр отзывает Иисуса в сторонку и на ушко шепчет Ему: «Да не будет этого с Тобой, Господи». Иисус говорит ему: «Отойди от Меня, сатана, потому что ты говоришь не о том, что Божие, думаешь не о том, что Божие, не о том, что небесное, а о том, что человеческое и земное». И потом Иисус обращается к ученикам и к народу, то есть опять открыто говорит: «Кто хочет следовать за Мной, отвергнись себя…» – ну, все мы эти слова знаем. Вот главное – вот эти два образа действия. С одной стороны – открытость: Господу нечего скрывать, Ему нечего прятать, Он все открывает, Он все дает человеку. С другой стороны – наушничество, какая-то тайная, закулисная деятельность, какие-то секретные переговоры, какое-то шептание за спиной...

И для нас очень важно учиться действовать в этом мире, учиться у Господа, а не у сатаны. К сожалению, очень часто, и мы сами, и многие другие церковные люди, действуем не так, как Господь. То есть в том, что происходит в Церкви, часто нет открытости. Очень часто и в нашей жизни, и в Церкви присутствует и наушничество, и шептание по углам, и какие-то интриги, и какие-то закулисные, подковерные игры – все, что угодно. Важно понять: как бы мы это ни называли – а мы можем назвать это церковной политикой, мы можем придумать еще какое-нибудь благозвучное

название – как бы мы это ни называли, все это бесовское, все это сатанинское. То, что от Господа – это всегда открыто, это всегда просто и честно.

Но сегодня я хочу обратить ваше внимание на апостольское зачало. Оно может показаться несколько непонятным и даже странным. Мы привыкли говорить о том, что христианину надо вымаливать прощение у Бога за свои грехи, что надо как-то искупать свои грехи, и так далее, а вот автор Послания к Евреям говорит, что все это было в Ветхом Завете. Там все было построено на попытке загладить свой грех, как-то искупить его, принести какую-то жертву, как-то откупиться от Бога, от наказания за грех. А во Христе этого уже ничего не надо. Во Христе нам *уже даровано* прощение грехов. А где прощение, там уже не нужно приношение за него, не нужна какая-то жертва.

Как же это совместить с нашим представлением о христианстве? А может быть, и не надо это совмещать с *нашим* представлением о христианстве, может быть, наше представление о христианстве – не совсем правильное, может быть, оно какое-то не евангельское, может быть, оно поврежденное? И ведь мы с вами не раз говорили, что самая страшная наша измена Богу, самый наш страшный грех – это то, что мы христианство возвращаем к Ветхому Завету, что мы постоянно христианство пытаемся превратить *в религию*. Хотя оно не может быть религией. Христианство – это простая и радостная жизнь в Боге. Все.

В эти дни мы много говорили о том, что Бог приходит в наш мир, и что приходит Он не просто так, это не блажь Его. Он приходит «нашего ради спасения», как это звучит в отпустах всех этих праздников: и Рождества, и Обрезания, и Крещения. Но мы понимаем спасение как что-то будущее, как что-то заоблачное, что-то такое, что еще должно прийти. А вот все писания Нового Завета, да и многих святых отцов, говорят о том, что спасение – это не только будущее. Да, во всей полноте и силе оно раскроется только в новом эоне, в жизни будущего века, но уже сегодня, здесь и сейчас оно нам даровано. И мы можем и должны быть его причастниками.

Сегодня мы молитвенно поминаем, прославляем отца Александра Меня в связи с днем его рождения. Отец Александр всегда говорил, что кто не обретет Царства Божьего здесь и сейчас, тот не найдет его и там, кто не поймет здесь, что он спасен, тот не спасется и там – вот это очень важно. И важно понять, что спасение-то уже даровано, и грех-то уже прощен, и что Господь хочет не того, чтобы мы вымаливали у Него прощение за грехи, Господь хочет не того, чтобы мы думали, чем бы от Него откупиться, чем бы Ему заплатить за свое плохое поведение. Господь хочет только одного: чтобы мы жили честно, открыто, радостно, думая не о том, как загладить свою вину, которая давно уже прощена, а, думая о том, как принести в этот мир радость, любовь.

Ведь что нам даруется во Христе, что такое спасение? Это возможность жить в любви, в радости, в прощении. Представьте себе две семьи: они могут жить в одной квартире, допустим, в коммунальной квартире или на одной лестничной площадке. В одной семье люди любят друг друга. Это просто – люди любят друг друга, и люди могут открыто говорить друг с другом. Люди могут ошибаться, но при этом они знают, что это поправимо, что их за это не накажут, дети – могут побаловаться, что-то сделать, и они, наверное, огорчатся, если увидят, что маме это не нравится, и так далее. Но они могут жить в этой простоте. И другая семья – где нет любви, где все построено на страхе, на разделении, и где дети стараются не баловаться не потому, чтобы не помешать отцу или матери, чтобы не огорчить их, а только потому, что они знают, что будут за это наказаны. И это – жизнь в страхе, в ненависти, они не любят. Они не любят своих родных: чуть-чуть они подрастают – они норовят убежать из дома. Посмотрите, сколько сегодня бездомных детей, по переходам, в метро. От чего они сбежали? Не от любви, не от радости, не от заботы родных – они сбежали от этого страха, от этой ненависти. Это важно понять…

Мы пытаемся подменить христианство, превратить его в религию, построенную на страхе. Господь говорит: «Ну, что еще Я должен для вас сделать, сколько еще раз Мне нужно распяться, чтобы вы *поняли*, что Я люблю вас, что не надо от Меня прятаться, что

можно жить просто и радостно, не думая о своем спасении. Не думая о своем спасении, потому что Я вас уже спас, не думая о том, как откупиться за грехи – Я уже давно их простил. Лучше подумайте о том, как просто и радостно жить, как этой радостью поделиться с другими, как научиться прощать других». Ведь почему мы так трудно прощаем? Потому что мы не верим в то, что мы сами прощены. Почему мы не умеем любить друг друга? Потому что мы не верим в то, что нас любят. Надо этому учиться. Господь хочет, чтобы мы научились, чтобы мы научились жить Его любовью и Его прощением. Это и есть Царство Божие, это и есть спасение. И если мы научимся этому здесь и сейчас, то это никуда от нас не уйдет и там, в жизни будущей. В этом и есть суть христианства.

Да хранит вас Господь!

8 сентября 2001 г.
Суббота. Всенощное бдение (Мк 16:9-20)

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Сегодня, в субботний вечер и в канун годовщины мученической кончины о. Александра Меня, в связи с евангельским отрывком, который мы только что слышали, мне хотелось бы вернуться к проповеди, которую я произносил ровно неделю назад в связи с предыдущим отрывком.

Мы говорили тогда о том, что когда-то Евангелие от Марка заканчивалось тем отрывком, то есть рассказом о женщинах, которым Ангелы возвестили, что Христос воскрес, но они никому ничего об этом не сказали, потому что боялись. А отрывок, который мы с вами читали сегодня – он, по мнению ученых, дописан Церковью, дописан, может быть, через несколько десятков лет. Мы даже точно не знаем, когда: может быть, это Евангелие Церкви уже третьего или четвертого поколения христиан. В прошлый раз мы говорили о том, что многие ученые радуются: как хорошо, что

Церковь дописала этот отрывок, потому что было бы ужасно, если бы Евангелие от Марка заканчивалось теми словами. И действительно, замечательно, что Церковь дописала окончание. Но, в принципе, ничего ужасного в том, что Евангелие от Марка заканчивалось теми словами, нет. Евангелие, наверное, так и должно было бы заканчиваться – как приглашение новому поколению христиан дописать свою страницу в Евангелии.

И для нас отрывок, который мы слышали сегодня, очень важен, потому что в этом отрывке мы видим, как Церковь третьего, четвертого, может быть, пятого поколения видит себя, как она воспринимает себя. Мы видим, что, во-первых, она вспоминает о явлениях воскресшего Христа. Она хранит Апостольскую традицию, хранит Апостольское предание. Мы видим, что она полна смирения, она рассказывает о том, что апостолы поначалу не верили видевшим воскресшего Христа, и что Господь укорял их за это. Мы видим, что эта Церковь ощущает себя посланной в мир. Она приводит заповедь Христа о проповеди Евангелия как самую главную, последнюю Его заповедь: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари». Мы видим, что эта Церковь видит себя творящей в этом мире чудеса: она говорит о знамениях, она говорит об изгнании бесов, она говорит об исцелении болящих. И это очень важно.

И в прошлый раз мы вспоминали и об о. Александре Мене, о том, как он говорил, что если бы у Церкви отобрали Евангелие, она духом своим, кровью своей, подвигом своим написала бы Евангелие заново. Эти слова были сказаны им в связи с теми гонениями, которые были воздвигнуты на веру Христову в конце 70-х – начале 80-х годов XX века. В те времена у некоторых верующих производились обыски, и изымалась религиозная литература. И вот мы, несколько человек из духовных чад отца Александра, вспомнив книгу «451 градус по Фаренгейту» – по-моему, это Брэдбери? я точно не помню, решили заучить наизусть писания Нового Завета. Я помню, что выучил тогда почти половину Евангелия от Луки. Одним словом, мы учили; кто-то учил Евангелие от Матфея, кто-то – от Марка, от Луки; кто-то – от Иоанна, кто-то –

Деяния Апостолов. И когда о. Александр узнал об этом, он посмеялся над нами и сказал: «Ну, наивные вы, зачем так мучить себя? Да если у нас отнимут эти книги, мы их заново напишем! Мы напишем их заново, мы напишем это Евангелие жизнью, самой жизнью своей». И он *действительно* написал Евангелие своей жизнью. Вся его жизнь – это было Евангелие: Евангелие в поступках, Евангелие в словах, Евангелие в действиях, в каких-то встречах. Все, все в его жизни было Евангелием, все было ***благовестием***. «Евангелие» означает в переводе на русский язык «благая весть» – вот он и нес, самим своим присутствием в этом мире он нес в него **Благую весть**.

И, как мне кажется, для нас важно, и может быть особенно важно сегодня, в канун годовщины мученической кончины о. Александра Меня, задуматься: а вот мы, Церковь, мы бы смогли написать заново Евангелие? И если бы мы взялись писать Евангелие, каким бы оно было? Какие бы заповеди мы включили в это Евангелие? Смогли бы мы дописать хоть одну страницу в Евангелие? Ведь сегодня мы с вами Церковь. Мы говорим, что Евангелие – это откровение Бога через Иисуса Христа. Сегодня в этом мире мы с вами свидетели Иисуса Христа, мы тело Христово. Мы сегодня – явление Иисуса Христа в этом мире, по крайней мере, должны им быть. Какое откровение Бога идет сегодня через нас, какую страницу Евангелия мы сегодня с вами пишем? Давайте задумаемся. И если в нашей жизни что-то не так, если мы действительно далеки от Евангелия, если мы действительно чувствуем себя неспособными не то, чтобы страницу Евангелия написать, а даже несколько строчек – то будем просить у Господа милости, будем у Господа просить Духа Святого. Того Духа, Которым писалось Евангелие, того Духа, Которым в течение вот уже двух тысяч лет живет Церковь, и Которым мы с вами должны жить.

Да хранит вас Господь!

9 сентября 2000 г.
Литургия

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Слова апостола Павла из Послания к Коринфянам, те слова, которые мы с вами только что слышали, задевают за что-то самое живое в сердце, они заставляют задуматься о сути христианства, о смысле нашей жизни, здесь, сейчас в этом мире.

Апостол Павел говорит, что Бог избрал немудрое, немощное, ничего не значащее. И это заставляет всерьез посмотреть, как мы живем. Кто из нас хочет быть в этом мире, мягко говоря, немудрым, ну, а попросту, дураком? Кто из нас хочет быть ничего не значащим, попираемым, тем, об кого вытирают ноги в этом мире? Кто из нас хочет быть слабым, у которого ничего не получается? Слабость – это безуспешность, неудачность. Так кто из нас этого хочет? Или кто из нас к этому готов? Наверное, никто. Но вот именно к этим людям пришел Господь, именно этих людей Господь избирает. И если мы не хотим быть такими, если мы не сознаем себя вот такими в этом мире, значит, Господь пришел не к нам, значит, Господь призвал не нас с вами. И это страшно, родные мои. Страшно. Что тогда наше христианство? Что? Пустой звук, мыльный пузырь – и все. И ведь это не единственное место в Священном Писании, которое заставляет так думать, мы можем найти в Евангелии слова Самого Христа, подтверждающие эту мысль апостола Павла.

Но на этот текст, на эти же слова можно посмотреть и по-другому. Да, я не чувствую себя мудрым. Да, я понимаю, что очень многие люди в этом мире умнее меня. Да, у меня не получается очень многое. Да, я неудачник. Да, мне не хватает сил справляться со своими грехами, со своими немощами, со своими недостатками. У меня так много дурных привычек, у меня так много недостатков, что я сам себе противен, тошен. Но это значит, что именно ко мне пришел Господь! Это значит, что именно меня Он спасает, это значит, именно меня Он призывает. Какое счастье, какая радость, что я именно такой, что я нуждаюсь в Его помощи! Как говорила

св. Тереза: «Какое счастье, что я ко дню смерти не стала святой! Потому что Господь теперь может меня простить, а так бы Ему не за что было меня прощать». То есть, понимаете: какое счастье, что я несовершенен, что я нуждаюсь в помощи Божией!

Но на этот текст можно посмотреть и еще с одной стороны. Апостол Павел говорит: «Посмотрите, кто вы, призванные: немного из вас мудрых по плоти, сильных, благородных». «Немного» – но, значит, все-таки есть! Значит, среди нас встречаются мудрые, сильные, благородные. И вот таким человеком был отец Александр Мень, память которого мы сегодня совершаем. Он действительно был мудрым по плоти, он действительно был очень сильным человеком, в нем присутствовало величие, подлинное величие. Но это не мешало ему быть христианином. Потому что то благородство духа, которое было также даровано ему, делало его располагающим к любви, к дружбе. Это был человек, перед которым можно было не только преклоняться, но с которым можно было дружить, которого можно было любить, которому можно было доверять. И вот это все: величие, сила, благородство, мудрость, которые были в нем – они не мешали и ему тоже в этом мире быть неудачником, и очень часто беспомощным, и очень часто нуждающимся в бесконечной милости Божией.

Одним словом, эти слова апостола Павла заставляют нас всерьез заглянуть в себя и понять, что, даже если мы не считаем себя самыми глупыми, даже если мы не считаем себя самыми беспомощными в этом мире, даже если нам от Бога дано какое-то внутреннее благородство, это совсем не значит, что мы не нуждаемся в помощи Божией. Мы все бесконечно зависим, мы все живем только Его любовью, только Его милостью, только тем, что Он дает нам каждый день. И каждый день нашей жизни должен был бы начинаться именно с осознания того, что еще один день – это день, наполненный любовью Божией, день, наполненный Его дарами. Потому что если бы не Его любовь, если бы не Его дары, то этого дня в моей жизни вообще бы не было.

Мы должны об этом всегда помнить и всегда благодарить Бога – что бы ни происходило с нами в жизни, что бы ни врывалось вот

в этот день в нашу жизнь. За все происходящее с нами. Сама жизнь, сам день этот – это уже явление любви Божией, это уже явление Его благодати. И мы должны об этом помнить, благодарить за это и жить этим.

И да хранит вас Господь!

Священник ГЕОРГИЙ ЧИСТЯКОВ

«С ОТЦОМ АЛЕКСАНДРОМ МЫ ВСТРЕЧАЕМСЯ У ЧАШИ»

9 сентября 2004 г.
Литургия (Мк 6:30-45)

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Сегодня мы читали рассказ об умножении хлебов из Евангелия от Марка. И не случайно, наверное, этот литургический текст выпал на сегодняшний день, когда мы вспоминаем отца Александра, когда мы молимся о нём и молимся вместе с ним, и просим его молитв. Это не простое совпадение, что мы читаем сегодня о том, как взял хлеб Иисус, благословил, преломил и дал Своим ученикам. Этот текст, который рассказывает о чуде, что предваряет Таинство Евхаристии, этот текст, который так дорог был – и это мы знаем из его книг – отцу Александру, мы читали за сегодняшней литургией.

Отец Александр был человеком, для которого литургия составляла самую сердцевину его жизни. Для него Таинство Евхаристии значило очень много, и поэтому не случайно сегодня, в день его кончины, мы собрались здесь не только для того, чтобы служить панихиду, но чтобы совершить вместе Таинство Евхаристии, чтобы быть участниками Тайной Вечери Христовой. Потому что участие в Евхаристии – оно побеждает пространство, потому что в Таинстве Евхаристии мы собираемся вместе: и ныне живущие, и усопшие, и те, кто здесь живут и те, кто где-то далёко, – мы все встречаемся в Таинстве, которое совершает Сам Христос; мы встречаемся у того кипарисового стола, на котором Господь наш Иисус Христос взял хлеб, благословил и преломил со словами: *Сие есть Тело Мое, за вас ломимое во оставление грехов*. Эта

встреча со Христом и встреча со всеми святыми, есть и встреча с отцом Александром. И очень важно, мне кажется, понимать это и чувствовать. Чем дальше уходит в прошлое день, когда о. Александр ушёл из видимой жизни, тем яснее становится, до какой степени великим праведником он был, до какой степени отметил Господь его печатью святости.

Это становится ясно с каждым годом всё более и более. И каждая новая книга его, которая выходит сейчас, – это событие для всех, кто открывает эти книги и читает их. Оказывается, что в отличие от многих людей, которые, чем дольше проходит время от того, когда они жили, все больше и больше уходят в прошлое – святые не уходят, они остаются здесь, они остаются среди нас, они навсегда остаются нашими современниками. Отец Александр был именно таким современником дня сегодняшнего, и молитва его чувствуется в нашей жизни. Сколько людей в последние годы признаются, что узнали силу его молитвы. Поэтому будем благодарить Бога за то, что у нас есть такой наставник и такой духовный отец, молитвами которого мы живём.

Отец Александр из тех людей, которых называют «*друзья Христовы*». И это видно не только из нашего опыта общения с ним, это видно из каждой строчки «Сына Человеческого», его удивительной книги. Это видно из каждой строчки текстов, которые он нам оставил. Конечно, несмотря на то, что годы летят, как-то очень трудно представить, что отца Александра нет в нашей жизни физически. Это действительно очень трудно и больно себе представить. Но Господь нам даёт общение с ним через Таинство Евхаристии, через молитву, через чтение его книг. Господь даёт нам общаться с отцом Александром, и будем за это благодарить и воспевать Бога.

Как бы хотелось сегодня не служить Литургию самому, а подавать кадило о. Александру или просто стоять где-то в углу Новодеревенского храма. Как бы этого хотелось! Но жизнь идет по законам, которые нам не понять. Поэтому будем стараться общаться с ним и со всеми теми, кого зримо в нашей жизни уже нет, – в молитве и, прежде всего, в Таинстве Евхаристии. Потому что,

как говорит Иисус, когда вспоминает о купине и о том, как Бог явился Моисею в горящем и несгорающем кусте, Бог Авраама, Бог Исаака, и Бог Иакова *не есть Бог мертвых, но живых, потому что у Бога все живы*.

Давайте всегда помнить эти слова Евангелия, чтобы они были не просто утешением нам, но чтобы они были ключом к общению со всеми нашими близкими и родными, кто ушёл из видимой жизни. Эти удивительные слова, которые не могут солгать, потому что говорит их Христос, вспоминая о купине, об одном из самых огромных событий в библейской истории: *у Бога все живы*. Как нам важны эти слова сегодня, в этот день, такой трудный; в этот день, на самом деле такой важный, потому что мы встречаемся с отцом Александром у Чаши, которую столько раз он держал в руках, причащая нас, новодеревенских прихожан. У Чаши мы встречаемся с ним всегда и сегодня, ибо у Бога все живы.

АНДРЕЙ ТАВРОВ (СУЗДАЛЬЦЕВ)

НА ЯЗЫКЕ ПОДЛИННИКА

Андрей Тавров родился в городе Ростов-на-Дону. Закончил МГУ по отд. русской филологии. Работает на московском Радио и TV. Член Союза писателей Москвы. Автор поэтических книг, романов «Орфей», «Мотылек», книги детских христианских сказок, сценария радиоспектакля «Сын Человеческий» по книгам Александра Меня «Сын Человеческий» и Яна Добрачиньского «Письма Никодима». Участник и один из учредителей литературного направления «Новый Метафизис». Православный христианин, автор ряда статей на христианскую тематику. Живет в Москве.

Мне несколько раз предлагали записать в форме книги свои воспоминания об отце Александре Мене, и каждый раз я отказывался. Я не мог бы сформулировать причину отказа, но она была, я это ясно ощущал. Сейчас я могу сказать, в чем тут дело. Книга – это всегда какая-то окончательность, итоговость, то, что кончается хотя бы смысловой точкой, предполагающей предварительный зафиксированный смысл. Вот этой фиксации я и боялся. Потому что в жанре воспоминаний о человеке происходит фиксация не той личности, о которой пишешь, а твоей собственной. Проще говоря, пишущий ни о чем другом, как о себе написать просто-напросто не может. Каждый раз будет получаться «мой Пушкин», а проще говоря, я сам, пишущий о другом. И все зависит лишь оттого, на каком этаже своей собственной личности ты находишься – с него-то и будет описана панорама. Хорошо, если ты уже где-то наверху, откуда видны горизонты, звезды, моря и океаны. Ну а если ты все еще в подвале, или где-то на первом-втором?.. А ведь ты воображаешь, что это и есть реальность и свято и наивно веришь, что описываешь другого человека, а не собственный духовный

этаж. Думаю, что отца Александра лучше всего описал бы человек одного с ним духовного уровня, одного этажа. Ну, например, Святой Франциск или Вл. Соловьев. Причем думаю, что в своем описании итальянский чудак вообще бы обошелся без слов, м. б. он сыграл бы какую-нибудь мелодию или придумал бы что-нибудь еще, например, попросил рассказать о русском священнике на своем собственном языке сестру птичку. Но, по словам одного дзенского мастера: «Лучше все-таки говорить, чем не говорить», и я попробую здесь это сделать, ни на минуту не забывая, что не слова здесь главное, а внутренний подтекст, неуловимая мелодия, нота любви – потому что о. Александр был источником любви, и не откликнуться на эту любовь было просто невозможно.

Все зависит от того, что ты хочешь описать – быт ли, привычки, способность любить и нести добро, внешность. Но, может быть, ты хочешь описать главное, то, для чего не придумано точных слов… может быть, ты хочешь описать ту пульсацию истины, которая каким-то чудом тебя достигала в общении с этим человеком, как достигала она его самого в общении с Богом… тогда займись этим головоломным занятием и используй тот язык, который на сегодня имеется в твоем распоряжении.

Мы идем от станции Семхоз на дачу одного из прихожан. Лето, солнце сияет сквозь свежую зелень деревьев. Часть народа ушла вперед, мы с о. Александром идем рядом, и я совершенно не помню, о чем мы разговариваем. Вероятно, он отвечает на один из моих, столь важных для меня, вопросов. Но дальше помню хорошо. Он останавливается, я слышу голоса разбредшихся по лесу знакомых, он, кажется, на миг прислушивается, потом внезапно прижимает руки, еще недавно державшие Чашу с Дарами, к груди и говорит: «Помните, вы у меня все здесь, все». Слова «не бойтесь» не прозвучало, но в подтексте оно явно присутствовало. Потом мы догнали остальных, потом была дача, разговоры, шутки, великолепные импровизации отца Александра на тему Троицы и его реплика на опрос: «От кого же исходит Дух Святой, от Отца и Сына или только от Отца?» «Мы не знаем даже повадок некоторых ночных животных, а в таких вещах стремимся определиться… Это не

корректно», – так он тогда сказал. Это был 90-й год. Быть ему среди нас оставалось считанные дни.

Жест рук с сильными точными пальцами прижатыми к груди, жест, в котором – в который уже раз! – присутствовало что-то неуловимо материнское, не шел у меня из ума. Что он означал? Что означали эти слова : «Вы у меня все здесь, все». Две вещи вызывал в памяти этот жест и эти слова: материнскую любовь Христа к Иерусалиму: «Сколько раз я хотел собрать тебя под крылья свои, как птица собирает птенцов, и вы не захотели» и «первосвященническую» молитву Христа: «Я о них молю, не о мире молю, но о тех, кого Ты даровал Мне… Когда Я был с ними, Я соблюдал их во имя Твое, которое Ты дал Мне, и сохранил, и никто из них не погиб…» (Ин 17: 9-12. Пер. еп. Кассиана (Безобразова). Это уже тогда прочитывалось, но это было только началом «чтения». Смысл, за которым чувствовалась глубина, все равно как-то все время ускользал, до тех пор, пока однажды мне не открылись в поезде слова из того же Иоанна: «В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас». Вот тут-то, через много лет кое-что начало приоткрываться по поводу того летнего дня с его солнцем, зеленым лесом, перекликающимися голосами и пением птиц.

На своем первом этаже человек чувствует, что мир состоит из отдельных существ по имени «люди». Они ходят на работу, ссорятся, мирятся, влюбляются, делают карьеру, рожают детей, стареют и умирают. Но чем выше поднимается человек по духовным этажам своей личности, тем больше меняется картина. Меньше становится отдельных вещей, меньше он замечает то, что еще недавно для него самого было столь важным – власть, деньги, желания, и все яснее он начинает различать, что границы его тела это не его собственные границы. Потому что границы человека – иные. Точнее говоря, их нет. Там, на крыше, их нет. Там, где ты – един с Христом, их нет, этих границ, между тобой, Христом и другим человеком, ибо все вы – Одно. Мы как-то стыдимся, особенно налегая на миф о своем недостоинстве, особенно его муссируя, осуществлять главное, что заповедал перед смертью Христос – осу-

ществлять единение с Отцом и друг с другом. Мы как-то стесняемся думать в эту сторону. Я прекрасно понимаю, что тут нужна корректность, благоговение, осторожность – словом все, что заключено в слове «любовь», но оставить без внимания призыв Христа, выстраивая себе алиби из пресловутой «недостойности» едва ли не хуже, чем по неразвитости духа его профанировать. Евангелие оставляет нам весть Тайной Вечери, и весть эта такова, что если на уровне тел, воспринимаемых нашим эго – мы все разделены, что если на уровне душ, воспринимаемых нашим эго, мы все разъединены, то на уровне духа, воспринимающего Реальность как она есть – мы все едино. И для того, чтобы сказать «Я и Христос – одно», не нужно быть богохульником, и не нужно быть апостолом Павлом, а нужно просто поверить в то, что сказал Сын Человеческий на своей последней на Земле Вечере. И если я с верой воспринимаю Его слова, то я повторяю вослед за Афанасием Великим: «Бог стал человеком для того, чтобы человек стал Богом». С верой я понимаю, что я и Христос, я и Бог – одно. И не где-то в неопределенном будущем, а прямо сейчас. Потому что это свершилось. Потому Христос в меня «встроен», он со мной Одно, а я Одно с остальными. И все остальные живут в моем сердце, хочу я этого или не хочу, принимаю я это или отвергаю. Но если я принимаю это, следуя призыву Христову, то я обладаю властью и правом даровать этим людям, которые и есть часть моего Я, любовь и бессмертие, предлагая им – себе во Христе – всего себя. Но это мышление не Эвклида, это мышление Лобачевского и за-Лобачевского – Христово. Если это, вообще, можно назвать мышлением. Я бы назвал эту весть – Даром. Даром с Креста и Даром Воскресения.

Отец Александр прояснял очевидные вещи, которые ум, воспитанный в искаженных духовных пространствах, отказывался замечать. И когда он говорил, что «Вы все у меня здесь», он говорил не только о том, что через Христову любовь он и мы – одно, что свой дух он перебросил как мостик между Христом и каждым из нас, но и о том, что это дано сделать всем. Дано не потенциально только, а реально, существует уже прямо по выходе моем из

пределов эго. Но, чтобы увидеть это, нужно мужество. Поэтому проще сказать: Да кто я такой! Вот Александр Мень это да! Вот Франциск это да! А я недостоин. И тогда хочется спросить – Чего? Чего же ты недостоин? И ответ будет один единственный – я недостоин Евангелия. В переводе на современный русский – оно мне как-то ни к чему. И большая часть истории Российской подтверждает как раз это: Евангелие нам ни к чему.

Отца Александра любили, и жизнь отца Александра была прервана – по одной и той же причине – он был слишком похож на Христа. Каждый из нас похож на Христа, и Его волей мы и есть Он, но далеко не каждый хочет это принять. Тут придумана тысяча отговорок, которые и остроумны, и глубоки, и благоговейны, но у всех у них есть один недостаток, одно слабое место – они идут вразрез со словами Тайной Вечери.

«Пушкин – это русский человек, каким он явится через двести лет», – кажется, так говорил Гоголь. Отец Александр Мень, это Христос, который уже жил среди нас. И каждый из нас, если он верит в то, что сказал Господь, это Христос, живущий среди других христов. Все зависит лишь от одного, хватит ли нам мужества принять эту правду, или не хватит. У отца Александра хватило. Хватило мужества жить в Реальности, а не в человеческом предании, которое было сном с самого начала и сном остается до сих пор.

И если в Библии слово Адам употреблено в значении собирательном и означает человечество, то и Сын Человеческий, новый Адам, означает то же самое.

Однажды отца Александра попросили определить основы своего богословия. « Ну, что вы, – отмахнулся он, – какой я богослов? Я – комментатор, популяризатор». И это было сказано не случайно. Это было точно сказано. Можно только еще добавить – еще и переводчик. Переводчик с Божественного подлинника на человеческий язык. Собственно, все пророки, были переводчиками с Божественного на человеческий – на тот язык, который был в ходу на то время и в том пространстве. Но для того, чтобы переводить с Божественного нужно два условия: иметь личный опыт внесло-

весного общения с Богом и владеть тем языком, который хотя бы приблизительно это пламя любви и истины способен «упаковать» и донести до среднего бытового сознания. Потому что глубина глубин откликается на слово. Потому что все начинается со слова, знакомого и близкого, но говорящего теперь «о том», о тех вещах, которых оно прежде не называло и не обозначало.

Александр Мень был мастером такого перевода. Самый большой соблазн таится в том, чтобы, поддавшись очарованию переводной работы, начать цитировать ее направо и налево, восхищаясь теми словами, которые не являются Богом, которые только указывают в Его сторону. Еще больший соблазн – восхищаться личностью переводчика, забыв при этом, откуда она и куда.

О личном постоянном общении о. Александра с Беспредельным, что можно сказать? Сам он об этом говорить не любил. Да и как об этом скажешь напрямую? Слова Духа разумом эго не воспринимаются, искажаются, перевертываются. Но в том, что оно было постоянным и интенсивным, я не сомневаюсь. У меня есть причины это утверждать. Знакомство с подмосковным священником совпало с тяжеленным кризисом, в котором я находился. Я умирал в прямом смысле этого слова. О. Александр молился надо мной в одной из «конспиративных» квартир города Пушкино. Я расслышал всего одну фразу из горячей молитвы: «Господи, распрями его тело, распрями его душу». Через несколько дней, ночью на даче, лежа без сна, я пережил самое яркое событие из моей духовной жизни. Ко мне пришел Господь и говорил со мной. С той ночи я начал выздоравливать. Но еще до этого я, взволнованный увиденным, попытался рассказать о Встрече матери и жене. От меня не укрылось то, как они встревожено переглянулись, и я осекся. При встрече я, уже с некоторой опаской, рассказал про ту ночь отцу Александру. И вот что он ответил: «Если бы не *это,* – сказал он, – у меня ни на что не хватило бы сил». Под *это* подразумевался углубленный и полный контакт с Тем, о Ком на Его собственном языке не скажешь, Его надо переводить. И этой работой – когда словесной, когда деятельной – отец Александр занимался всю свою жизнь. Духов-

ный закон гласит, что становишься тем, что отдаешь. Переводя с подлинника, Александр Мень сам становился подлинником. Отдавая любовь, преображался в нее.

Новое поколение не знает о. Александра. Но оно и Пушкина не знает. Я помню, как недавно объяснял одной молодой женщине, что значит слово «благородство». Самое главное, что она это поняла, а значит, смысл этого слова в ней жил. И все же многое уходит в прошлое. Слово «интеллигенция» исчезло со страниц периодических изданий, не звучит ни на радио, ни на ТВ. Звучит слово «интеллектуал». Слова – это место пребывания человека. И если слова низки, то и человек наследует свойства места своего обитания. Идет угасание смыслов Реальности. Телевидение, подгоняемое долларом, творит сновидческие пространства, неважно даже какого качества – они сновидческие, или, проще говоря, пространства смерти, о которых сказано: «Восстань, спящий, воскресни из мертвых». И если 2000 лет христианство в том виде, в котором оно существовало ничего не смогло сделать с людьми для того, чтобы жизнь на земле стала менее проблемной, менее тупиковой, менее убийственной, то видимо, мы не досказываем того, что нам говорит Бог. Видимо, надо овладеть языком более адекватным. Безумием называется в словаре способность совершать одни и те же действия, ожидая нового результата. Церковь, как земной институт, ничего не меняя, не может ждать перемен. Да и нужны ли они ей? Но ведь если Христос и Его весть не меняют жизнь человечества, делая ее лучше, значит, Он либо плохо «переведен» на человеческий, либо Его обетования – неправда. Есть еще вариант – что мы до их исполнения не дожили, но, думаю, что это еще одна форма самоустранения. А, значит, нужны переводчики. Потребность в них ощущалась еще в 80-е годы. Организовывались духовные движения, говорящие с людьми по-новому, на ином языке. В связи с этим я запомнил высказывание о. Александра. «Перемены должны начаться внутри Церкви, а не вне ее». Для него это было очень важно. Он никогда не отделял себя от Церкви. Перевод речи Святого Духа осуществляется Святым Духом, только тогда весть может быть донесена поверх слов. Для

этого Духом, как минимум, надо обладать. В этом смысле о. Александр был переводчиком от Бога.

В своем выступлении через сорок дней после убийства священника я сравнил его с Моцартом. Это было верно, но только отчасти. Как-то он сказал, что в трагедии «Моцарт и Сальери» Пушкин описал самого себя как Моцарта и Сальери. Описал две составляющие своей личности – вдохновение и труд. Думаю, что о. Александр говорил здесь и о себе, о своем творчестве. «Но в тексте не должно быть видно швов. Это и есть мастерство», – добавил он. И все же Моцартом он был больше. Просто в природе его было – снимать оппозиции. В противостоянии и разделении он не видел правды. Она находилась выше – в Боге. Разорванный мир – не от Бога. «Разделение Церквей – это нам по грехам нашим». То же самое он говорил и о православном иконостасе, отделяющем любителей от «профессионалов». Может быть, поэтому так любил Соловьева, что тот так много говорил о Единстве, о Всеединстве. «Да будут все едино, как Ты Отче во Мне и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино». Все прочее – работа не Бога.

Самое большое открытие, которое происходило, благодаря общению с этим человеком, заключалось сначала в робком понимании, а потом в ликующем утверждении: мир состоит из любви. Потому что именно любовь озаряла все его движения и слова. Сначала казалось, что она горит в нем, как лампочка в волшебном фонаре, потом, намного позже, становилось ясным, что реальный мир из нее и только из нее и соткан, а все остальное это мои странные и нелепые представления о мире, загораживающие меня от сияния Духа Святого, и еще позже я начал понимать, что это какая-то другая любовь, а не та, которую этим словом принято обозначать в бытовом сознании. Слово «любовь» претерпевало внутренние катаклизмы, пучилось водоворотами, кривилось и вдруг приобретало совершенно новый сияющий смысл, исходящий не от теории, не от размышлений или чтения книг, а от опыта общения с этим человеком. Потому что один прозревший меняет весь мир. В том числе и тебя, с ним общающегося каждое воскресенье месяца. Новое значение этого старого слова я объяснить не

берусь, потому что его следует не понять, а пережить. Скажу только, что оно исключало любую из форм зависимостей, вокруг которых по преимуществу и крутится пестрая и иллюзорная ткань мира. Стоять в ней – стоять на камне Свободы. Встать на фоне такой любви – это или начать рождаться заново, или обгореть всей шкурой и отступить, бормоча: мне бы чего попроще.

Он был в Царстве. Однажды мы с приятелем шли с о. Александром после службы в Новой Деревне к станции. Переходили речку, достаточно живописную, но и закиданную разными ржавыми железками и консервными банками. Приятель сказал сокрушенно и жестко: «Какая грязь!» – «Что вы, – возразил Александр, – посмотрите, какая красота». – И он обвел рукой зеленые кроны березок, синее небо, и вода обычной речки сразу же стала прозрачней, живей, а облака заиграли в синеве. Где находились эти двое? Разве не в разных пейзажах? Разве не в разных реальностях? Разве не на разных планетах? Во всяком случае, один из них был в Царстве, и это было несомненно. Более того, он привел Его с собой в этот подмосковный пейзаж. Святость вообще заразна. Существуют бациллы святости. Мне могут возразить: этот эпизод – мелочь. Но я знаю, что в общении с людьми такого масштаба, вообще, в общении со святыми, мелочей не бывает.

Мартин Бубер однажды понял, что говорить о Боге в третьем лице, это говорить не о Боге, а о неком понятии, идее, объекте. Думаю, что это относится и к человеку. И все же «лучше говорить, чем не говорить». С Богом можно говорить только на «ты». Но если это ди-алог, то как можно поведать о Боге другим, тем, которые в этот диалог не вхожи. Вероятно, одним единственным способом – *являть* жизнь Бога. Давать возможность Ему *быть в тебе.* И если мы не оставим странную застенчивость, мешающую нам выполнить эту задачу, как это сделал о. Александр, каким образом мир сновидений, мир, который во зле лежит, мир разрозненных эго узнает о Боге Живом, Боге-не-идее. А вернее, как эта весть минует барьер эго и дойдет до самоосознающего духа, чтобы явить его внутреннее присутствие тем людям, которые его еще не почувствовали.

О том, что я призван *быть*, я услышал тоже от отца Александра. У него была традиция – рекомендовать ту или иную книгу в качестве чтения и для размышлений на Великий Пост. Мне он принес такую книгу, кажется, из собственной библиотеки. «Собственно, вся ее идея выражена в заглавии», – заметил он. Книга принадлежала перу психолога по имени Фромм и называлась «Быть и иметь». И одно исключало другое. «Невладеющее созерцание» – вот к чему он тогда меня призывал. Надо ли говорить, что все его идеи были результатом собственного его духовного опыта, и что жизнь его соответствовала словам его проповеди – случай невероятно редкий и по тогдашним, и по нынешним временам.

Снимая оппозиции мудростью и любовью, которая «всего надеется», он воистину путешествовал на драконе, как некоторые даосские мистики, не знающие ограничений «локального» разума и уточняющие условия существования пространства и времени. Но христианство знает и другого дракона, который выходит из бездны на сушу, чтобы убивать святых и затмевать солнце.

Его день рождения и день смерти соседствуют с православными праздниками, посвященными Иоанну Предтече/– Ангелу Пустыни. И сценарий своего фильма об о. Александре я так и назвал «Ангел Пустыни». К сожалению, ангел не может забрать пустыню с собой на небо. Он может лишь быть для нее Гласом. И не похоже, чтобы сегодня пустыня цвела. Впрочем, в духовной жизни принимаются в расчет забеги только на длинную дистанцию. Иногда очень длинную. По отношению к которой слово «Свершилось» уже прозвучало.

На его могиле происходят разные удивительные вещи. И странно, если бы они не происходили. Когда-то меня поразили слова Гете: «Как я могу остановиться, когда придет смерть, я просто не смогу этого делать, я по-прежнему буду работать». Смерть не овладела учеником Христовым. Многие общаются с ним до сих пор. Многие чувствуют его жизнь, его живого, радостного, великолепно свободного на месте надгробия. Я слышал там пение ангелов. Я просто пришел туда и просто его услышал. И это было

необычно и прекрасно. Каждый, кто их слышит, понимает, что они поют о нем одном, потому что нет существа для них дороже, чем именно ты. Ибо ты – единственный. Вот такая парадоксальная арифметика. А азы своей уникальности и единственности, а также уникальности и единственности любого, кто рядом с тобой или далек от тебя мы познавали, общаясь с тем, кто не рассказывал об этом, а этим жил.

Мы стоим на водоразделе. В прошлое уходят такие имена, как Лихачев, Аверинцев, Мень, Сахаров, Бродский. Мы переселяемся на другую планету под знаком «антропологической катастрофы». Пески приближаются и заносят библиотеки. Кто может что-то изменить и каким образом? Уже почти всем ясно, что катастрофа близка. Так что тут можно поделать? И я слышу слова о. Александра: «Начни с себя». Потому что рядом с тобой Тот, Кто больше не только храма, но и мира. А значит – вас уже двое. При условии, что вы – Одно. Со всеми, кто жил, живет и еще будет жить на Земле.

Май 2005

АНДРЕЙ ТАВРОВ (СУЗДАЛЬЦЕВ)

АНГЕЛ ПУСТЫНИ
киносценарий

Голос *(даты отображаются на пустом пока экране)*: Александр Мень родился 22 января 1935 года через два дня после праздника Собора Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Убит 9 сентября 1990 года. Похороны состоялись 11-го, в день Усекновения главы Иоанна Крестителя, Ангела Пустыни.

ЗАГЛАВИЕ: АНГЕЛ ПУСТЫНИ

ЭПИЗОД 1

(Этот эпизод снят в предельно документальной манере, в «режиме прямого эфира». На лице Убийцы «сетка»)

Журналистка – девушка лет 20–25, ангелоподобная, эротичная, с романтической внешностью, противоположной ее внутренним качествам – хватке, деловитости, устремленности на «материю», глухоте к духовному.

Убийца – лет 35–40, с проблесками интеллигентности на лице и в разговоре, но, в общем, никакой.

УСЛОВНАЯ КОМНАТА

Журналистка *(взволнована «жареным» материалом)*: Итак, только на нашем канале. Впервые, после многих неудачных попыток следственных комиссий и множества частных журналистских расследований, впервые раскрыта тайна загадочного убийства священника Александра Меня. Нам удалось договориться об эксклюзивном интервью с человеком, убившим подмосковного батюшку. И сейчас этот человек у нас в студии. По весьма понятным причи-

нам, мы не будем называть его имени и показывать его лица, т. к. наш гость попросил сохранить его анонимность и, в силу журналисткой этики, мы приняли его условия. Имя, которым я буду называть моего собеседника – вымышленное. Итак, Владимир. Что побудило вас выйти на телевидение с сенсационным заявлением после стольких лет молчания?

Убийца: Как ни странно, именно это молчание. Знаете, такое ощущение, что все всё забыли. Словно этого вообще никогда не было. Сначала все ждали, когда найдут убийцу, а потом… Потом убийств стало все больше и больше, они стали нормой, люди привыкли...

Журналистка: Но убийство священника – было первым.

Убийца: Да. Тогда это для всех был шок.

Журналистка: Но и сейчас вы рискуете. Почему вы пошли на риск?

Убийца: У меня есть на это основание.

Журналистка: В убийстве священника за все время призналось больше десятка человек. Как вы докажете, что именно вы убили отца Александра?

Убийца: Я понимаю ваш вопрос. Меня тоже удивило число признавшихся. Геростратов комплекс… к тому же, многие из них больны. Знаете, сколько могут заплатить за книгу с таким вот названием: «Я убил Александра Меня»?

Журналистка: Не думаю, чтобы уж очень много.

Убийца: В процессе интервью я приведу неопровержимые доказательства того факта, что отца Александра Меня убил именно я.

Журналистка: И вы решили это сделать на всю страну.

Убийца: Вы мне хорошо заплатили за интервью, и я пришел.

Журналистка: Понятно. Так что вам такого сделал священник православной церкви, что вы захотели его убить?

Убийца: Ну, все началось с одного телефонного звонка… он не был ничем особенным… но все началось с него…

Видеоряд – хроника того времени, московские улицы первых лет перестройки, митинги, разгоны демонстраций. На этом материале звучит аудиозапись («документальная») телефонного разговора. Звонок телефона.

Убийца: Да. Я слушаю.

Голос по телефону: Владимир Иванович?

Убийца: Да. Кто это?

Голос: С вами говорит тот, кому ваше семейное счастье небезразлично.

Убийца: А в чем дело? Кто это?

Голос: Я уже представился. Как вы думаете, где сейчас ваша жена?

Убийца: А что?

Голос: Так вот, в данный момент она слушает человека, которым, похоже, увлечена. И увлечение это, похоже, не совсем безобидного, что ли, свойства. Впрочем, я ни на чем не буду настаивать.

Убийца: О чем это вы? Что за увлечение? Кого она слушает?

Голос: Сейчас ваша жена находится на лекции священника Александра Меня. Могу сказать адрес… как проехать…

Убийца: Так… так… хорошо… скажите…

ЭПИЗОД 2

Убийца входит в вагон электрички. Быстро идет по нему. Камера следует за ним и выхватывает несколько странных предметов и персонажей. Это – сильно увеличенные репродукции фресок Джотто, портрет Достоевского, рисунки отца Александра, большие пластмассовые крылья на коленях инвалида, перевитые грязными ремнями-лямками.

Раздается стук колес поезда. На него накладывается аудио-сцена из фильма «Братья Карамазовы» – монолог Великого Инквизитора. Он полувнятен.

«Фишка» в том, что жест и ракурс лица убийцы на мгновение точно копирует жест и ракурс одного из персонажей фресок Джотто.

Убийца выходит из вагона и попадает в фойе Дома Культуры.

На сцене отец Александр. Лица, лица, лица слушающих.

ЭПИЗОД 3

КОМНАТА С ЖУРНАЛИСТКОЙ И УБИЙЦЕЙ

Убийца: Не знаю, помните ли вы то время…

Журналистка *(мило улыбаясь)*: Ну, так, в общих чертах – я тогда училась то ли в первом, то ли во втором классе… так что… понятно…

Убийца: Это была фантастика! *(Хроника того времени. Огонек. Съемки храмов, люди с транзисторами на улицах, Собчак, Горбачев – встреча с Патриархом.)* Увидеть в рабочем коммунистическом журнале «Огонек» снимки из современного православного монастыря. Десятилетиями в Советском Союзе выгоняли с работы и исключали из партии за одно лишь посещение церкви. Инакомыслящих арестовывали, давали сроки. Это въелось, вошло в кровь – поколение за поколением. И вдруг. Все стало можно! Церковь оказалась нужной. Ей разрешили выйти из подполья. Священникам позволили говорить. Горбачев, Перестройка, Гласность. Но говорить было некому. Церковь молчала. Почему – непонятно. Впрочем – понятно… Говорил только один человек – священник Александр Мень. Один за всех. В залы, где он выступал, устремились тысячи людей. Это был шок. Чудо словно стояло в воздухе. Казалось впереди всех ждет что-то необыкновенное. Тогда я его увидел впервые.

ЭПИЗОД 4

Зал Дома Культуры. Лекция о. Александра (на кадрах зала – лица, лица, лица – и отца Александра на сцене – звучит его последняя лекция. Здесь не предполагается, что она последняя). В его роли можно снимать со спины на фоне зала Павла Меня. Аудиозапись. В кадре – лица в зале, хроника тех лет. Рисунки о. Александра. Вставки из кинофильмов о Христе. Кадры восхождения на Гималаи. Богослужения в буддийском храме, в синагоге – сумма великих религий мира. Распятие Дали.

ЭПИЗОД 5

ЖУРНАЛИСТКА И УБИЙЦА

Убийца: Впечатление от лекции было огромным. Многие слушали, словно завороженные. Я понял, что это выдающийся человек. Он говорил понятно и доступно. Я всего лишь инженер, не философ, но мне кажется, основное я ухватил. И я видел, как моя жена ловила каждое его слово. Она смотрела на него влюбленными глазами, смотрела, не отрываясь. Многие смотрели точно так же. Откуда он взялся? Кто он такой?

Журналистка: То есть он вам понравился, несмотря ни на что.

Убийца: Да. Он мог бы не понравиться, если бы говорил неискренне, как большинство современных проповедников. Но в этом его заподозрить было трудно. Было ясно, что он говорит то, что думает. И все же оставалось непонятно – откуда он взялся. Ходили какие-то слухи о его дружбе с Солженицыным, с Галичем… Я побывал еще на одной его лекции, потом еще на одной. Я попытался узнать о нем хоть что-то, чтобы разобраться в ситуации, которая грозила разрушить мою семью. Я честно собирал факты. О нем, о его жизни. Но тогда это было сделать трудно. Многое я узнал и выяснил уже после того, как…

Журналистка: После чего?

Убийца: После того, как его… ну… убил.

Журналистка: А что вы узнавали? Его книги? Биографию? Письма к вашей жене? Они были?

Убийца: Писем не было. Я не нашел. Я узнавал… да, книги, биографию… Все, что узнавал, я фиксировал… Я кое-что записывал. Вот эта тетрадь. Здесь так же некоторые мои мысли и возражения по поводу кое-каких его идей (показывает бухгалтерскую тетрадь, испещренную записями). Александр Мень родился…

ЭПИЗОД 6

БИОГРАФИИ

Голос диктора: Отец Александр Мень родился в Москве в 1935 году…

Дальше идет биография отца Александра, как она уже записана в аудиоспектакле о нем, плюс фрагменты его автобиографических воспоминаний, включая эпизод с колодцем-двором и птицами. Это место сопровождается кадрами – взлетающие по колодцу злые птицы. В остальном – автобиографические фото- и киноматериалы – родители, съемки в Новой Деревне, квартире. Школа, где он учился, Тарковский, Вознесенский, фото во время учебы, Иркутск, первые приходы, Галич, Солженицын, станция в Пушкино и т. д.

Биография перемежается Павлом Менем в роли отца Александра, идущим по улицам Москвы, солнечным, летним, в шляпе, рясе из-под плаща и с портфелем в руках.

Биография перемежается 1-секундными клиповыми врезками электрички со странными персонажами – ангелом-бомжом в крыльях, фресками Джотто. Эти врезки сопровождаются «иноприродным» музыкальным ударом, как бы от включенного компьютера, когда в нем открыта музыкальная программа. Жесты персонажей фресок и рисунков совпадают на миг с тем или иным жестом героев биографии. Т. е. они проносят сквозь биографию канонический набор поз из «Тайной Вечери», «Чуда в Кане Галилейской» Джотто и т. д.

Журналистка: Ну, хорошо, давайте вернемся. Когда у вас впервые возникла мысль об убийстве?

ЭПИЗОД 7

Убийца *(говорит за кадром, сам он идет по странному вагону)*: Сначала мне это не приходило в голову. Я был в ужасе, когда у меня эта мысль промелькнула впервые. Я тогда отмахнулся от

нее, я не воспринял ее всерьез. Я, может быть, и ревнив, но не настолько, чтобы убить из-за этого. Так я тогда думал.

Идет по вагону (с совпадениями жестов и поз с Джотто), минует то ли бомжа с крыльями, то ли инвалида, то ли перфоманс «Человек-Бабочка». За кадром звучит голос отца Александра, читающий под стук колес «Пророка». На одном из сидений расположился Инквизитор. Теперь слышно, что стихотворение читает он. Убийца прислушивается и подходит к Инквизитору.

Убийца *(участвует в чтении)*: Сегодня я уже слышал эти стихи.

Инквизитор: Замечательные стихи, правда? Где же вы их слышали?

Убийца: Их читал во время лекции один священник, Александр Мень.

Инквизитор: Знаменитый Александр Мень…

Убийца: Вы его знаете?

Инквизитор: Еще бы. Нам приходилось встречаться неоднократно и по весьма важным поводам.

Убийца: Вот так так!.. И где же?

Инквизитор: Школа, Академия, Сергиева Лавра, Комитет по делам религий…

Убийца: Вот так совпадение! Интересно… И что вы можете о нем сказать?

Инквизитор: Выдающееся явление в русском православии. Человек чрезвычайных способностей. Я сказал – «в русском православии». Поправлюсь – в современном христианстве. Сначала я думал – просто амбициозный интеллигентный юноша, но очень скоро мне пришлось переменить свое мнение. Он всю жизнь был очень естественен. Очень органичен. Ничего экзальтированного, вы понимаете?

Убийца: Конечно, конечно…

Инквизитор: Это цельный человек. Знаете, почему мы до сих пор редко творим чудеса? Потому что мы не цельны. Мы раздроблены. А он собран воедино и в данный момент творит чудо. На его

лекциях люди не только – впервые может быть в жизни! – задают себе вопрос – для чего они живут – но и слышат ответ. Каждый конечно, по-своему… но процесс начат, религия перестает казаться экзотическим священнодействием доступным лишь служителям культа. Он несет людям то, что Христос вложил в его ладони – свободу. А свобода – это быть может самое завораживающее для человека слово. Все его, естественно, понимают по-разному, но каждый – для начала – при его звуке чувствует радость. Видите, сколько народа идет на его лекции – мужчин *(по особенному смотрит на Убийцу)*, женщин. *(Видно, что Убийца испытывает внутреннее смущение.)*

Убийца: Вы считаете, это порядочный человек?

Инквизитор: А вы что, все еще сомневаетесь? Это – человек истории. Вернее, человек перекрестка. Россия сейчас на перекрестке. От таких людей многое зависит.

От них зависит, куда она пойдет – направо или налево, в яму или в гору. Тут многое зависит от внутреннего смысла происходящего. От так называемого торжества добра. Звучит-то как по-детски! А, тем не менее – добро сила великая, способная разворачивать государства и нации.

Мимо них по проходу пробирается то ли бомж с крыльями, то ли инвалид.

Убийца: Вот вы его давно знаете. Я слышал, в него женщины влюбляются…

Инквизитор: А как вы хотите! Не только умен – у него еще и внешность библейская. Пророк да и только. Знаете, даже я одно время был в него влюблен. Можно сказать, почти соратником собирался стать. Вместе нести огонь истины. Но вовремя остановился.

Убийца: А что же помешало?

Инквизитор: Ну, вы понимаете, что я ни в чем не хочу этого достойного человека обвинять. Я вам говорю лишь свои частные мысли. Мне показалось однажды, что он слишком похож на Мессию, понимаете?

Убийца: Что-то не уловлю.

Инквизитор: Ну, слишком похож на Христа. Играет в Мессию, вольно или невольно.

Убийца: Вы так думаете? Но он ничего такого не говорит.

Инквизитор: Он не говорит, он делает. Понимаете, в чем тут штука – мне тогда это не примерещилось – он, действительно, слишком похож на Христа, понимаете?

Убийца: Да. Нет. То есть…

Инквизитор: Вижу, что начинаете понимать. На самом деле он не играет, на самом деле он просто-напросто на Него похож, вот и все.

Убийца: Но ведь Христос, как это… Бог.

Инквизитор: Богочеловек. А теперь ответьте мне на один вопрос. Что бы вы чувствовали, если бы рядом с вами жил второй Христос? Ответьте, только честно.

Убийца: Я бы… что бы я чувствовал?.. Да вы что, серьезно? Я что-то не понимаю, что мы такое обсуждаем…

Инквизитор *(жестко)*: Мы обсуждаем, нужен ли вам второй Христос?

Убийца *(словно загипнотизированно)*: Нет.

Инквизитор *(без паузы)*: А первый?

Убийца смотрит на него зачарованными глазами и молчит.

Камера схватывает его позу и дублирует фреской Джотто вместе с коротким звуком иномирной музыки. Стучат колеса. Неразборчивый голос читает «Пророка» Пушкина.

Инквизитор *(мизансцена словно переменилась, он говорит теперь в иной манере, по-светски, раскованно, легко)*: У России, знаете ли, особая судьба, умом Россию не понять, аршином общим не измерить, как сказал Тютчев. А Мень – он устремлен на Запад, на католицизм. Его бы дары да во благо. Эти его увлечения вполне естественны для человека, в жилах которого течет еврейская кровь. Православие к евреям относилось всегда открыто, но с некоторым недоверием. И потом его идея экуменизма – утрата своих

национальных ценностей, веры отцов – все это серьезные вещи. Настолько серьезные, что способны свести на нет весь тот, без сомнения, положительный эффект, который, конечно, присущ выступлениям отца Александра. Россию, знаете ли, можно и профукать. Про Антихриста слышали? Его слуги и он сам – очень похожи на Христа. Принимают обличья ангелов света. А знаете, давайте пофантазируем. Представьте, что вас на свете нет. Как бы дальше пошла история России? Меня нет. Этого вагона нет. Что бы изменилось в вашей жизни, в моей? Представьте, что отца Александра Меня больше нет. Что бы изменилось? Да что вы, дорогой, напряглись, я же шучу… Ха-ха-ха.

Убийца *(смотрит на него завороженными глазами)*. Стук колес. По вагону идет гитарист и поет песню Гребенщикова.

За кадром, в котором вагон, голос Убийцы, обращенный к Журналистке.

Убийца: Знаете, этот случайный разговор в электричке, произвел на меня сильное впечатление. До сих пор я изо всех сил пытался увидеть лучшее в этом человеке. Понимаете, я хотел быть беспристрастен. Я не хотел поддаваться случайным эмоциям.

ЭПИЗОД 8

УБИЙЦА И ЖУРНАЛИСТКА

Журналистка: А потом вы с ним еще встречались, с человеком из поезда?

Убийца: Да. Мы встречались еще несколько раз.

Журналистка: А как мне его найти? Я хотела задать ему несколько вопросов.

Убийца *(испуганно)*: Не знаю. Я не знаю, как его найти.

Журналистка: Но вы ведь сказали, что поддерживали с ним отношения. Какие-то связи должны ведь сохраниться. Телефон, например.

Убийца: Я вам уже сказал – я ничего не знаю.

Журналистка: Понятно. *(Смотрит в камеру.)* Вы смотрите эксклюзивное интервью с человеком, который в 1990-м году убил священника Александра Меня. *(К Убийце.)* Мы устранили сложности, сопутствующие нашей с вами встрече, сделав вам предложение, от которого вы не смогли отказаться. Нельзя ли устранить и все остальные проблемы таким же путем? Скажем, наша телевизионная компания платит вам за все это десять тысяч долларов!

Убийца *(он напряжен)*: Но это невозможно. Вы не знаете, кто этот человек… это крайне трудная ситуация…

Журналистка: А теперь – реклама.

ЭПИЗОД 9

Рекламные кадры перебиваются голосом отца Александра Меня (его воспоминания) и на смену им идет фрагмент со взлетающими со дна двора-колодца птицами.

ЭПИЗОД 10

ВАГОН. МОНОЛОГ ИНКВИЗИТОРА

Вагон с фресками Джотто, с повторами поз, с портретом Достоевского, с аудиозаписью «Великого Инквизитора» из фильма или спектакля на шуме колес. Эпизод построен так, что темы, на которые говорит Инквизитор, имеют зеркальное отображение во фрагментах лекций отца Александра, которые чередуются с темами Инквизитора. Они отвечают на те вопросы, **подтверждают** то, что говорит Инквизитор. На скамейке Инквизитор и Журналистка.

Журналистка: Нет-нет. Я ничего не буду ни снимать, ни записывать. Мне нужно сориентироваться в том материале, который я сейчас делаю.

Инквизитор: И что?

Журналистка: Вы как-то сказали, что нам не нужен второй Христос. И может быть даже первый. Что вы имели в виду?

Инквизитор: А знаете, милая моя, что я вам скажу. Вы можете записывать. И не скрытой камерой, как до сих пор, а совершенно открыто. Это очень своевременная идея.

Журналистка: Спасибо. Как вы догадались про камеру?

Инквизитор: Я, дорогая, моя не только про вашу камеру, но и про вас лично все знаю.

Журналистка *(если она и смущена, то не слишком)*: Очень интересно. Начали!

Инквизитор *(крупный план, смотрит в камеру)*: Помните ли вы обетования, данные в Евангелии? Обещания Христа? Во-первых, там обещано блаженство. Счастье. Всем тем, кто примет Его весть. Во-вторых, Он говорит, что мы не будем ни в чем нуждаться. Ни в чем! В-третьих, через учеников Он говорит, что оставляет нам власть совершать то, что совершал Он Сам. Вспомним, что именно Он делал: исцелял от болезней, утешал в скорби, даровал слепым зрение, воскрешал из мертвых, насыщал несколькими хлебами тысячи голодных, ходил по воде. Все это будете делать, говорит Он, и больше того будете делать. Прошло две тысячи лет. Сбылись ли обетования? В прямом смысле слова. В том самом, в котором они были даны в Евангелиях. Понимаете, о чем я?

Журналистка *(смотрит на него круглыми глазами)*: Ну, да…

Инквизитор: Поэтому приходиться признать, что либо Евангелия лгут, либо они не прочитаны. Но, так или иначе, приходится придти к выводу, что Благая Весть потерпела сокрушительное поражение. Знаете, что сказал по этому поводу философ Ницше: Если вы христиане, – сказал он, – и если у вас есть все эти удивительные вещи: воскресение из мертвых, жизнь вечная, Отец небесный – **отчего же вы тогда так унылы?**

Журналистка: Но Православная Церковь так не считает. Не считает, что вера потерпела поражение.

Инквизитор: Естественно. На что будет жить Церковь, если признает это? Все эти миллионы священников. Видите ли, в чем дело, милая леди. Я могу вам объяснить и сделать это богословски

грамотнее большинства современных пастырей, почему евангельские обетования не сбылись. Я приведу вам тысячу причин, рассуждая о недостоинстве христиан, о первородном грехе, о слабости веры, о происках Сатаны и так далее, но я никогда не скажу, ни сам, ни устами священников – что конкретно следует сделать, чтобы эти обетования осуществились. Не когда-нибудь в дальнейшем, а прямо сейчас. Я этого не скажу. Так что остается только объяснять, почему Евангелие не работает и делать это так умело, чтобы все думали, что оно работает. В этом церковь преуспела. И слава Богу.

Журналистка: Но отец Александр…

Инквизитор: Отец Александр Мень был один из немногих, кто подошел вплотную к решению проблемы – как сделать, чтобы чудесные обетования заработали. Он шел к этому решению все еще осторожно, все еще медленно, предварительно, во многом в одиночку – но главное он увидел. Он принял основную весть, понял – как сделать слова Евангелия не пустыми иносказаниями, не байками для утешения беспомощных, а огнем и силой, как это и было задумано с самого начала.

Лекция отца Александра о Заповедях Блаженства.
Электричка, в кадре «Странные реалии».

Инквизитор: Вольтер однажды сказал: «Бог сотворил человека по образу своему и подобию. И люди ответили ему тем же». Философ был прав. Каждый отдельно, и все вместе вы сотворили Бога, который не имеет никакого отношения к тому Богу Любви, который говорит со страниц Евангелий. Вы цитируете Его слова, но, в глубине души, вы знаете, что Он тот, кто может покарать, Он тот, кто может отомстить, Он тот, кто может убить или наградить. Он тот, кто похож на Сталина, Гитлера, пахана в законе, похож на меня, на вас, но не на того, кто любит и только любит, и ничего, кроме любви и творчества предложить вам не может.

Отец Александр назвал такое положение вещей зачаточным, диким состоянием духа. И вы повторяете за ним, что вы –

неандертальцы духа. Вы делаете это даже с какой-то радостью, но на этом все и кончается. Дальше с вами ничего не происходит.

Отец Александр. Последняя проповедь.

Инквизитор: Вы понимаете, что вы недостойны любви, недостойны бессмертия, недостойны рая и недостойны чудес, недостойны, чтобы с вами разговаривал ваш Отец. Вы свято верите именно в эти вещи, а не в то, что написано в Евангелиях. То, что написано там, вы не относите к себе, потому что считаете это гордыней. Вы считаете гордыней применить те простые и чудесные слова, с которыми к вам обратился Иисус, – к себе, к своей жизни. Может быть, некоторые из вас и попробовали на свой страх и риск это сделать, но у них ничего не получилось и они отчаялись. Но моя церковь их утешила – Вы недостойны всего этого, – говорит она своим чадам, – вы слабы, греховны, и Евангелие вам не по плечу, но я все равно утешу вас и приму вас. Пусть вас не принял Отец Небесный, и вы оказались недостаточно хороши для Иисуса Христа, но я ваша мать, и я вас приласкаю, а если надо, то и накажу. Вот что говорит вам моя церковь. Потому что она уже давно не Христова, а моя. Она объяснит вам, что нужно сокрушаться, что нужно плакать о своих грехах, что нужно готовиться к концу света и воевать против других христиан, которые молятся неправильно. Каждая из великих церквей объяснит вам, что остальные великие церкви это братские церкви, но что полнота истины у нас, а не у них. Но ваша церковь, она никогда не пошлет вас творить чудеса, воскрешать мертвых и не скажет вам про вашу настоящую власть. Церковь не любит цитировать те слова Христа, где он говорит: «Вы боги», цитируя еще более древнее рукописание. Потому что вы не так можете это понять. И она права. Вам незачем это понимать правильно. Вам лучше понять это иносказательно.

Отец Александр. Запись (из «Домашних бесед»), где он сравнивает обетование Христа о единстве с завещанием умирающего отца.

Отрывки из речи Великого Инквизитора. Портрет Достоевского.

Инквизитор: В моем лице Достоевский изобразил каждого из вас, ваши подсознательные и сознательные установки. Так что не я создал вас, а вы создали меня.

Журналистка: Простите, а какой вы конкретно пост занимаете?

Инквизитор: А важно ли это, дорогая леди? Вы-то какой пост занимаете?

Журналистка *(чуть кокетничая)*: Я – ведущая телепрограммы.

Инквизитор: Поверьте, этого достаточно.

Журналистка: Для чего?

Инквизитор: Чтобы вы могли чувствовать и думать так же, как и я.

Журналистка: Чувствовать что?

Инквизитор: Что Христос нам не нужен. Что нам нужна Церковь, а не Он. Дело в том, что вы не хотите творить чудеса.

Журналистка: Мы не хотим творить чудеса? Да мы их творим. Каждый день.

Инквизитор: На телевидении? *(Презрительно.)* Я не про это. Евангелие снова и снова призывает людей к творчеству и чуду. Знаете, когда Христос единственный раз разгневался на учеников? Когда он им сказал: «О род развращенный и лукавый, долго ли мне с вами оставаться?» Он сказал это тогда, когда ученики посчитали, что они не в силах сотворить чудо. А, посчитав, что они не в силах, они его и не сотворили – не вылечили больного мальчика. За то упрекнул их Господь, что они забыли о своей возможности творить. Дело в том, что каждый из нас на самом деле в силах сотворить чудо. Но эта мысль вам неприятна. Вам неприятно то, что каждый из вас может изменить историю, каждый из вас может воскресить мертвого, каждый из вас может даровать прозрение слепому, каждый из вас может исцелить смертельно больного. Но вы не хотите об этом слушать и объявляете это гордыней. Вот почему вы – мои.

Отец Александр – выступление. Видеоматериалы. Аудиозаписи.

Инквизитор: Мало кто понял, что такое иметь власть быть чадами Божиими. Мало кто откликнулся на призыв Распятого. Знаете, мне даже жаль Его. Ведь те чудесные вещи, которые Он протягивает своим детям, и которые Он добыл ценой неимоверных мук, дети не берут, не замечают. Дети берут в руки «Кока-колу» или управление «Феррари». Вот почему вы – мои. Распятый был велик, и велики Его ученики, но они опасны. Ведь может настать день, когда вы поймете, что все, что говорил Христос – правда. И она сказана не в воздух, а для любого из вас. И что это лучшее, что вы можете найти в жизни. Что это и есть ее, Жизни, Слова. И если такие ученики Иисуса из Назарета, как Франциск из Ассизи или Александр Мень из Семхоза, будут повторять Благую Весть изо дня в день и подтверждать свои слова собственной жизнью, вы можете поверить. И не только поверить, но и попробовать жить по-другому. А это было бы непоправимой ошибкой и привело бы к катастрофе. Но этого никогда не случится. Потому что никто из вас и ваших священников в глубине глубин в это не верит. И если святой верит и призывает к этому, если он мешает церкви, то он никакой не святой, а преступник. Во всяком случае, он должен быть, так сказать, изъят из обращения.

Журналистка: И отца Александра Меня изъяли из обращения именно в силу этого?

Инквизитор: Ну да, ну да…

Журналистка: А его последователи?

Инквизитор: О, с ними все хорошо. Они пятнадцать лет цитируют его слова и в силу этого испытывают некое приятное чувство превосходства перед ортодоксальными и темными церквами. Они мне не мешают. Он мне мешал. Но знаете, в чем главный парадокс. Я его любил. Таких людей очень мало. Понять их почти никто не в состоянии. Я понимал его. Его силу и его одиночество. Его любовь и его обреченность. Потому что я тоже одинок среди вас. И я тоже жертвую жизнью ради вас. Но это я и мои люди спасают вас, а не он.

Журналистка: От чего спасают?

Инквизитор: От понимания того, что вы все – уже в аду. В аду собственного эгоизма и гордыни, что вы спите и видите один и тот же путаный, бестолковый, нескончаемый и безысходный сон, который вы называете жизнью. А я охраняю ваш сон. Вашу пустыню. Потому что я – ваше создание. И поэтому вам не нужен тот, кто может вас разбудить. Вам не нужен священник Александр Мень.

Проповедь отца Александра.

ЭПИЗОД 11

ЖУРНАЛИСТКА И УБИЙЦА В ВАГОНЕ

Странные персонажи, ангел-бомж, рисунки отца Александра, фрески Джотто, Достоевский.

Журналистка: Только на нашем канале. Мы продолжаем сенсационное разоблачение убийства священника отца Александра Меня. Убийца священника дает интервью. *(Обращаясь к убийце.)* Отец Александр, насколько я поняла, сыграл большую роль в вашей жизни, Владимир. Сначала вы подпали под обаяние его личности. Что же произошло потом?

Убийца: Знаете, для человека, который всю жизнь проработал бухгалтером и общался, в основном, с бумажками, ведомостями и счетами, лекции отца Александра были то же самое, что выход в открытый океан. Я был ошеломлен…

Журналистка: Простите, но мне помнится, что в прошлой программе вы называли себя инженером.

Убийца: Да, да, конечно. Я мог бы быть и инженером. Я старался не пропускать его лекций, потому что они вселяли надежду на то, что в Советском Союзе вот-вот случатся какие-то грандиозные перемены. Даже не в Советском Союзе, скорее даже не в нем, а в жизни каждого, кто сидел в зале. Я видел лица слушающих. Однажды я даже подвозил отца Александра после выступления на своем такси. Мы ехали до самого «Семхоза», до его дома под

Москвой, и это одна из самых интересных поездок в моей жизни – столько я тогда услышал интересного от этого человека. Он говорил о Христе.

Журналистка: Но разве вы работали в то время таксистом?

Убийца: Ну да, таксистом.

Журналистка: Стоп! Давайте все же уточним, кто вы по профессии – инженер, бухгалтер или таксист?

Убийца: Если уж уточнять этот момент, то я должен сказать, что я писатель. Я торгую французскими моделями автомобилей на Петровке – «рено», «пежо», «ситроенами», ну и т. д. Это довольно-таки напряженный бизнес. Ведь вся первая половина жизни прожитая в семье военного, накладывает некоторый специфический отпечаток на всю дальнейшую биографию. Но это все не так важно.

Журналистка: А что важно?

Убийца: Дело в том, что вообще-то, я давно мертв. Уже почти пятнадцать лет. В таких делах, как вам известно, свидетелей в живых не оставляют.

ЭПИЗОД 12

ВАГОН

Продолжение монолога Инквизитора. Он перебивается выступлениями отца Александра на темы: 1. Образ Христа. 2. Гефсиманское борение и крестный подвиг. 3. Суд уже начался. 4. Еще раз забросьте вашу сеть.

Инквизитор: Бог создал человека по своему образу и подобию – творцом. По природе своей человек предназначен к творчеству. Он не может не творить. Он творит каждую секунду и обладает колоссальными возможностями для создания добра или зла. И когда вы действуете машинально, неосознанно – вы творите зло. А вы большую часть жизни действуете машинально, и моя церковь приветствует вас на этом пути. Вы машинально читаете молитвы, заученные наизусть, машинально кладете поклоны, словно во сне творите вашу милостыню, вы отрабатываете чужие про-

граммы, никто не живет – своей, единственной, бесценной! – жизнью. Вы можете даже говорить об этом, но ваша жизнь остается прежней. И слава Богу. Оставьте все эти рискованные занятия святым – новую жизнь, осознанность, духовное пробуждение. Давайте считать, что мы-то с вами давным-давно духовно пробуждены и каждый день двигаемся понемногу вперед.

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР

Инквизитор: Когда толпы народа в пустынном месте проголодались и ученики забеспокоились, что им нечем накормить людей, Христос не стал говорить – секунду, сейчас сотворю чудо – Он сказал им: Вы дайте им есть! Потому что вы заряжены на чудо любви. Потому что вы предназначены к чуду любви, потому что все, что не есть чудо любви – не вы.

Журналистка *(с микрофоном)*: Один вопрос. Убийца действовал из чувства ревности?

Инквизитор: Какая чушь. Это он вам так сказал?

Журналистка: Ну, да. Он сказал, что ему позвонили по телефону…

Инквизитор: Знаю. Вначале все это было действительно так. Но эта легенда не сработала.

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР

Инквизитор *(журналистке)*: Неужели, моя дорогая, вам до сих пор непонятно, в чьей именно программе вы сейчас заняты?

Журналистка: Ну, мне-то хорошо известно, в чьей я программе.

Инквизитор: Вы уверены? Sure? *(Снимает с себя часть грима, или шляпу или парик.)* Или в чьей программе занят вот этот вот актер, изображающий то ли бомжа, то ли ангела, то ли исполнителя перформанса? Неужели вы не понимаете, кто тут режиссер?! Я могу, моя прекрасная леди, обнажить все нити этой постановки, передвинуть все декорации, назвать сумму гонорара каждого актера, или, скажем, компьютерного конструктора, художника. Сколь-

ко стоят сценарий, камера, освещение. Я могу назвать адрес под Царским Селом, где расположился вагон, в котором мы сейчас находимся. Но дело в том, что и это пройдет в век постмодерна – и вы и зрители скажут: мы такие фишки уже видали, и никто не поймет, что тут действительно происходит. Никто ничего не воспримет всерьез, что бы я сейчас ни сказал. Поэтому я защищен. Я защищен великолепно, и вы никогда не увидите того, что на самом деле сейчас происходит. Я уже говорил, что я – ваше создание. Я нужен вам и неуловим. Поэтому я в безопасности. Поэтому я могу рассуждать о святых и даже восхищаться ими – никто ничего не воспримет всерьез. Вы думаете, что в кадре сейчас актер. Так оно и есть. И еще я режиссер, и еще – постановщик и спонсор. Потому что это я ставлю все это представление для того, чтобы еще раз дать вам возможность выбрать меня, а не Его *(показывает на рисунок Христа распятого – Джотто или о. Александра).*

Он внимательно вглядывается в глаза журналистки.

Инквизитор: Ты снова молчишь. Ты молчишь с самого начала и смотришь на меня через ее глаза. Ты молчишь и не говоришь ни слова, как и тогда. Зачем Ты смотришь на меня? Разве ты не понимаешь, что Ты проиграл? Разве Ты не понимаешь, что все они выбрали меня, а не Тебя, Христа из Назарета? И тогда в 1990 году они выбрали меня. И Ты так же смотрел на меня из других глаз, глаз священника, едущего в электричке. И из всех других Ты смотришь на меня, не говоря ни слова. Потому что все они – это Ты. И сейчас и осенью 90-го года.

ЭПИЗОД 13

ВАГОН

Отец Александр сидит в электричке и пишет на портфеле, положенном на колени. Инквизитор смотрит на него долго и внимательно. Губы его беззвучно шевелятся. Убийца сидит с ним рядом. Стук колес. Кто-то

невнятно читает стихи Иосифа Бродского «Сретение». Фрески и позы перекликаются

Инквизитор: Когда Жанна д'Арк шла верхом в атаку, вокруг нее кружилось облако бабочек. Они сопровождали ее, словно вестники небесной жизни и славы.

Убийца: Вранье.

Инквизитор пристально вглядывается в пишущего Александра.

Инквизитор *(шепчет)*: Я отпускаю тебя… *(Убийце.)* Я прощаю этого человека.

Убийца *(долго смотрит на инквизитора, потом на Александра)*: А я нет.

ЭПИЗОД 14

УБИЙСТВО

Убийца выходит из вагона на ночную дорожку с фонарями. Видна идущая впереди спина Александра в шляпе, с портфелем. Шум поездов. Здесь может звучать песенка Гребенщикова, третьим планом. Спина приближается. Убийца со спины. Внезапно он оборачивается. На его лице по-прежнему «сетка». Он говорит, обращаясь к зрителям.

Убийца: Совершенно неважно, как меня зовут и сколько мне лет. Не важен ни мой возраст, ни мой пол и ни моя профессия. Не важны национальность и убеждения. Не важно место проживания и образование. Все это не имеет значения. Знаете почему? Потому что я – это вы. На моем месте был каждый из вас.

Он продолжает догонять священника под текст из Евангелия: Нынче же к Тебе иду, и сие говорю в мире, чтобы они имели в себе радость Мою совершенную. Я передал им слово Твое; и мир возненавидел их, потому что они не от мира. Просвети их истиною Твоею; слово Твое есть истина. Как Ты послал меня в мир, так и

Я послал их в мир. И за них Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиною. Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их: да будут все едино; как Ты Отче во Мне и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино – да уверует мир, что Ты послал Меня.

Убийца замахивается и застывает в стоп-кадре. На него накладывается двор-колодец с взлетающими черными птицами.

ЭПИЗОД 15

ВОСКРЕСЕНИЕ

Новая Москва. Ярославский вокзал. Бомжи. Пьяницы, спящие у стены. В них врезаются на четверть секунды, как вспышки, кадры с рисунками отца Александра и Джотто. М. б. кадры из кинофильмов о Христе, сопровождаемые своим инородным звуком – он сильнее среднего уровня. Звучит музыка из Концерта для клавесина с оркестром Баха. Соч. 1053. Часть «Сицилиана» – весь финал идет на ней.

Бомж сидит у стены, спит. К нему подходит Ангел-Бомж с расправленными крыльями, наклоняется, трогает за плечо. Пьяница поднимает голову – из его лица вырастает на музыке фотография отца Александра. Они поднимаются. Следующий кадр – Александр и Человек-Ангел идут по мостику через речку под Пушкино с бутылками, банками и покрышками. Число ангелов постепенно увеличивается. Они идут и поодаль и рядом с отцом Александром. Вот их уже десятки. Вокруг него начинают летать компьютерные белые бабочки – их все больше. В кадре – подмосковная речка. Шум поездов. Очень насыщенный звукоряд. С документальными «опознавательными» звуками и Бахом.

Голос *(он звучит с тех пор, как они идут за городом)*: И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный, как невеста, украшенная для мужа своего. И отрет Бог всякую слезу с

очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее миновало. И город не имеет нужды ни в солнце, ни в Луне для освещения своего; ибо слава Божья осветила его, и светильник его – Агнец. Спасенные народы будут ходить во свете его, и цари земные принесут в него славу и честь свою... *(на кадрах речки камера стоит, шевелятся водоросли в течении)*. И показал мне Ангел чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца. Среди улицы города и по ту и по другую сторону реки древо жизни, двенадцать раз приносящее плоды. И ничего уже не будет проклятого; но престол Бога и Агнца будет в нем. И узрят все лицо его и имя Его будет на челах их. И ночи не будет там, ибо Господь Бог освещает их.

Камера переходит на всю съемочную группу, на берегу реки. Стоп-кадр. Музыка. Титры.

ЕВГЕНИЙ РАШКОВСКИЙ

«ХРИСТИАНСТВО ЕЩЕ ОЧЕНЬ МОЛОДО...»

(Предисловие к венгерскому изданию книги Ива Амана
«Отец Александр Мень: Люди ждут Слова»,
Будапешт, 2005)

Итак, в руках читателя – биография великого русского священника, Александра Меня, написанная его близким другом, французским историком, профессором Ивом Аманом. У нас в России эта биография выдержала четыре издания[1]. Я радуюсь, что венгерский читатель получил, наконец, эту книгу на своем родном языке. На мой взгляд, одно из достоинств книги заключается в том, что через биографию отца Александра осмысливаются судьбы и христианства как такового, и русского православия, и самой России, и российской интеллигенции. И – vice versa – сама биография русского священника рассматривается в широком глобально-историческом контексте. Ив Аман следует в своей книге тому принципу современной исторической науки, который требует умения соотносить содержание микроисторических, в частности, биографических, исследований с историей универсальной. Этот современный научный принцип должен быть особенно близок мышлению и сердцу современного христианина, который в любой уникальной исторической ситуации, в любой неповторимой человеческой судьбе пытается отыскать их драгоценный вселенский, «кафолический» смысл.

Повторяю: содержание книги Ива Амана – я верю, что читатель согласится со мной, – глубоко и объемно. Книга не нуждается ни в каких дополнительных разъяснениях и восхвалениях. Но,

---

[1] Более известная русскому читателю под названием «Отец Александр Мень – Христов свидетель в наше время». (Прим. ред.)

пользуясь возможностью обратиться к венгерским друзьям[2] с предисловием к этой книге, я хотел бы во-первых, поделиться некоторыми личными воспоминаниями об о. Александре, а, во-вторых, некоторыми соображениями об особенностях мысли и деятельности о. Александра. О тех особенностях, которые стали столь важны и ясны для меня как из личного общения с ним, так и из изучения его трудов.

Итак, несколько отрывочных воспоминаний.

...Светлые, но такие мрачные для души сентябрьские дни 1968 года. Советская интервенция в Чехословакию. Как будто «красное колесо» истории[3] повернулось вспять – к новому отчаянию, к новой безнадежности, к новым репрессиям. Такое чувство, что нужно учиться жить сначала. И как раз в это время, через одного из любимых мною коллег, приходит известие, что со мною хотел бы встретиться отец Александр Мень, о котором я уже был тогда наслышан. И вот краткое, сразу же после окончания утреннего богослужения и длившееся всего несколько минут свидание у правого клироса в подмосковной церкви Покрова Пресвятой Богородицы близ станции Тарасовка. Во всём облике о. Александра – свет, радость, внутренний подъем вопреки усталости и общей подавленности тех дней. И – удивительная трезвенность: ни малейшей экзальтации или ненужной патетики. А пригласил он меня вот почему. От общих друзей он прослышал о моих занятиях по изучению трудов великого христианского философа Владимира Соловьева, который был для тогдашнего советского культурного истеблишмента фигурой в высшей степени одиозной. Так вот, о. Александр лично хотел бы обратить мое внимание на важность этих занятий на многие и многие десятилетия вперед. По тогдашним словам о. Александра, ни мы сами, ни наши современники – все мы еще не вполне понимаем прошлое, настоящее и будущее значение трудов Соловьева,

---

[2] У нас, в русской словесности, есть такое устойчивое выражение: «читатель-друг».

[3] Выражение Александра Солженицына.

актуальных для нашего времени, но по существу свободных от многих разрушительных тенденций и идей XX века. На этом наше первое свидание и кончилось. А два месяца спустя он совершил надо мною чин святого крещения и стал моим духовным отцом.

В некотором смысле, эта первая встреча перевернула всю мою жизнь, ибо скрепила собой не только мой христианский духовный выбор, но и будущую научную мою судьбу: работы над анализом, комментированием и изданием трудов Соловьева во многом определили собой дальнейшее становление моих философских и исторических взглядов…

…Меня всегда удивлял его голос, – во времена и богослужений, и проповедей[4], и кратких задушевных личных бесед: баритональный бас с удивительным богатством звонких и глухих обертонов. Это богатство позволяло раскрывать и ненавязчиво акцентировать самые тонкие оттенки настроений и мысли…

…1983 год. В мiре отмечается столетие со дня кончины Карла Маркса. Не веря в идеологические химеры «марксизма-ленинизма», более того, относясь к ним с печальной иронией, о. Александр всё же считал лично Маркса гениальным и не вполне понятым мыслителем[5].

А в этот же год Марксова юбилея КГБ особенно допекает о. Александра. Итак, в один из дней этого темного и страшного года, ознаменованного началом явной агонии коммунистического режима в СССР, я навещаю о. Александра. А он с грустной усмешкой говорит мне примерно следующее:

---

[4] В тогдашней Русской церкви, угнетенной и запуганной, проповедь можно было услышать крайне редко. Акт проповеди в церковных стенах был не только актом личного мужества, но и огромного профессионального мастерства. Нужно было сказать людям о самом главном, но так, чтобы не вызвать придирок и нареканий «товарищей» из КГБ. Ныне, по счастью, многие из проповедей о. Александра, записанные на диктофон, расшифрованы и опубликованы.

[5] Из философских последователей Маркса о. Александр особенно ценил Эриха Фромма и, прежде всего – его труд «Быть или иметь».

– Что-то мы, Женя, с Вами поседели за последнее время. Вроде Маркса и Энгельса как раз тогда, когда они своими руками развалили свой же собственный Первый Интернационал[6]...

...Спустя несколько дней о. Александр сказал мне примерно такие слова:

– В Вас есть нечто от Карла Маркса.

В ответ на недоуменное мое мычание он поясняет:

– Через Вас проходит та же самая духовная реальность, что проходила когда-то через Маркса. Но – освобожденная от былой злобы...

...Год 1987. Дышится легче. На пороге – «перестройка».

Кто-то из моих венгерских друзей-католиков привозит мне в подарок книгу о еврейской кухне в Венгрии.

А спустя несколько месяцев о. Александр приезжает крестить моего внука.

После чина крещения и обеда показываю ему эту книгу, особенно те места, где рассказывается, как взаимодействуют в истории еврейской кухни Венгрии принципы талмудического и древнеримского гастрономического наследия. Отец Александр, вся жизнь которого была пронизана страстным интересом к древностям Востока и к античности, смотрит на книгу с каким-то детским вожделением. И я не могу не сказать:

– Батюшка[7], дареное не дарят. Но кто помешает мне передать Вам эту мою собственность на сколь угодно длительное хранение?

А в ответ – поразительная, почти детская улыбка, в которой смешаны признательность, смущение и торжество...

Вообще, мы дарили друг другу немало книг. Я работал в то время в Институте востоковедения Академии Наук СССР, и у нас

---

[6] Я стараюсь передать эти слова о. Александра, приводимые в прямой речи, с максимальной осторожностью и точностью. Не могу ручаться за безукоризненность их буквальной передачи, но за содержание ручаюсь.

[7] Русское обращение к священнику – «батюшка» – соответствует итальянскому "padre" или польскому "ojcze" (звательный падеж). Но – несколько мягче и нежнее.

был великолепный киоск востоковедной литературы, где я покупал книги и для себя и для него, а он дарил мне немало дублетов поступавших к нему книг и журналов по разным областям гуманитарных знаний.

При всей страстной своей любви к Богу, людям и природе, он и книги любил. Но библиофилом в обычном смысле слова, библиофилом, трясущимся над своими книжными собраниями, – не был. Он давал читать книги из своей библиотеки десяткам и десяткам людей. И увы – не все возвращали ему книги, а если и возвращали, то подчас держали годами. Более того, в российской интеллигенции до сих пор бытует такой предрассудок, что «зачитывание», «заматывание» (т. е. невозвращение) чужих книг – не воровство, но простительная слабость. А он, беря на время чужие книги, всегда был предельно пунктуален…

…Последняя моя встреча с о. Александром произошла 28 (15 по юлианскому календарю) августа 1990 г., в день Успения Пресвятой Богородицы, меньше чем за две недели до его убийства. На каждом шагу ощущается агония «перестройки», близость какого-то красного реванша, какой-то роковой развязки.

На исповеди я малодушно жалуюсь о. Александру, как мучат меня жесткость и бесчувствие окружающей жизни и окружающих людей. А в ответ – суровые слова, за аутентичность передачи которых ручаюсь:

– То, о чем Вы говорите, – естественно. Но естественное кончилось. Исчерпало себя. Будем надеяться на Сверхъестественное.

***

А теперь – несколько слов о міровоззрении о. Александра.

Небезызвестно (и это подчеркивается в книге Ива Амана): весть об убийстве о. Александра, том самом, что открыло собою непрерывную череду последующих политических убийств в России, была встречена некоторой частью православной общины с чувством нескрываемого торжества и злорадства.

И эта реакция не была случайной.

Личной трагедией о. Александра и – одновременно – народной трагедией России был сам факт коллизии его зрелого и вдохновенного христианского опыта и общего состояния культуры в стране, духовно не вполне зрелой и во многих отношениях инфантилизированной вековым засильем рабских, крепостнических традиций, а следом – семью десятилетиями безбожной диктатуры.

Трудно говорить о зрелости, если последний российский император открыто идентифицировал себя как «хозяин Земли русской», а большевистская власть насильственно вменяло обществу определение «марксизма-ленинизма» как «единственно верного учения», единственной альтернативой коему могут быть лишь «происки идеологических врагов». И в этом духовном инфантилизме воспитывались поколение за поколением.

Чем шокировал о. Александр иных носителей православной субкультуры (с их ритуализмом, с их традиционным отождествлением «русского православия» с этнонационализмом и ксенофобией)? – Ведь ничего «неправославного» в существе трудов, облике и проповеди о. Александра не было. Но было иное: та обжигающая и возвышающая внутренняя свобода, та близость Божественного, вынести которую многим из людей подчас не под силу[8]...

На протяжении всей своей жизни о. Александр неоднократно говорил, что безотносительно к тому, сколько дней или тысячелетий осталось еще существовать нашему земному міру, – «христианство еще очень молодо». И самой своей неизбывной молодостью оно, отвечая глубочайшим чаяниям людей, непрерывно бросает всё новые и новые вызовы нашим устоявшимся понятиям и мертвящим предрассудкам. Но – при всём при этом – «...самое

[8] Об особом, характерном для интеллектуального и духовного облика о. Александра «дискурсе свободы» я писал на страницах своей книги «Профессия – историограф. Материалы к истории российской мысли и культуры XX столетия» (Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. с. 79–95)

сильное в христианской духовности – это именно не отрицание, а утверждение, охват и полнота»[9].

Трудно вынести «охват и полноту» замкнувшемуся на себе и на своем прошлом партикуляристскому сознанию. Трудно вынести идею, что достоинство каждого человека – «всякого человека, приходящего в мір»[10], – прорастает сквозь тысячи и тысячи лет развития природы и истории и утверждено и искуплено Богочеловечностью Господа Іисуса Христа.

***

Чтобы понять неповторимый духовный облик о. Александра, необходимо отметить две неразрывно связанные внутренние доминанты этого облика: православный священник и ученый-библеист.

На этой стороне его личности и творчества позволю себе остановиться подробнее.

Непрерывное изучение Библии и церковное священнослужение были неразрывно связаны во всём комплексе его чувств, мыслей и трудов. Он был человеком начитанным в современной богословской, научной и философской литературе, был человеком – если вспомнить нынешнюю англо-саксонскую терминологию – весьма и весьма sophisticated, прекрасно различавшим все тонкости трактовок Писания и Предания в мышлении и практике христианства. Но, тем не менее, при всём множестве теоретических оговорок (лат.: reservationis), Писание и Предание были для него неразрывны. Библия (как основной, живой и кодовый Документ присутствия Бога и его Царства в міре) живым и насущным образом продолжалась для о. Александра в пространстве христианского храма, в литургическом служении, в пастырской работе, в сердечной обращенности христианина к людям. Поэтому он беспощадно тра-

[9] Прот. А. Мень. Культура и духовное восхождение. – М.: Искусство, 1992, с. 11.

[10] Ин 1:9.

тил себя и в заботах о вверенном ему храме, и в поддержке своей паствы, и в научных своих занятиях, и в своих лекциях[11], и в своем постоянном и каждодневном попечении буквально о тысячах больных, изверившихся, отчаявшихся.

И всё это было следствием именно глубины его библейской веры, библейского самосознания. Он сам писал, что огромные космоисторические, интеллектуальные и духовные предпосылки человека (каждого человека!) так или иначе порождают в нем и «волю к вере», и «жажду Истины», и «благоговение перед ней, и бесстрашие перед лицом как практических, так и теоретических трудностей»[12]. А уж как откликается конкретный человек на все эти духовные вызовы – вопрос особый...

Так что, согласно о. Александру, опыт любой – непосредственной или косвенной – человеческой встречи с Божественным несет в себе глубоко личное и одновременно – универсальное, вселенское содержание. И в этом смысле (здесь о. Александр продолжает комплекс идей великого Владимира Соловьева) жизнь человека в пространствах библейского Откровения и, следовательно, во внутренних пространствах Самого Христа призвана быть подвигом, призвана преодолевать тяготеющее над каждым из нас бремя самоцентризма и, стало быть, греха. Ибо жизнь во грехе – в какие бы пестрые и претенциозные ризы она себя не рядила – всё равно обречена оставаться жизнью «бесцветной, вялой, равнодушной, пустой...»[13]

---

[11] До «перестройки» – по существу, конспиративных, а во время «перестройки» – публичных: в университетских аудиториях, в школах, в клубах, по телевидению.

[12] Прот. А. Мень. История религии в семи томах. В поисках Пути, Истины и Жизни. Т. 1. Истоки религии. – М.: Слово, 1991, с. 66,67.

[13] А. Мень. Свет во тьме светит. Проповеди. – М.: Вита-центр, 1991, с. 19.

***

Примерно за сто с небольшим лет до убийства о. Александра, где то в 80-е годы позапрошлого века, Владимир Соловьев сетовал на непонимание своей духовной и философской позиции со стороны большинства современников, ибо, по его словам, выглядел слишком либеральным для клерикалов и слишком клерикальным для либералов.

Дело, конечно, не в либерализме или клерикализме. Дело в глубине и вечной нетривиальности, в вечной нешаблонности и, стало быть, в вечном риске христианской духовной свободы.

Среди любимых философов о. Александра был и его соплеменник, выходец из еврейского народа – французский мыслитель Анри Бергсон (Henri Bergson, 1859–1941), впитавший в себя огромный опыт французской католической культуры и так много сделавший для ее дальнейшего развития. Одна из центральных категорий поздней философии Бергсона – Elan vital (Жизненный порыв) – есть ни что иное, как философская идиома Царства Божия. Так вот, «Жизненный порыв» вызывает к жизни самоотверженные и щедрые «открытые души», через творчество и самоотдачу которых пересоздается во благе мір. Пересоздается – вопреки всем срывам, реакциям, регрессиям, вопреки ожесточению и отчуждению, вопреки злобе и смерти.

Собственно, это и есть судьба русского православного священника, ученого и мыслителя Александра Меня.

12. 02. 05.

ЖИЗНЬ В ЦЕРКВИ

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИОАНН ОРЛОВ

Решением Архиерейского Собора Русской Православной Церкви в 2000 году состоялось прославление Собора новомучеников и исповедников Российских XX века, включающего более тысячи имен архипастырей, пастырей, иноков и мирян, засвидетельствовавших своей жизнью, страданиями и мученической кончиной преданность Христу и Церкви в грозные годы гонений от богоборческой власти, пытавшейся уничтожить Церковь Христову и искоренить веру.

Архиерейский Юбилейный Собор 2000 года определил: «В послесоборное время поименное включение новых святых в состав уже прославленного Собора новомучеников и исповедников Российских совершать по благословению Святейшего Патриарха и Священного Синода, на основании предварительных исследований, проведенных Синодальной комиссией по канонизации святых» (п. 14 Деяния о Соборном прославлении новомучеников и исповедников Российских).

На заседании Священного Синода Русской Православной Церкви 26 декабря 2002 года члены Св. Синода во главе с Патриархом Московским и всея Руси постановили:

включить в Собор новомучеников и исповедников Российских XX века имена 14 подвижников, материалы о которых представлены на заседании Преосвященным митрополитом Крутицким и Коломенским Ювеналием, председателем Синодальной Комиссии по канонизации святых.

Среди этих святых – **священник Иоанн Орлов** (Московская епархия), материалы о жизни и смерти которого, публикуемые ниже, редакции альманаха предоставила внучка о. Иоанна – Александра Орлова-Модель, живущая с 1972 года в Брюсселе.

ЖИТИЕ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ИОАННА ОРЛОВА (1881–1938)

Иван Орлов родился 1 ноября 1881 гола в деревне Любучаны Подольского уезда Московской губернии в семье священника Иоанна Орлова, служившего в кладбищенском Воскресенском храме города Подольска.

В 1897 году Иван окончил Перервенское духовное училище и поступил в Московскую Духовную семинарию, в которой проучился до ее окончания в 1903 году. Был рукоположен во священника и служил в Троицком храме в селе Троицкое на Истре Московской.

В конце 1930-х годов, когда богоборческая власть приняла решение о повсеместном закрытии храмов и приступила к массовым арестам служителей Церкви, местные безбожники в городе Истре решили закрыть Троицкий храм. Председатель сельсовета совершил продажу школьного помещения под дачу некоему профессору, а школу и учащихся решил разместить в маленькой деревянной Троицкой церкви. Община храма обратилась с жалобой на действия председателя сельсовета. Комиссия разобрала дело и обязала председателя сельсовета расторгнуть договор о продаже школы, поэтому церковь не была закрыта.

Летом 1937 года сотрудники НКВД приступили к массовым арестам священнослужителей и верующих. 7 ноября 1937 года был арестован священник Александр Машков, который вместе с отцом Иоанном Орловым служил в Троицком храме. Во время допросов он оговорил себя, а также отца Иоанна, диакона Петра Троицкого и старосту храма Михаила Строева в том, что они под его руководством организовали контрреволюционную группу для борьбы с советской властью.

Вместе с другими служащими Троицкого храма священник Иоанн Орлов был арестован 18 ноября 1937 года. В тот же день начались допросы.

– Вы арестованы как участник контрреволюционной группы. Дайте показания по этому вопросу.

В центре – Отец Иоанн Орлов, 1903 г.

– Участником контрреволюционной группы я не являюсь.

– Знаете ли вы ныне арестованного по линии НКВД гражданина Машкова?

– Священника Троицкой церкви Александра Машкова я знаю хорошо, примерно с 1911 года.

– Показаниями обвиняемого Машкова вы уличаетесь как участник контрреволюционной группы. Дайте показания по этому вопросу.

– Утверждаю о том, что я участником контрреволюционной группы не являюсь.

– Следствие предлагает вам быть правдивым и дать показания о вашем участии в контрреволюционной группе.

– Заявляю, что я участником контрреволюционной группы не являюсь.

– Вам зачитываются показания обвиняемого Машкова, подтверждаете ли вы это?

– Не подтверждаю.

– Когда и за что вы судились?

– Никогда не судился.

– Знаете ли вы граждан Машкова, Троицкого и Строева, и какие у вас взаимоотношения?

– Священника Александра Машкова, диакона Петра Троицкого и церковного старосту Михаила Строева я знаю хорошо. Взаимоотношения у меня с ними нормальные.

– Посещали ли вы их квартиры и ходили ли они к вам?

– Бывали.

– Признаете себя виновным в предъявленном вам обвинении?

– В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю.

После допросов в Истре священника Ивана Орлова перевели в Таганскую тюрьму в Москве. 27 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила его к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере.

Священник Иоанн Орлов умер в Мариинском лагере НКВД близ города Новосибирска 7 марта 1938 года и погребен в общей безвестной могиле.

Священник Иван Орлов постановлением Президиума Московского областного суда 7 февраля 1958 года был реабилитирован.

Память священномученика Иоанна совершается в день его мученической кончины 22 февраля (7 марта), а также в день празднования Собора новомучеников и исповедников Российских 25 января (7 февраля), если этот день совпадет с воскресным днем, а если этот день не совпадет с воскресным днем, то в ближайшее воскресенье после 25 января (7 февраля).

(Источники, использованные при составлении жития: ГАРФ. Ф. 10035. Д. № 49395).

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ АЛЕКСАНДРЫ ОРЛОВОЙ-МО́ДЕЛЬ

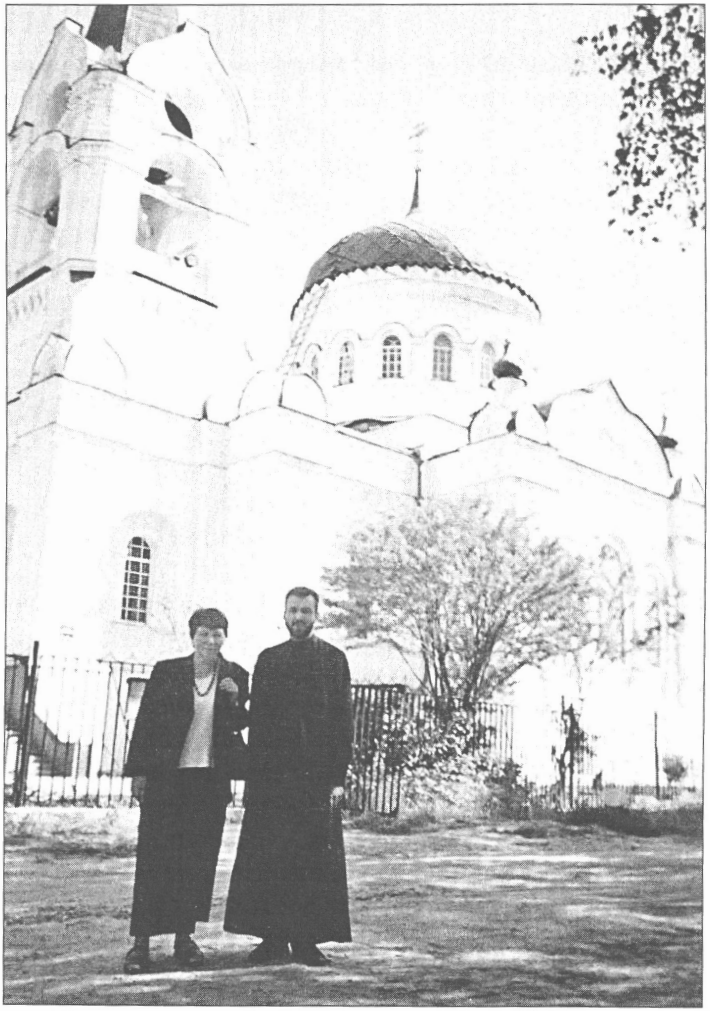
Отца моей матери – моего дедушку Ивана Ивановича Орлова, отца Иоанна, – я никогда не видела, так как родилась спустя годы после его гибели, но всю мою жизнь, с детства, я, как бы, знала его. Это передалось от мамы, очень его любившей. Когда я совершала что-то хорошее, мама говорила мне, что сегодня я была похожа на дедушку, это была лучшая похвала для меня.

Мама всегда вспоминала, как на Прощеное Воскресенье, когда надо было у всех просить прощения, – ее отец, священник, шел первым просить у детей прощения, начиная с самых маленьких.

Мама была твердо уверена, что ее отец – святой и говорила мне, что он на небе. Я в детстве проводила часы, глядя на небо, надеясь увидеть там дедушку.

Бабушка рассказывала, что когда к ней пришли свататься, она, из пяти кандидатов (незнакомых ей) выбрала дедушку из-за его добрых глаз.

Дома у них была большая библиотека, и он очень тщательно готовился к службе и проповеди. Молитвенное правило прочитывал, стоя на коленях. Он очень любил природу, и каждый день годами записывал метеосводку, составлял графики.



Александра Орлова-Мóдель и ее сын – иерей Сергий Мóдель
в 2003 г. у храма Пресвятой Троицы в с. Троицкое, где служил
с 1903 по 1937 гг. свящ. Иоанн Орлов.

Жили они в бедности и для литургии собирали ягоды в лесу. Дедушка не был сторонником какого-либо режима и считал, что бедным всегда трудно. Люди, даже неверующие, говорили о нем только хорошее.

Насколько я понимаю, он был человеком, открытым к другим конфессиям и, когда моя мама собиралась выйти замуж за латыша-католика, он ничего не имел против.

У него была возможность уйти за штат, как делали другие. Он же часами ходил по комнате, метался и говорил, что с нетерпением ожидает ареста: «Всех других арестовали, почему же меня еще нет? Что будут думать обо мне люди?»

Протоиерей АЛЕКСАНДР МЕНЬ

ПИСЬМА ДУХОВНОЙ ДОЧЕРИ – АЛЕКСАНДРЕ ОРЛОВОЙ-МО́ДЕЛЬ

Эпистолярное наследие отца Александра – важная часть его духовного творчества. Будучи необозримым по тематике, оно дает возможность найти ответы на самые разные, порой неразрешимые, вопросы; по-особенному открывает его внутренний мир, дает прикоснуться к его личности даже тем, кто не был знаком с о. Александром. Тысячи писем, написанные им – это подвиг. Непостижимо, как отец Александр, полностью отдавший себя своим священническим обязанностям, находил силы и время письма писать! (Священник, отвечающий на письма, это вообще редкость.) Но для отца Александра его адресаты, как и читатели его книг, – это тоже его паства, включая и тех, кто еще готовится к крещению или только ищет путь веры.

«В этом тайна Церкви» – говорил о. Александр. Он использовал все возможные формы пастырского служения, всегда и везде, – потому ему удалось столько людей привести к Богу.

И для его прихожан, вынужденных по каким-то причинам эмигрировать, он оставался духовным отцом, – принимая их исповеди (письменно), давая пастырские наставления (письменно), молитвенно храня их и неся за них ответственность, – и, насколько это было возможно, участвовал в их жизни.

И сегодня, спустя почти 15 лет после гибели отца Александра, его апостольское, миссионерское служение продолжается: его книги, беседы, его письма несут миру Благую Весть, приводят людей ко Христу.

***

Александра Орлова-Мóдель (Шурочка, как всегда называл ее о. Александр) – внучка священномученика Иоанна Орлова, знала о. Александра со своего детства и с начала его священнического служения, т. е. с 1960 по 1990 гг. Из этих тридцати лет – двенадцать лет личного общения и восемнадцать лет переписки, после отъезда их семьи в 1972 году в эмиграцию в Западную Европу. Александра – читательница «Христианоса» – в этом году передала в редакцию альманаха для публикации большую часть писем о. Александра из их переписки.

Многие письма – без дат, т. к. отец Александр редко датировал свои письма, а конверты утрачены, поэтому хронологическая последовательность – приблизительная. Некоторые даты нам удалось определить по «приметам», они указаны в скобках. Купюры отмечены знаком […]

Публикацию 56 писем предваряем кратким рассказом А. Орловой-Мóдель о ее знакомстве и общении с о. Александром.

ВСТРЕЧА

Маленькой девочкой мама – Ольга Ивановна Орлова – возила меня в родовое гнездо – в Алабино. Один из моих прапрадедушек был там с 1865 г. священником и остался его дом, стоящий напротив церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Часто летом туда съезжались родственники. Мамина тетя была там старостой храма и управляла всем хозяйской рукой. В годы советской власти церковь оставалась открытой, но священники часто менялись.

В 1960 году в церкви служил отец Николай Эшлиман, в этом же году, сразу после рукоположения, в Алабино был назначен вторым священником отец Александр Мень. Через год он заменил настоятеля храма и прослужил здесь до 1964 года.

Помню похороны старосты, маминой тети: масса народу, не меньше десятка священников, почтенных протоиереев с убелен-

ными сединой бородами и молодой, светящийся, новый батюшка – отец Александр. В то время церковь мало интересовала меня, толкаться в церкви за спинами бабушек не хотелось. Я любила вечерами слушать рассказы мамы о моем дедушке, священнике, мученике, погибшем в лагере. Я знала молитвы к праздникам, но на вопросы, возникавшие у меня, ответить было некому.

И вот на поминках старосты я спросила отца Александра, что значат 9, 20, 40 дней после смерти и почему надо служить панихиды, какой в этом смысл. Он начал отвечать и минут через пять за столом стало очень тихо, все слушали, затаив дыхание. Окончив, он сказал, что если еще будут вопросы, то я могу заходить к нему после службы.

Для меня наступила удивительная эпоха. Целую неделю, в школе я готовила свои вопросы, чтобы в субботу ехать в Алабино и после службы выпаливать их один за другим. Это было время хрущевских гонений на Церковь, когда я постепенно, шаг за шагом воцерковлялась. Годы шли, я регулярно ездила в Алабино, потом в Тарасовскую, потом в Новую Деревню – туда, куда переводили отца Александра. Он приезжал к нам домой с женой, с братом, с друзьями, на дни рождения, на Масленицу, на именины…

Он венчал нас с мужем, крестил сына Сережу[1], провожал нас в 1972 году в эмиграцию. Еще в Москве я начала иногда писать ему письма, на которые всегда получала ответы. Он продолжал писать мне в эмиграцию, даже когда многие друзья бросали писать, – ведь время шло и шло, – а он писал, отвечал на мои вопросы, помогал мне понять западную духовность. Мне было очень трудно привыкать к тому среднему уровню духовенства, с которым я встретилась в эмиграции – после о. Александра Меня и о. Всеволода Шпиллера, которых я хорошо знала и воспринимала как настоящих священников.

[1] Сын Александры и Георгия – иерей Сергий Модель служит в Брюсселе, в Кафедральном Соборе (Московский Патриархат).

Отец Жери из Брюсселя, отец Александр,
Александра Орлова-Мóдель.
Новая Деревня, август 1990 г.

Александра Орлова-Мóдель, жена о. Александра –
Наталья Федоровна, отец Александр (август 1990 г.)

За эти долгие годы мне удалось дважды приехать в Москву и повидать о. Александра: в 1983 и в 1990 – за месяц до его гибели. В 1983 г. я передала отцу Александру приглашение архиепископа Брюссельского и Бельгийского (МП) Василия (Кривошеина) приехать в Брюссель служить, но о. Александр категорически отказался, я уговаривала его поехать хотя бы на год, но он не согласился.

Итак, мы переписывались почти 18 лет. Я никогда не забуду фразу, которую он мне сказал по телефону из Италии летом 1990 года. На мой вопрос: «Что же, мы будем так всегда переписываться?..» он ответил: «будем до конца жизни». Его последнее письмо было от 8-го сентября 1990 года...

***

25. 05. 72

Здравствуйте, дорогие!

Спасибо за книги. Я благодарил о. Павла, т. к. думал, что он посылал. Все они мне очень пригодились. Если не трудно, то м. б. что-нибудь вам попадется из серии «Image book». Особенно мне нужны выпуски 1–17, 27–30 серии «Old Testament Reading Guide» и выпуски 1–14 «New Testament Reading Guide». Но если сложно, не беспокойтесь. Я прекрасно перенес отпускное время, находясь в трудах. Летом вообще все легче из-за солнца и тепла. По-прежнему мы молимся за вас в нашем маленьком храме, вл. вас часто вспоминает […] Все прочие живы здоровы. Я много в этом году трудился по хозяйству (как Робинзон). Диккенса томов 10-ять вам приготовил, но пошлю, когда будете на постоянном месте. Пишу я тоже много: сейчас тема моя – последние века религиозной истории перед Р. Х. Масса интересного и поучительного. За все благодарим, радуемся и молимся. С другом Г., с которым мы беседовали на проводах (ваших), у меня контакт не вышел. Что поделать?

Наташа и дети вас помнят (Миша спрашивает – нет ли в Риме чего-нибудь связанного с индейцами – это его нынешняя страсть).

Шлю вам любовь и Божие благословение.

Ваш прот. А. Мень.

***

+

Дорогая Шурочка!

Получил твое письмо, где ты пишешь о переживаниях Г. Для меня все это далеко не новость. Кое о чем я говорил ему еще до вашего отъезда. Боюсь, что неверно взята им главная ориентация. Не следует полагаться ни на кого. Церковь – это мы. Мы сами. И не ждать чего-то от нее следует, а действовать самому. Ты не думай, будто я не доверяю твоим сведениям. У меня их достаточно. И кризис, вызванный Собором, я сравнительно ясно представляю. Такие

ломки не проходят мирно. Но не твоя это забота. Что тебе до «политики Ватикана». Это дело человеческое. Не в этих сферах совершается подлинное в Церкви. Перемены в обрядах – всегда эксперимент и эксперимент болезненный. Новое поколение все это переварит. Схлынет со временем и волна «левизны». Все это моды, которых в истории было очень много (пусть Г. почаще в нее заглядывает). У нас церковные преобразования вызывали тоже кризисы (начиная с раскола старообрядчества до обновленцев). Жизнь сложная вещь, а христиане живут в гуще жизни. Что касается новых форм причастия, то сами по себе они ничего страшного не несут. Это лишь форма. Был бы дух, а он зависит от других вещей. История с семинаристами – в общем-то, типична. А чего еще ждать при обязательном целибате. Думаю, что он тоже отомрет. Ведь он людьми установлен и люди же его отменят. Впрочем, пусть над этим делом ломает голову епископат. Это их задача, а не наша с тобой. О критике в адрес папы мне пишут многие и в литературе часто это нахожу. В этом тоже много положительного. Это не даст иерархии почить на лаврах, как было в прежние времена. Пусть-ка почешутся! Главное же – это уровень духовной жизни. Его не поднять указами и реформами. Он пробуждается в глубине. И, когда мы видим его спад, это должно только прибавить нам ответственности. Вы все отвечаете за себя, а не за кардиналов. Кардиналы приходят и уходят, а Церковь остается. Относительно абортов – это конечно чушь! Но обсуждать животрепещущую проблему никто не возбраняет. Единственное, что мне решительно не нравится – это отмена постов, о которой я давно знал. Может быть, это и соответствует западному образу жизни, но я этого никак одобрить не могу и тебе советую: живи по нашему православному уставу. Причащение не натощак – обычай ранней Церкви. В I и II веках причащались сразу после трапезы. Но мне кажется, что обычай воздерживаться от пищи до св. трапезы – достоин того, чтобы его сохранить. Впрочем, опять-таки, это их дело. А мы должны держаться своего. Ты знаешь – я экуменист, но это вовсе не означает, что я считаю западные обычаи во всем лучше наших. Кое-чему они могут и у нас поучиться. Пост, кстати – древнейшее установление. Он есть во всех религиях (включая индуизм

и ислам) и освящен примером Христа. Можно его сократить, смягчить. Но отменять? Это, я уверен, ошибка, которую исправят. Во всяком случае, я думаю, что католикам не запрещено соблюдать его.

Очень рад, что ты находишь себе друзей. Всегда бывает приятно получить от тебя письмо. Помню вас всех всегда. А о работе: не унывайте и не заглядывайте далеко. Учите язык, трудитесь – это всегда и везде пригодится.

Обнимаю и благословляю вас всех.

Пр. А. М.

[*Приписка на полях*] За все, что расскажешь о церковной жизни (плохого, хорошего) буду благодарен. Важны живые впечатления.

***

Дорогая Шурочка!

Получил два твоих письма, почти одно за другим. В одном ты пишешь об А. Б. Я убежден, что твои чувства и сны тебя не обманывают, что умершие наши, несмотря ни на что, сохраняют с нами связь и мы можем чем-то друг другу помогать (духовно, конечно). И что характерно: в начале ей хорошо (как по Моуди), а потом приходит раскаяние, словно нас на первых порах щадят, чтобы мы привыкли к иной форме бытия. Едва ли прав тот священник, который думает, что сразу после смерти человек созерцает Бога. Наверно, нужен еще долгий посмертный путь души. Об этом свидетельствует опыт многих религий и мистиков. Да и логика тоже подсказывает. Думается, что с человека должно сойти, как грязь, все темное. Ну, а если он весь из грязи, то остается только «корешок», который едва ли можно назвать личностью. Наверно и памяти в нем нет (она же вся зараженная). И это есть адское состояние (когда очищает до конца). Спасибо за фото. Просто не верится, что Маша, которая родилась уже там, стала такая взрослая девица. Только глядя на них, ощущаешь, что время идет и идет быстро. Кстати, о шаманских танцах Тибета, которые ты видела. Это не просто маскарад. Это обряды, продуманные и глубокие, которые связаны с тем, чтобы потрясти человека и пробудить в нем отвра-

щение ко злу. Маски – образы грехов темных страстей. Прости за беспорядочное письмо. Вот еще о лоне Авр. Это то смутное представление о единстве человеческих душ в посмертии; они как бы соединяются с душой единого праотца. Такое представление было в Ветхом Завете, предшествуя вере в воскресение. Господь привел его как синоним рая, светлого бытия. Не помню, писал ли я тебе: я сейчас составляю словарик ученых[2], которые занимались библеистикой. М. б. ты смогла бы раздобыть фото и даты рождения и кр. сведения о некоторых. Правда, не представляю, где это взять: спроси у Вл. Данные такие: рожд., где учился, где преподавал. Если умер, дата смерти. G. Ausou, E. Allo (фото), P. Benoit, Boismard M. (имя, фото, даты), R. Brown, Vigouroux (фото), P. Grelot, еп. Кассиан Безобразов (фото), Князев (фото), J. Coppens, Лев Жилле (фото), Leon-Dufour, A. Lods и пока хватит, если найдешь.

Хранит тебя Бог.

Твой пр. А. Мень.

***

Дорогая Шурочка!

Получил твое письмо из Швейцарии, но уже написал тебе домой, зная, что ты скоро вернешься. Понимаю, что «грядущее темно». Но ты не унывай. Может быть, все устроится с Божией помощью лучше, чем прежде, как было с квартирой.

Ты пишешь, что службы, которые вы посещали, веселые и недуховные. Я думаю, что это лишь один из аспектов. Все должно иметь место. Гамма духовных переживаний велика. Конечно, играет роль буржуазная психология Запада, который во всем хочет иметь удовольствие. Но ведь есть и монастыри и многие другие формы общей молитвы. Человек уж так устроен, что без переживаний и трудностей он мельчает. Это рок западных [людей.] Придет

[2] Библиологический словарь, над которым о. Александр работал в 70-е – 80-е годы; издан в 3-х томах Фондом им. Александра Меня (Москва, 2002). (Прим. ред.)

время и им будет послано испытание. У нас жизнь более здоровая в этом смысле. И ты кое-что унесла с собой в сердце. [...]

Я, как всегда, ездил в Крым. На сей раз один. Наташе отпуска не дали. Там я плавал, немного работал, бродил по горам. Было очень хорошо и спокойно. Покоя-то как раз не хватает. «Он только снится». У нас все время идут дожди. В кабинете у меня холодно и работать в саду нельзя.

От души желаю вам устроиться на работу поскорее.

Привет от Наташи и «малышей».

Всегда вас всех помним.

Храни тебя Бог.

Твой п. А. М.

***

Дорогая Шурочка!

Сегодня получил сразу оба твои письма с вырезками. Все сейчас идет долго из-за праздников. Очень рад за маму, да и за тебя: имею в виду то, что ты пишешь о своих детях. Предчувствую, что они будут незаурядными. И я так хорошо понимаю увлечение Сережи: (сам был такой в его возрасте – и остался). Пусть он попробует мне написать, если он знает русские буквы. Мое здоровье относительно прилично. Грех жаловаться. Есть кое-какие мелочи, но пока это мелочи. Субъективно вполне хорошо. [...] То, что ты пишешь о черной магии, которой все увлекаются – очень интересно. Это симптом вакуума. Он всегда возникает в периоды кризисов. Так было и в начале н. э. и в эпоху ренессанса. О транссекс. операциях слышу впервые. Думаю, конечно, что это бред, если только человек не страдает гермафродизмом. Но, в принципе, едва ли можно здесь возразить. В конце концов, человеку вручена природа для переделки, и в том числе своя. Но все же – дико. О гомо. ты очень остроумно написала. К этому ничего не прибавишь. А о процессе с европеизированными азиатами – занятно. Видимо, христианские основы этики глубже вошли в европейцев, и даже теряя веру, они некоторое время сохраняют закваску в

подсознании. К тому же христианство, в основе, содержит более прочные этические вещи: свободу, равенство, братство, а ислам более суров и этика его более внешняя. Для них Бог лишь повелевает: делай так-то и так-то. Нам дано большее. Христос всем Своим существом учит не доктринам и правилам, а искусству быть человеком. Он потому и был человеком Сам, чтобы мы **видели**. А то было бы проще простого дать свыше «закон».

У нас тоже теперь цв. телевизор – это совсем другое дело (ты ведь знаешь, что я никуда не успеваю сходить). И то, что мама поет – прекрасно. Без этого она как-то почувствует себя старой. [...] Вырезка газетная очень занятна, жаль только, что трудно быть уверенным, что это не утка. Там у вас часто печатают непроверенное. Но вообще такие явления давно зарегистрированы. И подтверждены учеными. Очевидно какая-то связь между этим миром и иными измерениями существует.

Я уверен, что все у вас будет хорошо. Не забывай. Помню и молюсь. Поклон Г., маме, А. Б.

Твой пр. А. М.

***

+

Дорогая Шурочка!

Как вы отдохнули? Твои письма о посещении разных городов нас порадовали, потому что вам было хорошо и вы немного отвлеклись от забот. Спасибо за книги. Клодель меня давно интересовал, а о нем у нас известно мало, хотя в Москве недавно ставили его пьесу. Очень приятна была для меня книга монс. Ж. Рюппа, с которым я познакомился еще давно, когда он был гостем нашей церкви лет десять назад. Отрадно, что имя нашего философа привлекает интерес. Я сам к его юбилею написал статью в гедеэровский журнал «Голос Православия» (№2 с. г.), по-немецки. У нас все в порядке. [...] Когда кончатся твои вояжи, обязательно напиши мне о своем духовном состоянии. Это важнее всего. Жду. Привет всем.

Твой пр. А. Мень.

***

Дорогая Шурочка!

Прежде всего я должен поблагодарить тебя за книги и за «бурду» Наташе. Все очень пригодилось и все кстати. Хорошо, что поездка тебя развлекла, хоть и палец болел. У меня было то же самое. Ударился в море о скалу и десять дней пролежал с сильными болями. Потом полтора месяца болело. Но я воспринял это как факт, уравновешивающий хороший отдых у моря. Ведь опасно, когда слишком хорошо. О выступлении еп. Лефевра я слышал. Это естественная реакция на другие крайности. Истина же всегда посередине.

Ты не удивляйся, что когда ты начинаешь немного внутренне собираться, вклиниваются какие-то искушения. Это по известному закону Ньютона. «Действие равно противодействию». Есть темные силы, которые тормозят наше духовное поступательное движение. Если поддаться им, можно окоченеть на месте. А жизнь есть борьба. Нужно просто игнорировать вражеские выпады (Спроси маму, она знает: Великим Постом всегда бывают искушения, т. к. мы стараемся «встать от сна»). Борьба начинается внутри. Достоевский говорил, что дьявол с Богом борется и поле битвы – сердца людей.

Книгу о пророках читал и рад, что она нравится. Мои дела идут по-прежнему. […] Пока я еще не дед. А О. И. от кого надеялась получить пенсию? И как у нее и у тебя с работой? Как продвинулся язык?

Храни вас всех Господь. Не забывай. Оля скоро тебе напишет.

Твой пр. А. Мень.

***

Дорогая Шурочка!

Давно не писал тебе. Лежал в больнице, потом Наташа болела, потом умер ее отец. Но в общем все у нас благополучно, слава Богу. Твои письма о западном православии очень интересны и показательны. Могу только сказать тебе то же, что и раньше. Эти порывы указывают на живой духовный поиск, который есть во всех

странах. И обретшим веру, хочется найти и новые формы церковности. Привычные – стираются, становятся обыденностью. Поэтому экзотические формы помогают. Раньше в таком случае основывали новые ордена и общины. У нас такие же явления, только в противоположном направлении.

Что касается равнодушия и холодности, которые проявляют католики, то это явление общечеловеческое и бывает свойственно православным. Конечно, на Западе комфорт и погоня за временным сильнее и это заглушает духовную жизнь. В конце концов, нужно помнить, что здесь, на земле мы гости, которые должны не «пожить в свое удовольствие», а – посланные, если это забывают мещане, то они и погружаются во все это. А смерть ждет всех. Западному человеку даже вспоминать о ней страшно. Я слышал, что там неприлично много говорить об умерших. Это болезнь духа и трусость пресыщенных. Одним словом переходы в православие меня радуют лишь с той стороны, что это симптом исканий. А как у вас? Нашли ли работу? Как здоровье Гаррика? Не опускайте крыльев. Надежда все одолевает. С нами Господь и мы должны Его благодарить за все.

С любовью твой пр. А. М.

***

Дорогая Шурочка!

Получил почти подряд два твоих письма. Обо полны твоих впечатлений о монастыре[3]. Ты спрашиваешь моего мнения, но, конечно, мне трудно судить издалека. Думаю, что в корне дело связано не столько с конфессией, сколько с различием религиозной культуры. По основам общего куда больше, чем кажется. Думаю, что если ты имела возможность, то нашла бы нечто подоб-

[3] Имеется в виду православный монастырь Святого Иоанна Предтечи (Англия, Эссекс), основанный в 1959 году архимандритом Софронием (Сахаровым, 1896–1993) – учеником прп. Силуана Афонского; архим. Софроний – иконописец; духовный писатель, автор многих книг. (Прим. ред.)

ное у западных. Например, у траппистов. Но есть еще один момент важный. Люди подлинной веры, кем бы они ни были, обладают большой силой притягательности. Если я правильно понял, то в том мире живет архимандрит Софроний. Это выдающийся человек с глубокой духовной традицией и школой. Тут и разгадка, а не в том, что одна часть церкви истинная, а другая нет. К тому же западный дух комфорта и поверхностного отношения к жизни накладывает печать. Я вспоминаю притчу-аналогию одного мудрого человека. Она касается эволюции организмов и церквей. Одни организмы защищались от внешнего воздействия панцирем. Лучше сохранялись, но были косными и малоподвижными (консервативная церковь), другие освободились от панциря, но стали из-за этого беззащитны (обмирщенная церковь западных). Но настоящий прогресс стал уделом позвоночных, которые избегали замыкания в панцире и создали прочный ствол, скелет (духовность, открытая миру, но основанная на прочной вере и молитве и жизни). Эта модель самая трудная. Ее лишь частично и редко пока реализуют как они, так и мы. У нас картина обратная: многие, ищущие живой духовности, уходят в католицизм и в секты, так как косная, «храмовая» консервативная и невежественная церковность их не удовлетворяет. Я считаю, что коренное решение не в «переходах» (хотя каждый имеет право), а в углублении духа там, где тебя поставил Господь. То, что у вас находят в православии, а у нас – в инославии, может быть доступно и без «перехода». Так создавались в прошлом, общины, ордена, круги духовно-близких людей взыскующих живой церковности. В реформах западных есть, конечно, много риска и неизбежны ошибки. Открытость к проблемам мира может стать прискорбным компромиссом. Но столь же опасно и замыкание. Тогда Церковь станет чем-то вроде музея или кружка любителей. Истинна, как всегда, лежит посередине.

У нас все по-старому. Все шлют привет и поздравления (с днем ангела). Бандероли я еще не получил. Но не беспокойся. Мне главное знать, что Вы живы-здоровы и не забываете.

Храни тебя Бог.

Твой пр. А. Мень.

***

Дорогая Шурочка, бесконечно благодарен тебе за Грело[4] (а то ни в каком справочнике нет). Очень прошу – поищи других, и, если можно, с фото. Я уже писал Леон-Дюфуру, но пока ответа нет. Он-то должен был знать лучше. Как ни странно, не существует соответствующих спец. словарей.

Я пока в отпуск не собираюсь. Погода приличная и жаль уезжать.

Я уже, по-моему, тебе писал о «вечности» ада. Слово вечность здесь означает скорее иной образ бытия, чем бесконечность во времени (ведь времени уже не будет). Ты спрашиваешь, какая же цена святости? Она в том, что личность человека будет сохранена с наибольшей полнотой, а тот, кто «перегорит», будет уже фактически другим человеком, другим «я». Собственно, это есть смерть души, «смерть вторая», как выражается Писание.

Ты не должна бояться за Сережу. Ценность его душевных качеств с лихвой восполнит те трудности, которые принесут ему его своеобразные черты. Лучше быть таким, чем пресным обывателем. Это жизнь в полноте. Но такие люди всегда немного одиноки. Это естественно и неизбежно во все времена и всюду.

Когда ты описываешь такие места, как Амстердам, у меня это вызывает противоречивые чувства. С одной стороны – восхищение, а с другой – смутную тревогу: не приведет ли это спокойствие к «сну»? Конечно, трудно судить издалека, но у меня хорошее воображение. Желаю тебе всего прекрасного.

Большой привет твоим и – Божие благословение.

Твой пр. А. Мень.

***

Дорогая Шурочка!

Хотя ваше положение еще не определенное, но ты, как всегда, находишь возможность получить новые и интересные впечатле-

[4] См. сноску 2.

ния. Конечно, мир разнообразен: и люди, и нравы, и многое поражает. Но, в сущности, дьявол не изобретателен. Со времен Нерона мало что изменилось, разве что техника повыше, а глупость и распущенность те же. То, что ты пишешь об Америке (фильм), конечно, ужасно, но, надеюсь, это не вся Америка. Просто чрезмерная обеспеченность человеку глубоко вредна. Этот факт для людей XIX века показался бы странным. Все тогда верили, что улучшение образа жизни (быта) улучшит человека. Но оказалось, что нужно что-то еще. Так, правда веры, древняя и вечно юная косвенным образом доказывает себя – от противного. Лет 40 назад один английский историк вывел что-то вроде закона: цивилизация тормозится, когда климат слишком теплый или слишком холодный. Нормально она развивается, когда среда умеренно суровая. Это, по-моему, относится и к жизни отдельного человека. Наш век стоит под знаком легендарной Атлантиды, которая, как гласит предание, расцветала, а потом погибла. Разделит ли наша цивилизация эту участь? Неизвестно. Многое зависит от людей. Во всяком случае наше время интересное и поучительное. Оно все, как притча, из которой нужно суметь сделать вывод.

Поздравляю тебя и маму (с опозданием) с днем ангела. Желаю всего, всего хорошего вашим детям.

С любовью твой п. А. М.

***

Дорогая Шурочка!

Ты всегда радуешь меня, когда пишешь о монастыре[5]. Действительно – замечательно, что есть еще в нашей Церкви такие люди. И здесь они тоже были бы неповторимым исключением. Таких у нас, в сущности, нет. Понятно, почему к ним так тянутся. Это говорит о том, что наша бедная Церковь еще не оскудела полностью Духом. То есть у нас, конечно, есть монастыри, но там стиль совсем другой. И ничего подобного нет.

[5] См. сноску 3.

Ты пишешь, что в западных храмах говорят плохие проповеди и только на «актуальные темы». Это болезненная реакция на то, что христианство слишком долго не обращало внимания на жизнь людей, на их обычные нужды. А это входит в наши обязанности, как это ясно видно из Евангелия. И вот люди поверхностные и примитивные кидаются теперь в другую крайность. Все это – человеческая ограниченность и немощь. Точно так же, как и эгоизм людей, о которых ты пишешь. Он вполне развит и у нас. [...] Дело не в конфессии. Недавно у нас в стране отмечали юбилей знаменитого доктора-филантропа Гааза. О нем писали светские журналы. Это был святой 19 века. Его девизом было «торопитесь делать добро». Он всю жизнь трудился для России, хотя был немцем и католиком. Святость и дух возвышаются над нашими делениям.

Еще раз спасибо за альбом и журнал.

Все вам кланяются.

Храни тебя Бог.

Твой п. А. М.

***

29. 03 (70-е гг.)

Дорогая Шурочка!

Получил сегодня твои прекрасные открытки с описанием карнавала. Приятно знать, что тебе было весело, что люди там такие непосредственные, хотя чем-то мне это напомнило пушкинский пир во время чумы. Я очень рад, что ты будешь справлять пост по-нашему. Как я тебе уже писал, это дело полезное и хорошее во всех отношениях. Тем более, что вы, вероятно, имеете практическую возможность. Решилось ли твое дело с детьми и летом? О твоих трудностях, мыслях и чувствах я надеюсь узнать из подробного письма, которое жду от тебя до нашей Пасхи.

Будьте все здоровы и Богом хранимы. Дай Бог О. И. потрудиться еще. Она успеет выйти на пенсию. Ведь вы еще не до конца уверены в своем будущем. Желаю успехов. Привет друзьям.

Твой пр. А.

П.С. Спасибо за желание прислать книги. Экуменических материалов у меня достаточно. Но если будет что-нибудь новое по библейской теме послепленного периода (post-exil), то я буду очень рад и благодарен.

***

+

Христос Воскресе!

Дорогая Шурочка!

Получил твое письмо с тремя замечательными открытками. Спасибо. Всех вас еще раз приветствую пасхально. Как решилось дело с твоей операцией? Будешь ли ждать, пока устроитесь? Относительно ваших дел, то я могу сказать только одно: то, что я уже говорил. Жизнь имеет смысл только тогда, когда можешь приносить хоть какую-нибудь пользу людям. Этим все сказано. Устроитесь – работайте, живите, растите детей, друзей не забывайте, в политику не вмешивайтесь, она вещь грязная. Не огорчайтесь, если в западной церкви вас многое шокирует. Этого надо было ждать. Ведь это совсем другая цивилизация, чем та, в которой мы выросли. У Гарика, наверно (я помню по разговорам), были какие-то не совсем точные представления. Ну, ничего, привыкните. Относительно того, что в катол. богослужении угасла праздничность, которая нам так привычна и мила, то это не случайно. Это веяние от протестантизма. А сам он возник тоже не из одного протеста против злоупотреблений, а из особого «непраздничного» благочестия (скупого, аскетичного, индивидуалистичного). Пройдет время и этот крен выправится. А вы попали в самый разгар ломки. Утешайтесь тем, что «в доме Отца много обителей» и что разные типы сознания по-разному проявляют благочестие. И это – закономерно. Берегите тот внутренний малый православный опыт, который вырос в душе. Других не судите, а наблюдайте с благожелательностью. Так вам самим будет проще и по существу – объективней. Не думайте: «что мне могут дать», а – «что мы можем дать?». И все

встанет на места. Получили ли вы пасхальный русский подарок детям?

Всех вас обнимаю и благословляю. Поклон о. П.

С любовью ваш прот. А. Мень.

***

+

15. 06 (70-е гг.)

Дорогая Шурочка!

Завтра тебе будут делать операцию. Дай Бог, чтобы все прошло благополучно. Наверно лечение дорого? Ведь там все за деньги? Ты не огорчайся трениями. Учись, милая, принимать людей такими, какие они есть. Учись сохранять добрые отношения, даже тогда, когда это не легко. Ведь с ангелами жить нигде не светит. Люди есть люди, а тем более – чужие и далекие по психологии. Может быть и тебе придется подрабатывать. Не пугайся этого. Вы оба молодые и должны так себя сознавать. [...] Берегите то, что есть. Что же касается неприятностей, то пусть они будут такие, а не бóльшие. Ведь какой-то крест нести надо! Не все же одна Голландия с ее праздниками. Приходит временами и «великий пост». На днях пошлю вам еще Диккенса и фильмоскоп. Выздоравливай! Поклон Г., маме, свекрови, целуй малышей.

Твой прот. А. Мень.

***

+

Дорогая Шурочка!

Получил твое письмо из больницы. Думаю, что теперь все позади. Дай Бог тебе поправиться и душевно окрепнуть. Самое опасное – это то, что делается внутри. Помни, что Господь тебя вел и хранил на трудных и удивительных путях. Не подведи. Жизнь у каждого человека имеет смысл – и твоя тоже. Ведь могло быть, что ты не родилась бы вообще, а раз родилась, то твои глаза,

руки, сердце должны стать орудиями Его. Только **отдавая,** ты будешь чувствовать удовлетворение. Есть такие слова Спасителя (их нет в Евангелии, а сохранились в предании): «Блаженнее давать, нежели брать». И эти твои больные старики, которых ты видела, они – нужны сейчас для того, чтобы люди учились в отношении к ним проявлять терпение, доброту и снисходительность. Хорошо ухаживать за нужным, молодым человеком. А за такими – каково! Я насмотрелся на это в больницах, особенно в психиатрических. Какие там сестры. Я просто благоговею перед ними. Да, у больных и стариков есть своя миссия в мире! А что касается тайны судеб людей повсюду, хотя бы африканских детей, это нельзя подогнать под формулу или схему. Люди призваны за них отвечать, но люди же предпочитают тратить средства на войны. Чего же тогда ждать? Но мы-то с тобой в ответе не за это, а за тех, кто близок к нам в жизни. И, конечно, в первую очередь за самых близких. [...]

Берегите себя оба. Будут у вас и друзья и близкие, для этого нужно, время. Появятся и люди, которые смогут духовно вас поддерживать. А пока, помни, что даже слабая молитва имеет силу. Не оставляй ее. Вера – это как путешествие по реке. Кажется, берега однообразные и вдруг – новый поворот, новое открытие. И все расцветает. Она как любовь нуждается в укреплении и питании. И может расти. Бог скрыт от нас. И это Его милосердие к нам. Если бы он был над нами явно, мы бы стали как муравьи, потеряли бы себя. Он бережет нас пока мы дорастаем до Него. Но стучаться к Нему надо всегда. Это начало отношений.

Поклон всем друзьям. Как мамины дела? Как дети?

Храни тебя Бог.

Твой пр. А. М.

***

+

8. 5. (1978)

Дорогая Шурочка!

Получил твое письмо и на днях пришел пасхальный сувенир. Спасибо. Не знаю все, что тебе послать, чтобы было приятно…

Как чувствует себя мама после операции? Моя мама – в плохом состоянии. Болезнь ее заедает. Вообще в этом смысле – год тяжелый: все недуги и смерти.

Сейчас только что вернулся со службы. В саду уже все распустилось. Ждем цветов на яблонях. Копаем землю. Мишка играет в ансамбле. Очень увлечен. Завтра – день победы, кругом концерты. Их [ансамбль] – тоже выступает.

Дай Бог, чтобы Г. устроился. Но ты не грусти. Как-то все решалось и теперь решится. От Толи уже получил письмо. Рад за него, что он так быстро вырос по своей линии. А что тебе пишет Ира? Или она молчит?

Мысленно сегодня был со всеми вами.

Шлю вам свою любовь и Божие благословение.

Ваш пр. А. М.

***

(1978)

Дорогая Шурочка!

Я рад, что отдых у Вас удается. Все-таки много интересного и приятного приходится Вам видеть. И особенно хорошо это для детей, которые не имеют двойного сознания. Они уже вырастут туземцами.

Ты спрашиваешь: зачем было ставить тебя в такую ситуацию?

Не думай, что кто-то с тобой ведет игру. Мы связаны многими законами этого мира, мира в котором живем. И они осуществляются в нас. Тем не менее встреча с трудностями создает человека, выковывает через искушения право на достойное существование.

Нельзя жить в теплом розовом молоке. Нам это вредно. То, что ты устояла и держалась, хотя тебе было трудно – твое завоевание. И это уже относится к твоему отношению к Богу. Ты осталась с Ним, хотя мир тебя потрепал. Это всегда победа, а победа – приобретение.

Что написать тебе о нашей жизни? (Спасибо за пасхальные конфеты). Михаил будет пытаться поступать. Наташа работает теперь инженером в институте. Возвращается на три часа позднее, но пока довольна. Семья Лены живет сейчас с нами. К сожалению, все время идут дожди, и наша чудесная внучка гуляет меньше, чем хотелось бы. Я ее как-нибудь сниму и пришлю. Очень забавная.

В остальном все по-старому. Правда церковь теперь преображается. Тоже потом сниму и пришлю.

Я маму уже поздравил, но делаю это еще. Храни тебя Бог.

Твой пр. А. М.

***

08. 10. 78

Дорогая Шурочка!

Очень рад, что ты отдохнула в путешествиях и особенно тому, что в Лурде ты духовно немного ожила. Лишний раз убеждаешься, какое значение имеют святые места, для того, чтобы встряхнуть нас и обновить внутренний мир. В повседневной суете это часто бывает труднее. У нас сейчас золотая осень, которая все время перемежается с дождем и снегом. Сегодня Сергиев день и мы с Михаилом были в Лавре. Служил митроп. Филарет, было очень много народа (в академической церкви). Всех вспоминал и вас особенно. Отпуск мой кончается на днях. Я один (Наташин отпуск прошел уже) ездил в Грузию, Азербайджан, Армению, на Украину. Немного освежился, повидал много новых мест и новых людей. По расстояниям это, наверно, больше твоих путешествий (однажды за день на машине дал 600 км среди гор, очень красиво). Михаил учится в институте, живет в Москве. Как я уже тебе писал, мы с Наташей теперь чаще бываем вдвоем. Внучку никак не сфотографируем, чтобы вам прислать. Спасибо за фото. Ты

прекрасно выглядишь и дети тоже. В кого они такие светлые и курчавые? Поклон Г., маме, свекрови, друзьям. Остальное напишет Наташа.

Твой А. М.

***

(14. 12. 1978)

+

Дорогая Шурочка!

Ты пишешь, что стала пессимисткой и ничего хорошего не ждешь. Это не то. Ты просто стала чувствовать реальность, освобождаясь от ложного романтизма. Хорошее рядом и ты умеешь его видеть. Есть за что благодарить Бога: есть близкие существа, о которых ты можешь заботиться, вкладывать в них свои силы. Это самое драгоценное. Представь себе, чтобы ты была одна, в роскошной обстановке, но никому ***не нужна***. Это было бы крушение жизни. А тебе дано ровно столько, сколько ты можешь вложить. Ты умеешь и радоваться прекрасным вещам, людям и окружающему. Мы гости Божии на земле и должны учиться признательности. Ведь мы не заслужили ни жизни, ни добра, которое в ней есть.

Очень мне жаль больного, передайте ему привет. Я буду за него молиться. Быть может, это испытание пробудит в нем чувство духовного, которого он был лишен.

Послал тебе Андерсена. Хотя это сокращенное издание, но я предпочел его, т. к. оно для детей и с приятными картинками. Спасибо большое тебе за книги и календарь.

То, что ты пишешь о мормонах, очень любопытно. Откровенно говоря, это довольно нелепая секта, но как она сумела набрать столько адептов? Впрочем, будем терпимы – пусть каждый ищет истину как может.

Вырезка интересная. Вообще тема эта многих сейчас занимает, особенно после книги Моуди (о ней даже писали, правда критически, в Литгазете). Я уверен, что со временем тайна будущего че-

ловеческой души будет приоткрыта более ясно. Меня особенно поразило, что вернувшиеся после клин[ической] смерти единодушно говорили о необходимости в жизни познания и любви.

Я, кажется, уже писал тебе, что сейчас часто бываю один. Наташа приходит с работы поздно. […] Завтра, 15 д[екабря] внучке Але будет год. Время идет. Она очень симпатичная, но родители никак не сделают приличного фото. Получил от Толи проспект его выставки. Хорошо, что он упорно идет в одном направлении. Если Ира приедет – передавай ей привет. М. б. как-нибудь напишет.

Обнимаю вас всех.

***

+

Дорогая Шурочка!

Получил твое письмо (двойное) и также пасхальные сувениры. Спасибо. Мой ответ наверно придет, когда вы уже возвратитесь из «отдыхательных» поездок.

Что мне сказать на твои грустные мысли? О детях не печалься, они с годами ассимилируются. Были бы хорошими людьми. А остальное приложится. Относительно же вас обоих, то хочу предупредить, чтобы не было разочарований. Туземцами вы никогда не станете в полную меру. Вы всегда будете нести на себе печать того, что вы странники на земле. А впрочем, все люди в какой-то мере странники. Смирись с этим фактом, вам обоим придется жить так. А формальный «переход» в католичество не поможет. Будь открытой ко всем, но помни, что ты другая. Это не вытравишь.

Теперь два слова о посте. Он часто проходит в бесчувствии. Но тем острее мы будем переживать минуты благодати. К разнице календаря как-нибудь надо приспособиться. Тем более, что она не очень велика. Относительно воздержания, нужно помнить, что оно есть обычай, а брак – таинство. Поэтому, если во имя обычая мы что-то ущемляем в таинстве – поступаем неправильно. Здесь формализм излишен. Просто следует помнить, что настрой поста – иной. Но не считать это препятствием для совместной жизни.

То, что ты пишешь о чувстве Судии – явное искушение. В такие минуты проси о даре доверия, старайся положиться на Него во всем, как ребенок полагается на мать. Освобождайся от чувства вины покаянием. Ведь мы спасены и прощены. Исповедь лишь напоминает об этом. И очищает уже очищенное Богом, но испорченное нами. В тех случаях, когда особенно трудно, уйди куда-нибудь в уединение и спокойно, не спеша прочти по четкам 100 раз Иисусову молитву. И все восстановится.

Дай Бог вам сил и мужества.

С любовью ваш пр. А. Мень.

***

(Январь 1979 г.)

Дорогая Шурочка!

Я просил отправить лампадку вместе с поплавками. Но, очевидно, тот, кто посылал, забыл. Пошлю снова.

Как хорошо, что на чужбине вы все-таки иногда встречаете людей хороших и душевно вам близких. Ты всегда умела сходиться с людьми, но в иной обстановке это, наверно, сложнее.

Ты пишешь о человеке, который недавно рукоположен. А он что – католик или православный? Я не помню, ты о нем давно писала. Напиши его имя. Я буду за него молиться. Недавно получил от Миши[6] фото его в облачении и письмо. Ему нелегко, но радостно сейчас. Ты не переписываешься с ним? А надо бы. Ведь вы из одного гнезда. Годы идут, и вы должны быть ближе. Ведь старые друзья – не то, что новые.

Относительно И. Кронштадтского. Что он имел дар исцеления – это факт. Могу подтвердить следующей достоверной историей. Моя прабабушка, которая меня еще в детстве нянчила, имела с

[6] Священник Михаил Аксенов-Меерсон; был прихожанином о. Александра с 1965 года; в 1972 г. был вынужден эмигрировать; был рукоположен прот. Александром Шмеманом в США в 1978 году; настоятель храма Христа Спасителя в Нью-Йорке. (Прим. ред.)

ним встречу. В молодые годы она осталась (в Полтаве) вдовой с кучей ребятишек. Женщина энергичная, она не растерялась и, купив 4 коровы, вырастила всех и даже дала образование. Но в первый год она заболела (раздутие живота на нервной почве). Ей было стыдно выйти на улицу. («Вдова Василевская живет без мужа, а ходит на 9 месяце!» – говорили соседи). Тогда она поехала в Кронштадт. Отец Иоанн увидел ее и сказал: Я вижу у вас есть вера. Помолимся и через месяц все пройдет. Так и случилось. О. Иоанн оставил ряд прекрасных текстов и проповедей. Хотя, как сын своего времени, он принадлежал к консервативным кругам, но и святые не свободны от печати эпохи.

В день маминых похорон моя внучка первый раз пошла самостоятельно, а у Олега родилась дочь, которую назвали Еленой.

Храни вас всех Бог.

Ваш пр. А. Мень.

***

(Февраль 1979 г.)

Дорогая Шурочка!

Спасибо за письмо. Вот уже сорок дней маме. Аля, внучка бегает… Время идет. Хорошо понимаю чувства посетившего тебя одиночества, но будем благодарить Бога, что есть возможность общения, есть все же на земле близкие люди. А как Гарик приспосабливается? Но и важно, что ты приобретаешь новый опыт, новый, более глубокий взгляд на вещи, на жизнь, на человеческие отношения. Разрушение иллюзий не есть потеря, а путь в мудрость. Она говорит нам, что всюду, на всей земле людям не хватает того, о чем учит Евангелие. Значит его слово далеко не «пройденный этап», значит свидетельства о нем в жизни, осуществление его в своем повседневном – не лишнее дело.

Хорошо, что ты учишься. Без этого трудно жить, и общаться, и работать.

Сейчас начинается пост. На Западе он на неделю раньше. Постарайся внутренне себя подготовить. Без таких периодов, возвра-

щения к себе, пересмотра, приближения ко Христу – жизнь порастает травой. Большой привет всем домашним. Помни и молись.

С любовью.

Твой пр. А. Мень.

***

26. 5. 79

+

Дорогая Шурочка!

Неужели тебе уже 30! Трудно поверить. Я еще не забыл тебя школьницей, которая задавала мне вопросы… Как быстро летит время. Но это совсем не печально. С годами уходят мелочи, иллюзии, неведение, суета. Мы ведь идем не вниз, а вверх. Шире взгляд, глубже понимание, больше опыта. Лучше отличаем главное от пустяков. Знаем подлинную цену настоящему в жизни. Я вот пока не хотел бы возвращать прошлое. За все будем благодарны. Жизнь так интересна, это подарок. И, как говорил Толстой, «незаслуженный дар».

Темы, затронутые в журнале, о котором ты пишешь, действительно интересны. Долгое время они были как бы в забросе и их серьезно не обсуждали. А в каждую эпоху проблема брака ставится несколько по-новому. От вопросов регуляции семьи и развода не уйти. Но утрата чувства греха, о котором ты пишешь и которая мне знакома по прессе, есть крайность (надеюсь, временная). Внимание к запросам жизни не должно вырождаться в приспособленчество. Это признак дряблости духа. Конечно, психоанализ указал на невротический характер многих грехов, а гомосекс. рассматривается, как врожденная патология. Но в этике должен быть твердый каркас, иначе все расплывется. Я не фанатик постов, но они имеют большое значение. Укрепляют волю и благотворно действуют на организм. В борьбе против пережитков махнули в другую крайность…

Спасибо за пасхальные конфеты и за вырезку о плащанице. Но последняя не содержит того, что мне надо. Объясню. Уже два года идет речь о том, чтобы датировать ее методом углеродного распа-

да. Владельцы не дают отрезать кусок ткани. Наконец, ок. года назад они отделили нить, которую обещали предоставить на анализ. Вот меня и интересует: произвели ли эту датировку. Посмотри где-нибудь, спроси. И если да, то найди, пожалуйста, вырезку, причем укажи источник и дату. Это помогло бы мне завершить работу до конца. Ибо главное: какого возраста ткань?

Желаю вам мирной жизни в новом доме. Обнимаю всех.

Ваш пр. А. Мень.

П. С. В отпуск пойду примерно через месяц с лишним.

***

+

Дорогая Шурочка! Альбом по фильму я достал. Очень был рад узнать, что у вас с работой хорошо. Думаю, что Гаррик теперь стал уже квалифицированным работником и дело постепенно наладится. Напищи, что из детских книг ты хотела бы иметь.

Я еще и еще раз хочу тебе напомнить то, что, кажется, писал. Достоинство жизни, ее соответствие с высшим замыслом определяется в какую сторону она идет: теряем ли мы или приобретаем? Внешний человек идет по жизни, все растрачивая (силы, годы, зубы, здоровье). Человек, живущий внутренним, может постоянно обогащаться (опытом, мудростью, духом). То есть, есть два пути – вверх и вниз. Время от времени нужно себя об этом спрашивать. Приобретение есть накопление любви и мудрости, которые осуществляются через отдачу. Самое опасное в западной психологии и образе жизни – господство потребления. Оно опустошает. Подлинная глубина и радость в отдаче. У нас все по-старому. [...] Внучка с нами (твоя тезка), бегает и пытается разговаривать.

Пиши мне обо всем. О мыслях, чувствах, событиях. Я отвечаю всегда, только иногда медленно идут письма. Но учти расстояния и наберись терпения.

Шлю вам все московские приветы и Божие благословение.

Ваш пр. А. Мень.

***

21. 12. 79

Дорогая Шурочка!

Поздравляю вас всех с праздником Рождества Христова! Спасибо за фото детей. Очень они милые. Время идет удивительно быстро. Кажется, что совсем недавно крестил я твоего малыша, а теперь его уже и малышом не назовешь. [...] У нас сейчас всюду грипп, и мы немного все поболели, а в остальном жизнь идет своим ходом. Я надеюсь, что у вас все тоже утрясется, даже если Г. [будет] работать до лета. Дал Бог – и еще даст.

[...] Всего можно ждать. То, что ты писала об артистках, очень смешно для нас. (Впрочем я о них не слыхал даже). Ты права – все в этом многообразном мире обнажается, когда разберешься. А впрочем, повсюду действуют одни и те же человеческие страсти. Нам только кажется, что есть разница, а на деле механизмы общие. Только проявляются по-разному. Что же касается дьявола, то он поистине космополит. Один французский писатель говорил, что одна из его уловок – заставить не верить в него. Ты спросишь: где же дьявол, а где злая воля человека, как различить? Он действует там, где зло как бы ничем не обусловлено, где люди делают зло ради зла (то есть противоестественно). А этого хватает. Впрочем, «нечего на дьявола пенять, коль рожа крива». Есть у Крылова басня, как один брамин постом пек яйца на свечке, а когда его застукал надзиратель, он сказал: «бес попутал», а бес из-за печки протестует: «я сам у него впервые учился, как яйца печь таким хитрым способом».

Желаю вам хорошо повеселиться в рождественские дни. А впрочем, мое письмо наверно придет, когда святки кончатся. Ничего нового о работе нет?

Обнимаю вас всех.

Ваш пр. А. Мень.

***

Дорогая Шурочка!

Мне все интересно, что ты пишешь: и о ваших делах и о церковных, и о прочих. Мне Оля писала, что нашла вас в лучшем виде и что ей очень понравилась ваша семья. Пусть есть трудности, но где и когда их нет? И дети твои чудесные. Я всем показывал фото. Все считают, что ты чудесно выглядишь. О вл. Франсуа я, по-моему, тебе писал. Наверно письмо затерялось. Полагаю, что это психотерапевтический эффект от экзальтации и м. б. вера в лже-бога. Бывает такое. Дело не в нем, наверно, а в тех, кто его обожал. Но вере много дается. Есть такой рассказ из дореволюционной истории. Одна женщина из деревни болела. Она собрала сыну деньги на паломничество в Святую Землю и просила привезти ей щепочку от гроба Господня (наверно думала, что он – сосновый). Тот пропил деньги и привез матери какую-то щепку, найденную на дороге. Она приложилась и выздоровела. Это вполне вероятный случай. Бог часто действует и на «язычников», которые ищут Его не там, где надо.

За обещание о слайдах большое спасибо. Это очень меня интересует, потом объясню, почему. Поплавки – пришлю.

Пиши чаще. Я всегда отвечаю, хотя и порой с задержкой. Духовные узы не должны слабеть. Привет Г. и детям, маме и свекрови.

С любовью прот. А. Мень.

***

Дорогая Шурочка!

Вместе с вами мысленно побродил среди этих чудесных пейзажей. Приятно было прочесть о духовном состоянии людей там. А то ты все пишешь об упадке (и вполне справедливо). Объяснить этот контраст нелегко. Считать, что австрийцы перенесли больше, чем бельгийцы – нельзя. Во время войны всем по-разному досталось. Да и война далеко уже. Что-то, видимо, связано с характе-

ром народа, что-то с уровнем церковного руководства и традиции, что-то с историческим моментом.

Ты, как всегда, не падаешь духом. Ю. Глазов, в письме ко мне, даже сравнил тебя с женой протоп. Аввакума, которая безропотно делила с ним все испытания (хотя у вас они не столь тяжелые, как у них). Если у Г. все кончится, будем надеяться, что Бог пошлет ему новое место, где не будет таких отношений и соблазнов. Что же? Не получилось. Это бывает. Были бы вы здоровы. Что-нибудь найдется, не здесь, так в другом месте. Хотя немного жаль. Полезное дело, а не просто заработок.

В день моих именин вспоминали вас всех. Вообще очень вас помним и любим.

Твой пр. А. Мень.

***

(1981)

Дорогая Шурочка!

Думаю, что письма мои ты уже получила. Спасибо за фото. Какая ты стала дама! А Маша просто прелесть. Да, дети растут. Моя внучка уже начала читать, а твой Сережа уже влюблен… Но душой-то ты не постареешь. А это главное. Рад, что ты стала работать у Владыки[7]. Передай ему поклон и попроси, чтобы молился. Я его книгу очень ценю.[8] Это уникальная работа. То, что ты пишешь о преимуществах французских приходов православных, лишь подтверждает мою мысль, что дело не в конфессии, а в людях. Католикам все приелось и они начинают скользить по поверхности. А те, что ищут Духа, обновляют его за счет полной перестройки церковной жизни т. е. перехода. Но это внешнее.

[7] С 1981 до 1985 гг. А. Орлова-Модель работала у Архиепископа Брюссельского и Бельгийского (МП) Василия (Кривошеина, 1900–1985). (Прим. ред.)

[8] Им. в виду: Архиепископ Василий (Кривошеин) «Преподобный Симеон Новый Богослов» (Прим. ред.)

Главное – перестроить сердце, углубить веру, искать Присутствия Божия.

Твое наблюдение верно. Люди не очень меняются. Здесь нет эволюции, но ведь и времени прошло мало. Для истории тысяча лет как один день и для Бога тоже. Техника эволюционирует быстрее. Но она есть полуживотное проявление человеческого разума. Приспособление к среде. Просто у человека это приспособление идет уродливо в силу его греховности. Ты спросишь, а почему христианство не ослабляет этой греховности? На это отвечу вопросом: а много ли есть истинных христиан? Не являемся ли мы все еще полухристианами? Нужно время. У Бога его достаточно…

У нас все по-старому. Из дома и церкви я уезжаю редко. Больше работаю в саду или за столом. Михаила жду вскоре. Наташа шлет большой привет. Лекарства я еще не получил. Чувствую себя прилично.

Всем большой привет и Божие благословение.

Храни тебя Господь.

Твой п. А. М.

***

7. 2.

Дорогая Шурочка!

Как всегда, читая твои описания монастыря[9], я мысленно с тобой туда путешествую: так живо и в красках ты все рассказываешь. Приятно знать, что есть еще такие духовные очаги, где люди стремятся укрепить дух, любовь и веру. Вспоминаю в связи с этим свое первое посещение монахов в нашей Лавре, в дни юности, когда был еще школьником. Помню проходную, через которую посторонним трудно пройти, помню уютные кельи-комнаты вдоль коридора, сверху донизу увешанные иконками и картинками, помню теплую трапезную, где готовили искусные поварихи, и службы – тоже долгие, с блестящими облачениями и митрами, словно

[9] См. сноску 3.

елочные игрушки (это было тоже на Рождество). Я тогда уже лелеял мысль служить в церкви, но когда меня монахиня[10] (моя наставница, чудесная женщина) спросила, хочу ли быть монахом, я ответил: ни в коем случае. И вовсе не потому, что я не любил Лавру и ее насельников (которых многих знал), а просто по собственным соображениям. Одно из них: это был мир, вернее мирок, целиком изолированный от жизни, от мирян и «мира», который как бы замкнулся в себе, в своем тепле (хотя, конечно, и там были свои искушения). Мирок этот казался мне, мальчишке, уже тогда – искусственным и далеким от того, что я знал из Евангелия. Но все же и это – Православие, один из его ликов, у нас наиболее характерный. Место, которое ты посещаешь – исключение, а не правило. Недаром все так туда стремятся. Если бы они себя не противопоставляли другим христианам, было бы вообще чудо, что-то немыслимое в наш век. Но все равно я рад за тебя, что ты нашла место, где духовно укрепляешься. Что касается Вл. Василия[11], то у него особое призвание. Именно в этом все дело: Церковь многообразна и многолика и такой, наверно, должна быть.

Храни тебя Господь.

Твой пр. А. М.

***

Дорогая Шурочка!

Получили бурду и альбом. Огромное спасибо. Наташа в восторге и страшно благодарит. Это то немногое, что вносит «маленькие радости» в ее жизнь. Мне было очень приятно читать твое письмо. В нем, наконец, я снова услышал свойственные тебе светлые мотивы. А то последнее время ты что-то поддавалась меланхолии. Я в это время был у моря, но с другой его стороны. И

[10] Схиигуменья Мария (ок. 1880–1961), см. «Христианос–VII», Илья Басин. «Схиигуменья Мария и подпольный женский монастырь», с. 145–154. (Прим. ред.)

[11] Архиепископ Василий (Кривошеин).

тоже любовался золотым светом над волнами. Но, чувствуя Божие присутствие в природе, я одновременно очень остро ощутил, что более всего Он пребывает среди нас, среди людей. И ты пишешь об этом, о своем впечатлении от службы. Да, люди часто загромождают путь к Нему. Но есть единственный способ это преодолеть – дух Евангелия. Вероятно, он был как-то живо воспринят теми людьми, которых ты видела в церкви.

Всех вас обнимаю. Поклон Вл.

Твой всегда пр. А. М.

***

08. 12.

Дорогая Шурочка!

Думаю, что мое письмо придет уже к Рождеству, и поэтому поздравляю тебя и всех твоих с праздником. Вспоминай в эти дни, как проходили они прежде… У нас особых перемен нет. Впрочем, Михаил отслужил, теперь нужно думать о его будущем. Сам он после армии еще не огляделся. Нужно время, чтобы привыкнуть к штатской жизни.

Очень порадовало то, что ты описываешь о фламандской молодежи. Это великолепно. Именно к такому должна идти Церковь. У нас такого нет, хоть мы и православные. Дело не в конфессии, а в чем-то еще. Я уже тебе говорил. Дело в истинной и искренней вере. Бог не различает конфессий. Он смотрит на сердце. И то прекрасно, что священник играл с ребятами. Вообрази у нас что-то подобное. Да старухи такого батюшку просто антихристом будут считать…

Помощника, Владыкиного, о котором ты пишешь, я не знаю, во всяком случае – близко. Но я точно не знаю, кого ты имеешь в виду. Передай Владыке[12] поклон и скажи, что я прошу его молитв и благословения.

В целом чувствую себя неплохо. Работаю много.

---

[12] См. сноску 7.

Интересно, что ты пишешь о французской службе. У нас люди ничего не понимают. И одна мысль о русском языке, тем не менее, вызывает ярость.

А как в той церкви, где мама поет? Там, наверно тоже все по-непонятному?

Наташа и все шлют тебе и твоим привет. Очень хороши фотографии твоих детей. Даже не верится, что ты такая дама, а дети уже такие огромные.

Храни тебя Господь.

Твой п. А. М.

***

Дорогая Шурочка!

Спасибо за память. Рождественский сапожок пришел как раз к празднику. Внучка в восторге, спасибо. Все, что ты пишешь о новообращенных – в сущности положительный симптом. Люди ищут духовности, и, не находя ее (тут в чем-то виновата традиция и руководство), идут обновить свою духовную жизнь в иной конфессии. Я надеюсь, что этот факт будет учтен и те, кто отвечает, подумает о причинах явления. «Холод» это не свойство той или иной церкви, а свойство традиции, человеческих отношений и атмосферы глубоко въевшийся буржуазности. Именно поэтому хочется людям совсем порвать с прошлым, чтобы начать с новой почвы. У нас такие явления (в обратном порядке) тоже часты. Ты сама заметила, что лучше всего чувствуешь с православными западными. Восточные – тоже в плену замораживающей традиции, которая «холодит» во всех конфессиях. Мера же всему – Евангелие. Для этого Западу и был послан протестантизм, который, хотя и внес раскол, но вернул людей к Писанию и открыл пути свободы. В будущем все эти опыты принесут свой плод всей Церкви в целом. Это методы проб и ошибок. Что касается «корней», то они сами по себе вещь хорошая, но могут быть и опасными. Ведь именно «корни» помешали фарисеям принять Христа. Прошлое нужно ценить, но так, чтобы оно не сковывало движения. Это старая, как

мир, проблема. Христианин находится где-то на рубеже «укорененных» и «бескоренных». Но настоящий наш корень – Евангелие. «Не имеем зде пребывающего Града». Говоря о том, что ты стала «дамой», я имел в виду, как ощутима разница между девочкой, которую знал и матерью. А внешне ты совсем не старая. Да и годы твои еще молодые.

Как себя чувствует мама? [...] Все шлют привет и новогодние пожелания.

Низкий поклон Владыке. Прошу его молитв. Мне жаль, что я не виделся с о. Софронием. Но книгу (вернее книги) его читал.

Храни тебя Бог.

Твой пр. А. Мень.

***

(1982 год)

Дорогая Шурочка!

Большое спасибо за пасхальную бандероль и лекарства. Наступает мой отпуск, как раз – полечусь. Никто не мог вылечить – может твое поможет. Ты говоришь, что я мало пишу о нашей жизни. В общем-то она мало изменилась. Наташа тебе все расскажет (ниже). Меня всегда радует, что вы не потеряли вкус к живым впечатлениям (зоопарк). Сам бы с удовольствием посмотрел... мой зоопарк пока ограничивается птицами, которые гнездятся под окном.

Я понимаю все твои смущения и трудности, но без них нет жизни. Ведь у тебя двойная задача – жить по-человечески, по-христиански там, куда забросила судьба и передать эти основы и образ детям. Я все жду и надеюсь – когда Сережа подрастет и мы с ним будем переписываться об археологии и древней истории (если русского не забудет).

У нас тоже показывали по ТВ выздоровевшего Иоанна-Павла. Вообще, каждый день какие-нибудь покушения. Один социолог установил (статистически), что преступность сокращает не страх наказания, а нравственный уровень людей. А сейчас он на Западе довольно низок. Удары технократии обрушились на традицион-

нохристианские страны. От этого и трещат основы. Но будем надеяться, что лучшее в людях все же устоит и волна насилий спадет. Очень желаю Г. успехов, если удастся попасть на работу. Теперь – до встречи в июле, когда я вернусь. Храни вас всех Бог.

Ваш пр. А. М.

***

09. 07. 82

Дорогая Шурочка!

Получил твое письмо уже вернувшись из отпуска, который провел, как обычно, в Крыму. Относительно моего здоровья ты напрасно беспокоишься. Я теперь в полном порядке. Уже в первые дни отпуска последние следы недомоганий улетучились. Помолодел на десять лет, хотя седины прибавилось. Вы вот ездите в отпуск по разным местам, а я так пристрастился к одному и не могу отказаться. Ведь я езжу не «посмотреть», а просто расслабиться у моря и поплавать в свое удовольствие. Для этого Коктебель подходит во всех отношениях.

То, что ты пишешь об Амьенском соборе просто доказывает, что на смену старой пришла новая цивилизация, которой доступней «шершавый язык плаката». В высшем смысле это, конечно, упадок вкуса, но ведь и такие соборы были особым явлением. Не все было прекрасно. Такие вещи рождаются редко. Наверно, есть и аналогичные в наш век. Но в целом искусство, в том числе и церковное зашло в тупик больше, чем литература, наука, философия и пр. Быстрая смена стилей тому свидетель. Не следует забывать и об огромном влиянии протестантов на католический мир. А протестанты с искусством плохо дружили. Я думаю, что есть всюду люди, которых мутит от церковного кича. Но их меньшинство и тебе желаю остаться в этом меньшинстве. Очень рад, что Сережа так серьезно ко всему подходит и имеет живой интерес. Твоя бандероль, увы, не дошла. Но ты не расстраивайся. Главное – спасибо, что не забываешь. Наташа еще в Крыму, у нее отпуск позже кончается. Внучка Аля сильно подросла, в этом году ей исполня-

ется 5 лет. В целом у нас все без перемен. А как у вас с работой? Получили ли вы письмо, где я писал, что знаком с работами отца Софрония? Кажется он основатель того монастыря, который тебе так нравится.

Привет всем твоим.

Храни тебя Господь.

Твой пр. А.

***

Дорогая Шурочка!

Не представляешь, как я был рад твоему письму, где ты рассказала о встрече с о. С.[13] Это действительно замечательный человек. Я читал его работы и восхищен. У нас есть общие знакомые, но лично нам не удалось повидаться, когда он приезжал. В сущности, ты угадала верно. Много есть ценного в западной традиции, но и восток кое-что значит. Для нас духовное все же остается на первом месте, его не заслоняет «светское» посюстороннее. А именно эта буржуазная приверженность к «миру» и делает благочестие многих католиков очень поверхностным. У нас – свои грехи: формализм, обрядоверие, слабое ощущение Евангелия, но нельзя отрицать то, что при всем том религиозность, вера подчас глубже, живее, сердечнее. Это, быть может, связано с более трудной историей восточных народов, м. б. еще с чем-либо. Но факт остается фактом. И мне было отрадно почувствовать твое настроение, когда ты вдохновилась встречей с носителем истинной духовности. Впрочем, я верю, что она есть не только у нас. Дух дышит, где хочет.

Дома у нас все идет по-прежнему. Все тебе и твоим кланяются.

Храни тебя Бог.

Твой пр. А. М.

---

[13] См. сноску 3.

***

23. 11

Дорогая Шурочка, получил оба твои письма. И вырезку о ясновидящей (я о ней уже слышал, в Москве как-то показывали кадры о ней). Наташа благодарит за вырезку бурды и написала тебе. Ты просто еще не получила.

Я всегда поражаюсь и восхищаюсь твоим умением видеть все свежими глазами. Дай Бог тебе и дальше сохранить эту способность (я верю). Это единственный способ не засохнуть и быть «как дети» (по-евангельски). Как я понял, ты рассчитываешь получить нечто вроде пенсии. Ввиду безработицы это было бы здорово. А у Гарика по-прежнему нет перспектив найти работу? В общем, если уповать – будет чудо. Ведь уже не раз бывали (взять хотя бы квартиру). Со временем расширятся связи, что-нибудь найдется.

То, что ты пишешь о куклускскановцах вполне вписывается в общее безумие современного мира (даже страшно радио слушать). Есть мнение, что это влияет солнце (этот и следующий год особые – так наз. «парад планет» и усиленная радиация: специалисты предсказывают вспышки агрессии). «Зеркало» я смотрел и был от него в восторге. Это очень тонкий, «бергмановский» фильм. Мы учились с ним (Т[арковским]) в школе. Поэтому в фильме мелькает наша улица Серпуховка. И стихи его отца хороши. И вообще он о вечном и глубоком в человеческой жизни. В Москве многие интересуются феноменами, вроде того, что в вырезке. Способность такая присуща всем, но в малой степени, а есть люди одаренные. Тут масса загадок. Сам факт показывает, что есть возможность видеть будущее. Что оно в каком-то другом измерении (вневременном) «видно». Но это не нарушает нашу свободу. Пластинки Рины Зеленой поищу и пришлю.

[…] Я очень рад, что Сережа интересуется археологией. Я сам всегда ею увлекался. Это можно поддержать. У нас школьники ездят на раскопки, работают. Конечно, это с точки зрения хлеба слабая профессия, но все же не совсем же надо вымирать гуманитариям! Надо сказать, что у нас археологи, в общем, в почете и у них

есть применение. Особенно сейчас – настоящий расцвет (и древнерусская и античная).

Ты верно пишешь об оборотной стороне цветной проблемы. Но она не просто расовая . Эти дикие люди таковы не потому, что они черные, а потому что не работают и имеют низкий культурный ценз. Конечно, темперамент играет роль (порой роковую), но не это главное. Главное в ненормальности самой жизни и неумении людей распределять труд и пр.

Внучка моя растет, очень боевая и шустрая. А я старею. Седина и пр. Но пока держусь. Жаль, что с прояснениями так вышло, много труда было положено, ну, что Бог даст. Неужели ничего не пригодилось и все насмарку? Может быть хоть часть? С каждым днем у меня все меньше времени. Жизнь насыщена до предела. У Аллы все более или менее в порядке. Обнимаю всех вас. Шлю приветы от друзей и Божие благословение.

Твой пр. А. Мень.

***

Дорогая Шурочка!

Получил твое письмо и Рождественские сувениры, большое спасибо (все дошло в целости). У нас все праздники прошли хорошо, гостила внучка. Михаил мой на днях идет на работу, а потом будет снова поступать туда, где ему более светит (он явно не технарь). Наташа работает по-прежнему, шлет вам всем привет.

Про мать Терезу я читал и слышал. Очень отрадное явление на фоне современной жизни. Вот такими должны быть настоящие христиане. Их, конечно, мало, но хорошего (как золота) в мире всегда было мало («малое стадо»).

То, что ты пишешь о шуме вокруг зверя, который скончался в зоопарке, очень характерно для мира, в котором ты живешь. Не имея настоящих ценностей, люди готовы чуть ли не обоготворять любые вещи. И не имеет значения, что эти люди, как ты пишешь, венчаются и крестятся. Сама видишь, как духовное ***отстает*** от развития внешней цивилизации. Это отставание – одна из главных

трагедий в жизни народов. Ее хорошо можно видеть на примере тех племен, которые внезапно поучают в готовом виде (импортно) цивилизацию. Лучше они не становятся, а нравственный уровень падает, наступает разложение. Болезнь, рожденная несоответствием частей (духа и плоти). Поэтому люди святые, типа Терезы, всегда будут противостоять миру, тонущему в «буржуазности». Вот и ты, хоть и не Тереза, если не хочешь потонуть, держись за то, что вечно и истинно. Все остальное превращается в пыль…

Обнимаю вас всех и шлю Божие благословение.

Твой пр. А. Мень.

***

Дорогая Шурочка!

Как посмотрел на рисунки Сережи, так и вспомнил его крошечным малышом, которого держал на руках. И я так радуюсь, что он интересуется тем, что и меня всегда интересовало (с такого же возраста). В изучении прошлого он найдет и смысл, и отдых, и свой мир, и (дай Бог), занятие, и неисчерпаемую пищу для сердца и ума, и понимание настоящего. А при его некоторой замкнутости это будет компенсация.

Ты часто пишешь о расовых конфликтах. Это действительно проблема. Решена она будет очень и очень нескоро. Корни ее в биологии. Еще животные всегда с трудом переносят нечто чужое. И это вошло в наше подсознание. На Кубе это не так, т. к. там люди сходного темперамента. И много метисов. Но это еще не решение. А в Европе это долго будет проблемой. Пост и Пасха прошли у нас неплохо Народа много, как всегда, в это время. Сейчас близится лето, время отпусков. Планы пока туманные. У нас все идет по-прежнему. Есть свои трудности и радости. Но, как и всегда, одна надежда – на помощь. Мы тоже в дни Пасхи смотрели кадры из того фильма. Они очень впечатляют. Всего, всего лучшего вам всем.

С любовью пр. А. М.

***

Дорогая Шурочка!

Трудный ты поставила передо мной вопрос. Но факты есть факты и мне придется попытаться тебе ответить. Духовность в человеческом роде – явление не частое. Она – предчувствие Грядущего царства Духа и наследие тех великих очагов, которые были зажжены нашими предками. Массовая церковность – на Востоке и на Западе – всегда есть нечто разжиженное, ослабленное, приспособленное к уровню «среднего человека». Когда у людей Запада возникают (и возникали) такие очаги, они часто поступали, как садовник, который старается отделить нужный сорт от всего прочего, чтобы дать ему окрепнуть и сохраниться. Пути выбираются разные: монашеские ордена, братства, общины, секты, движения и пр. Среди этих средств мы находим и такое: ограждение себя в рамках «экзотической» (для них) конфессии (Православия). Они чувствуют, что ради сохранения и углубления своей духовности им приходится порывать с общим. Это нелегко. Подсознательно они с этим общим связаны. Отсюда – резкое отталкивание от традиции, из которой вышли (вражда сектантов к Церкви, или вражда бывших католиков к Католичеству и наоборот). Экуменизм имеет ***два*** истока: либо подлинную широкую и глубокую духовность, которая не страшится чужого, либо поверхностное смешение всего в кучу. Разумеется, я за экумену первого типа. Но до него доходят немногие. Отсюда твои наблюдения. В словах игумена о святых, что они «чужие» – не только ограниченность, но ***нежелание*** вместить иной опыт. А особенности этого опыта не касаются Евангелия как такового. Их источник – культурная традиция и этнопсихология. Мой тебе совет: не спорь и не обсуждай с ними этого. Бери в людях лучшее. Так, например, читая Толстого и Достоевского мы берем от них ценное, и совсем можем не соглашаться с их социальными идеями и пр., но в душе храни широту. Сказать, что 700 млн. католиков и 350 млн. протестантов находятся в заблуждении, а только мы одни истинная церковь – значит пребывать в безумной гордыне, ничем не оправданной. Вспомни,

что ты сама мне писала о Лурде и др., что же это все – обольщение и вздор? Большое самомнение и мизантропию надо иметь, говоря так. А слабости и грехи – не свойства конфессий, а людей. Есть тысячи поверхностных православных и много глубоких инославных. Вот об этом, кто «истинный» будет «судить Бог», как сказал игумен. А святые – наши учителя.

Вот примерно в двух словах, что могу тебе сказать. Не поддавайся смущению. Не в людях истина и спасение. Как сказал ап. Павел, спасаемся ***только верою*** во Иисуса Христа.

Храни тебя Бог. Поклон всем.

Твой пр. А. М.

***

Дорогая Шурочка!

Прежде всего (и конечно, с опозданием) поздравь маму с днем ангела. В этот день я ее вспоминал и молился. Далее, большое спасибо за пасхальный сувенир. Все были восхищены, особенно внучка, твоя тезка. Теперь о том, что тебя волнует. Разумеется, когда человек ищет Истину, он может, должен, обязан подняться над традицией и идти туда, где он познал Бога. Иначе, например, кн. Владимир остался бы навсегда язычником. Но другое дело – внутри христианских общин. Здесь у всех истина – одна, один Христос, одна вера. Различия же уже не от Бога, а от людей. Возможность этого человеческого аспекта придти к единству очень слаба, но не безнадежна. Это воля Христова. Личные переходы могут повредить экуменизму, т. е процессу сближения, хотя все же каждый свободен примкнуть к той Церкви, которая ему ближе. Для рядовых верующих этот шаг не влечет серьезных последствий. Но в целом – лучше диалог церквей ради будущего единства, чем переходы. Лучше бы этим французам внедрять у себя то лучшее, что они находят у нас, чем просто переходить. Ибо и у нас не все идеально. Присмотрятся, увидят теневые стороны... и что же – опять переходить? Так можно без конца. Ты говоришь о западных иерархах. А мне говорят о греках, которые очень богаты (иерар-

хи), т. к. содержат игорные дома. Это все не конфессии, а личные грехи и церковные ошибки. Бесплодность некоторых призывов иерархов западных о бедных – не единоличное явление. Наши в других странах тоже не многого добились в этом смысле. Я очень рад, что игумен так добр к вам, что вам у них хорошо. Но если бы он был, например, баптистом, он едва ли был бы менее добр. Господь смотрит не на конфессию, а на сердце.

Я сейчас в приличной форме. Отпуск окончил, как уже тебе писал. Тружусь понемножку. Передавай привет Толе, если увидишь. Наверно, ему, как художнику, неплохо пожить в Европе.

Всегда помню и молюсь. Храни тебя Бог.

Твой п. А. М.

***

(1984)

Дорогая Шурочка!

Получил одно за другим два твоих письма и рад, что у вас все благополучно, что ты, по-прежнему, ездишь с ребятами, что собираешься в монастырь. У нас после морозов ранняя весна, Наступил Великий Пост (сегодня суббота первой недели). Я это время очень люблю и на этот раз тоже было очень отрадно и тихо. Между службами, урывками занимаюсь. Все идет, как прежде. Да, о. Всеволод[14] умер, ты уже знаешь. Это действительно была эпоха. Очень значительный был человек, как и о. С. Ж.[15], который умер вскоре после него. Дети и внуки растут, а старые уходят. Недалеко то время, когда наше поколение будет самым старшим. Кстати, не могла бы ты мне достать фотографию владыки Кассиана Безобразова (покойного), мне очень нужно. То, что ты пишешь о западной жизни показывает, что изобилие и неравен-

[14] Прот. Всеволод Шпиллер (1902–1984). (Прим. ред.)

[15] Священник Сергий Желудков (1909–1984). См. «Памяти отца Сергия Желудкова» – «Христианос–II», «Из архива о. Сергия Желудкова: Христианство и атеизм» – «Христианос–II, III, IV». (Прим. ред.)

ство таит немало опасностей. Что ж? История всегда была полна ошибок. Ничто в ней гладко не проходит. Твоего письма с исповедью я не получил. Но всегда рад твоим письмам. Поклон Г., маме и детям.

Храни тебя Бог.

Твой пр. А. М.

***

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Дорогая Шурочка!

Я уже стал беспокоиться. Даже на Рождество ничего от вас не было. Я писал, но ответа не получил. Может быть в потоке новогодних поздравлений мои письма затерялись. И, наконец, сегодня, на второй день Пасхи получил твое письмо и сразу отвечаю.

О маме и Г. буду молиться. Надеюсь, что болезни все минуют. Ты ничего не пишешь о ваших делах житейских. Как с работой и прочим? А Сережа в своих занятиях, я надеюсь, обогатит себя. Наука будет для него заслоном от мира пошлости и потребительства. Я сам был в детстве такой. Очень живо интересовался древностями и историей. Но у меня это было тесно связано с верой и жизнью. Древний Восток я школьником изучал, чтобы лучше понимать Библию.

То, что ты пишешь о миссионере, ревнителе тракторов, очень характерно. Это, конечно, неуклюжая реакция на односторонность прошлого, когда миссионеры и вообще христиане мало обращали внимания на быт и нужды людей. Хозяйственные и социальные проблемы очень близки к проблемам нравственным. Один русский философ как-то сказал: «Если ты хочешь есть, это вопрос биологический, а если голоден ближний – вопрос этический». Разумеется и противоположный крен есть только «крен». Человек не скотина и ему нужна духовная пища так же как и пища телесная. Найти здесь равновесие будет нелегко. Эта задача Церкви, которая не будет решена сразу. И ее будут упрощать неумные люди. Церкви и христианам вообще следует избегать сцилы потусторонности

и харибды посиюсторонности. Но как этого достичь? Только Евангельской мудростью. И избегать подмены. Тракторами могут заниматься христиане и нехристиане, а духовное благовестие есть первое дело Церкви. Тем более, что на Западе духовная жизнь (как повсюду в мире) переживает болезненный кризис.

Пост у нас прошел как-то скоро. Не заметили, как подошла Пасха. Есть, конечно, у меня трудности, но у кого их нет? [...]

Все общие наши друзья – в порядке. О тебе помнят. [...]

Пиши, дорогая Шурочка, обо всем. Очень хочется знать, а то уже почти 4 месяца молчишь. Всем пасхальное поздравление.

Твой прот. А. Мень.

***

Дорогая Шурочка!

Получил твою исповедь. Должен сказать, что формально в нашей Восточной церкви нет суждения о п/з средствах. (Они ведь дело сравнительно новое, а у нас отклики на новые явления редки). Поэтому скажу то, что думаю сам. Если бы мы не имели права трогать ничего естественного, нам нельзя было бы ни волос стричь, ни ногтей, ни лечиться и т. д. Но человек имеет власть над природой, в том числе и над своей собственной. Это распространяется и на регуляцию рождаемости. (Я имею в виду не аборт, который трудно квалифицировать иначе, чем убийство маленького челов. существа). Так думают и многие католики (посмотри в журнале «Символ»). Но есть энциклика Гумани вите. Она направлена против нравственной распущенности и массовых притом абортивных средств. Впрочем, даже католич. иерархия допускает естественное регулирование (с помощью месячных циклов). А, следовательно, в принципе здесь нет абсолютного запрета.

Что же касается сердечных вопросов, то здесь дело не столько в сексе (неполадки в этой области можно устранить, читая соответствующую литературу), а в эмоциональной сфере. «Волнение крови», влюбленность может возникнуть с большой навязчивой силой и испортить жизнь. Поэтому, не допускай таких ситуаций,

когда что-то ненужное проклевывается. Сколько семей развалилось, сколько жизней искалечилось у меня на глазах из-за беспечности в этой области. Немного «поиграли», немного попустили, позволили себе, а потом ловушка захлопнулась и – собирай обломки. У нас и без этих грехов – забот полон рот... [...]

Пусть мысль о Христе и о детях будет твоим сторожем.

Еще раз: ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ, поздравляю всех Вас и обнимаю.

Прот. А. Мень.

***

Дорогая Шурочка!

Спасибо огромное за Льюиса. Вид из твоего окна напоминает Чистые Пруды. Я очень хочу, чтобы ты в этой жизни имела немного тепла и света, хотя практически все представляю себе смутно – как что будет. Надо молиться, чтобы все устроилось, как надо. Все мои шлют тебе приветы. У нас жизнь насыщенная и поэтому отрадная, хотя и не все легко. Но теперь настроение как-то поднимается из-за общего оздоровления атмосферы. Всегда есть место надежде и вере в лучшее. Я все жду, когда твой Сережа напишет мне. У нас с ним будет о чем поговорить. Ты давно ничего не писала о маме: как она? Поет? Работает? Как себя чувствует? Я уже тебе писал, что умер о. Сергий Хохлов. Я его соборовал в больнице накануне смерти.

Обнимаю тебя. Храни вас всех Бог.

Ваш пр. А. М.

***

18. 07 Сергиев день.

Дорогая Шурочка, пишу тебе во Францию, как ты хотела. Надеюсь, письмо тебя там застанет. Ты жалуешься на мое молчание, но я, как только вернулся из отпуска, – написал тебе. Ты, наверно,

уже получила. Хотелось бы, что б ваше путешествие немного тебя развеяло и дало немного отдыха. Жаль, конечно, что работа у Гарика кончается (казалось бы – у него еще много дел), но м. б. все к лучшему, раз у него там не пошло.

Спасибо за вырезку. Я уже когда-то читал про этого «нового Иону», хотя продолжаю считать, что библейский рассказ вовсе не имеет целью описать лишь какое-то реальное морское приключение (кстати, в оригинале стоит «большая рыба», а не кит), а дать некую духовную мысль, облеченную в форму сказания. Что конкретно стоит за сказанным – не важно.

Ты стала читать Розанова? Это не лучший способ поправить настроение. Он был душевнобольным человеком, хоть и очень одаренным. В душе и в мыслях у него царил хаос, хотя перед смертью (в Загорске в 19 г.) он покаялся во многих своих антибиблейских и антихристианских писаниях. Он много писал о любви и сексе, но как-то болезненно. Он был травмирован своей первой женой – женщиной с очень тяжелым характером, намного его старшей. Вообще он весь двоился, и почва уходит из-под ног его читателей. У нас в умах и без того все непросто – нужна здоровая пища, а это – маразм вперемежку с гениальными проблесками и парадоксами. Кое-где критикуя христиан он был силен, но критика в голом виде – самая слабая вещь.

А зачем тебе Грамши? Я поищу – у нас, кажется, его недавно переиздавали. Если найду – пришлю – но м. б. я не разобрал фамилии?

Пришлю и фото.

Желаю тебе и всем твоим хорошего отдыха. И быть бодрыми, не забывая о высшей надежде.

Храни тебя Господь.

Твой пр. А. Мень.

***

20/II (1986)

Дорогая Шурочка!

Огромное спасибо за Хоонакера[16]. Просто поразительно, как плохо дело обстоит с иконографией этих ученых. Да и не только с иконографией. До сих пор не могу найти даже дат жизни Жоржа Озу[17], о котором я тебе писал. Поищи еще, ради Бога. А то уже статья есть, а дат нет.

Очень меня радует то, что ты пишешь о Сереже. Дай Бог ему развиваться дальше именно так. Все особенности его характера найдут гармонию в духовном. Когда он сможет, когда станет взрослей и захочет, мы будем с ним переписываться. Надеюсь, он не забудет русский язык. И еще я рад, что наконец вы преодолели одиночество и нашли общение. Я не совсем понял, прочему при крещении, как ты пишешь, детей не окропляют водой? Это ведь не может их травмировать. А «обливание» и «погружение» равным образом было принято в древней Церкви (есть даже фреска с изображением обливаемого малыша).

У нас жизнь идет по-прежнему. Я, как всегда, тружусь, Наташа работает. Лялька должна родить со дня на день. Все передают вам приветы и благодарность за рождественские сувениры. О тебе и о всех твоих всегда молитвенно помню.

Храни тебя Господь.

Твой пр. А. Мень.

---

[16] Для работы над Библиологическим словарем (см. сноску 2). (Прим. ред.)

[17] То же самое.

***

(1986)

Дорогая Шурочка!

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ! Поздравляю тебя и всех твоих с праздником. Я вообще-то тебе постом писал, но ты, наверно, еще не получила письма. Но в остальном мое молчание объясняется тем, что служб очень много и не успевал сесть за стол. Спасибо большое за бандероль для малыша. Все, что ты пишешь очень интересно. Я с трудом понимаю, по каким мотивам католики так относятся к посту. Ведь даже в ослабленной форме он нужен. Думаю, что этот крен рано или поздно выправится. М. б. это влияние протестантов? Оно ведь и положительное и отрицательное. Ты очень верно определила психологию уехавших как «гетто». Но, видимо, это неизбежно. Надо либо войти в окружающий мир, либо остаться в изоляции. Относительно Озу я уже нашел дату его смерти (1971) , но не нашел даты рождения. Он преподавал в семинарии в Руане. Фамилия его пишется как Auzou. Кстати, одна из причин закрытия семинарий – вероятно, целибат, который еще не отменен. У меня родился внук. Назвали Александром. Пост прошел быстро и как всегда с искушениями (Мф 5:10-11), но остается предать себя в руки Божии. Замечательно то, что ты пишешь об иконе. Я верю, что любые знаки Богоприсутствия возможны, если глаза веры открыты. Желаю Вам всем сил, радости, света, веры.

Твой пр. А. М.

***

Дорогая Шурочка, спасибо за письмо. И за сувениры малышам. Надеюсь, ты получила мое фото. Но не пугайся. В жизни я гораздо моложе и бодрее. Можно сказать, что физически чувствую себя лучше, чем 10 лет назад. Просто так вышло, а я давно не снимался. Внук растет. Все, кажется, у них в порядке. Аля очень выросла и восприняла его рождение нормально. А как дальше бу-

дет, не знаю. Конечно, тебе нельзя забывать прошлое. Прошлое – часть нас самих, нашей личности. И я рад, что твой претр это, видимо, понимает. Некая безликость в отношении катол. и вообще западных свящ. к прихожанам обусловлена особенностями их культуры (у катол., в част., целибатом). [...]

Ты пишешь о своем впечатлении о катол. монастыре. Я это очень хорошо себе представляю. Это тоже иной тип культуры аскетизма. Привыкнуть к этому православн. человеку трудно.

Надеюсь, финансовые реформы тебя не затронут; ведь у тебя муж тоже не работает? Что касается меня, то я в относительном порядке, хотя пост был тяжел. К счастью мой сад дает мне возможность отдыха. По-прежнему тружусь, не покладая рук. Уже нахожусь на середине буквы П, хотя материалы далеко не всегда легко достать. Поиски Озу брось. Хватит того, что я узнал дату его смерти.

Помни всегда, что Промысел активно включается в судьбу, когда ты открыта Ему.

Храни тебя Бог. Поклон взрослым и детям.

Твой пр. А. М.

***

(Август 1986)

Дорогая Шурочка!

Я уже тебе писал, что фото мое не соответствует действительности (просто такой момент был). Потом м. б. снимусь более удачно. Сегодня 5 мес. моему внуку. Все наши шлют тебе привет и помнят как родную. А то, что ты мне писала – не зря. Просто я хотел, чтобы ты была осторожна. Зачем лишние, ненужные переживания? Трудно поверить, что твои планы сбудутся, но как знать.

Да, в нашей церкви тебе уже странно, и само это не странно. Но пока ничего изменить невозможно, Есть такая «старообрядческая» психология, которая все это поддерживает и мешает переменам. Это надо понять как некий душевный тип. Вообще все церковные различия не имеют прямого отношения к вере. Они ко-

ренятся в различии этих типов. А эту разницу ты уже давно смогла почувствовать. Немного с опозданием поздравляю маму с днем ангела. Как она трудится и чувствует себя? Стремительно идут годы. Раз проезжая мимо Вашего бывшего дома, вспоминал, как мы там были с о. Сергием. Я уже писал тебе, что он скончался от диабета (перед смертью я его соборовал). Словом, одни растут, другие старятся и уходят. Младший сын его пошел по его стопам.

У нас лето прекрасное. Дома в саду чудесно. Сейчас у нас в сборе все семьи. Но летом места всем хватает. Я же, как обычно, в те урывки времени, которые остаются от очень напряженной работы, продолжаю свои труды (уже кончаю П, хотя до отпуска, как думал, не кончу, уйду с 1-го сен.). Запомни одно правило: когда мы внутренне предаемся Промыслу, он действует даже в ничтожных мелочах жизни. Это самое дорогое в жизни.

Обнимаю тебя и шлю Божие благословение.

Твой пр. А. М.

***

Дорогая Шурочка!

Вернулся из Коктебеля и нашел два твоих письма. Ты молодец, что не унываешь и всюду ездишь. Это не только развлечение, но и кое-что дает для того, чтобы понять людей и жизнь. Пишешь ты о дочери, потерявшей мать. Это, конечно, тяжело. Но права ли она, говоря: я никому не нужна? Разве мы имеем право говорить так, пока в нас есть силы и жизнь. Сколько людей, больных, сирот, одиноких, которые только и ждут, чтобы кто-то полюбил их, позаботился о них, разделил их страдания. Сотрудницы сестры Терезы, о которой ты знаешь, не могли бы считать себя ненужными. Руки и сердце нужны всегда и везде. Было бы желание. В ней пока говорит горе. Но потом напиши ей, чтобы она нашла людей, которым еще тяжелей, чем ей и стала служить им. И горе смягчится, а потом уйдет совсем. Ты говоришь о Книге Иова. Я писал о нем. М. б. скоро до тебя дойдет. Но для нас важно одно. Мир, в котором мы живем, «во зле лежит». Но именно в этом мире Бог помогает

нам стать лучше, чем мы были бы в розовом и безмятежном мире. (Пример – буржуазные потребители, о которых ты пишешь). В беде люди учатся состраданию, пониманию чужого горя. И неправда, что у нас люди просто лицемерят. Я столько видел истинно самоотверженных и добрых людей... А сколькие нам неизвестны. Эти западные мерят все на свою мерку. У нас история была труднее (война во многих обнаружила скрытые дотоле душевные силы и доброту, я это хорошо помню). Сытые и самодовольные эгоисты это те, кто теряют главное: человечность. Против них-то и восставали хиппи. Это ведет через комфорт к обездушиванию. Наступает даже умственное измельчание, которое ты метко подметила в телеочерке о верах. Жить как Тереза, в этом мире (не обязательно подражая ей буквально) – вот что значит быть христианкой, а не исправное посещение храма (которое само по себе вещь нужная, но без исполнения заповеди любви – «медь звенящая»). О крови св. Пантелеимона я ничего сказать не могу – это загадка. Но в мире всегда были кризисы. Дай Бог, чтобы Вы смогли устроиться после ухода Гаррика с работы. Все Вас помнят и молятся.

Храни Вас Бог.

Ваш прот. А. Мень.

***

Дорогая Шурочка!

Еще раз поздравляю всех вас с праздником. То, что ты пишешь о землетрясении и пр., действительно ужасно. Но, увы, таков мир, в котором мы живем. Он очень далек от совершенства. В природе действуют слепые стихийные силы. Человек не смог их подчинить, потому что всю свою энергию бросает не на это, а на вооружение и пр. Стихии не знают правых и виновных. Так и Христос сказал, что людей из-за этого всегда подстерегает беда (Лк 13:4). Но именно люди призваны внести в этот хаос свою волю, но их воля направлена не на то. В случае таких катастроф наступает нравственный «суд» для тех, кто может помочь пострадавшим... Надеюсь, что и твои дела постепенно определятся. Главное, чтобы

вы были здоровы и спокойны. Ты спрашиваешь насчет астрологии. У нас сейчас тоже многие увлекаются. Но это вещь научная, а не суеверие. Действительно, когда человек рождается, конфигурация планет оказывает влияние на закладывающийся характер. И в дальнейшем это влияние остается. Но здесь важно, чтобы все таблицы были составлены точно. А расхожие, обычно, весьма приблизительные. То же касается и руки. Рука – один из важнейших органов. И на ней, по-видимому, есть печать личности, которую знающий может расшифровать. Но все это не «судьба», а наши «выходные» данные (вроде генетики и пр.), которые мы можем употреблять и так и сяк. Свобода остается. Остается она и в страдании. Обыденная мысль всегда считала, что человек благополучный – любимец богов. Но Крест показал нам, что Бог может быть близок и в страдании. Порой ближе, чем в благополучии.

Желаю Вам благословенного Нового года. Слайды скоро вышлю.

Храни тебя Господь.

Твой п. А. М.

***

9. 4

Дорогая Шурочка!

Я не удивляюсь, что после разговоров о темных силах в монастыре у тебя были такие сны. Силы эти реальны, но наиболее действенно они проявляются совсем не в подобных фантасмагориях. То, что изобразил Ж. Бернанос в романе «Под солнцем сатаны» – самая безобидная сторона дела. Хуже, когда темные силы действуют анонимно, порождая ненависть, зависть, раздоры, возбуждая в нас стремления к ложному самоутверждению и т. д. Вот где настоящие бесы! Они проявляются в человеческих чувствах, словах и поступках. Больше всего им содействуют люди самодовольные, узкие, готовые сжечь других, если они немного от них отличаются. И здесь все на одно лицо: и инквизиторы и хомеисты. И это беда наших многих православных. Я, конечно, очень высоко

ставлю Брянчанинова, как учителя монашества, но его многие взгляды мне совершенно непостижимы. Например, его хула на Франциска и поношения кн. Фомы Кемпийского, которого, кстати сказать, еп. Феофан не отвергал. Да и вообще, монах – инок, т. е. живущий по иным законам, а человек – христианин имеет закон жизни в Евангелии и им все проверяет. Твой священник прав: с Богом мы должны быть искренни и честны, но свет открывается только тогда, когда в нас живет благоговение. Даже Иов, который бунтовал против Бога, все равно любил Его и верил в Его последнюю правоту. А о. С. очень стар и старым людям иногда свойственны некоторые чудачества. Ты не имей на него в сердце. У него свои цели и взгляды, которые тебя не касаются.

Спасибо за присланное. Всегда тебя помню и всех твоих.

Шлю приветы от наших и Божие благословение.

У нас все по-старому.

Твой пр. А. Мень.

***

Дорогая Шурочка!

Поздравляю всю Вашу семью с Праздником.

Надеюсь, что к этим дням вы поправились все и съездили отдохнуть и развеяться в Германию. Некоторые люди жалуются, что Рождество на Западе приняло уж очень светский характер. Но таково же было оно и у нас до революции, когда праздновали все: и верующие и равнодушные и неверующие. Настоящий кпд есть всегда и всюду, но на поверхности, наверно, незаметен. Относительно мексиканского полуязычества – это явление широкое, даже для России было оно свойственно. Язычеству десятки тысяч лет, а христианству только две, да и то оно еще не укоренилось во многих местах, поэтому-то и так сильны языческие пережитки.

О тарелках у нас тоже много говорят и пишут. Но до сих пор ничего точно достоверного нет, все эти фото легко сфабриковать, ошибки естественны. Теоретически возможно, что есть разум в других мирах, но чего они тогда так долго топчутся у нас и не

вступают в контакт? Это непонятно. А Г. скажи, что седина мужчину красит и придает солидность.

Храни вас Бог.

Твой прот. А. Мень.

***

1. XII. 88

Дорогая Шурочка!

Огромное спасибо за присланные книги. Конечно, мне трудно судить о литературном качестве перевода, но очень ценно, что переводчик связал тексты с Библией, делая соответствующие примечания. Интересно, как он служит? Произносит ли «тайные» молитвы вслух или их слышно только в алтаре? И не отменили ли там закрытие царских врат на время Анафоры (это закрытие – догматическое искажение сущности таинства, которое является «общим делом», «общей молитвой»)? Это одна из самых болезненных проблем нашей литургической практики. Открытые врата бывают лишь у епископа или у особо отмеченных священников. Для меня лично ценно в этом сборнике то, что есть Литургия ап. Марка (ее у меня нет).

У меня нет слов благодарности твоему ученику за словарь, столь дорогой и роскошный (даже совестно) и так оригинально построенный. Мне такой неизвестен, хотя я имею многие и знакомился со многими.

Прекрасно ты выбрала для Маши. Это всегда пригодится. Всегда найдется работа. И для девушки – очень подходящая. Конечно, я рад выбору Сережи. И то, что он не сможет зарабатывать на хлеб своим трудом – не так страшно. Главное, чтобы он жил по призванию. Он мальчик способный. Найдет себе способ иметь прожиточный минимум. А как его художественные занятия? Не забросил? И «идут» ли у вас на рынке такие изделия? Относительно Афона и всего, что с ним связано, я с тобой согласен. Если отбросить романтику тех, кто судит поверхностно, это направление не является «эталоном» для всех. Это особый путь, начатый до хрис-

тианства, гл. обр. в Индии, где много всяких длинноволосых отшельников. В Евангелии этого нет. Христос, не отрицал такого пути. (Пример был – Креститель), но сам жил иначе. И до выхода на проповедь и во время служения. Познать Его может, конечно, и сумасшедший, но было бы странным считать, что Благая Весть это весть для шизофреников. Заметь: у некоторых святых есть элементы экстаза, болезненности, надрыва, а у Христа – нет и тени. Он весь «трезвение». Ты, конечно, слышала о разных хиппи и тому подобных, которые пошли по христианскому пути. Но со временем они весь этот маскарад оставят. Его идеал – простота и естественность. Это для всех времен.

***

Дорогая моя Шурочка!

Как ни странно, я тебя очень хорошо понимаю. Дело в той «духовной буржуазности», которая вот уже два-три века культивируется на западе. Для нас, выросших в иных условиях, это труднопереносимо. Это-то и отделяет вас от всех. Это скрытая их трагедия, и раз уж ты выбрала участь жить среди них, надо на это смотреть, как на климат, как на неизбежное. Этой буржуазности мы можем противопоставить только веру. Не даром Ш. Фуко искал ее не в Европе, а у арабов-мусульман. Мы хоть не арабы, но в каком-то смысле люди Востока. И в этом твоя сила. Благодаренье Богу за то, что ты имела, видела, получила. Было всего так много хорошего и чудесного, что есть за что благодарить. И жизнь рядом с покойным Владыкой. Теперь настала новая пора. Вы не пропадете. Пусть они держат в одной руке крест, а в другой чековую книжку. Ты держи Евангелие, где Господь говорит: «Не заботьтесь». И все у тебя будет. Шла по водам и иди дальше. Найдется работа – слава Богу. Нет – пока где-нибудь так поможешь. И пока ведь твой главный труд ребята и Гаррик. Всегда за тебя молюсь. Уверен, что все будет хорошо. Привет маме.

Твой пр. А. Мень.

СЛОВО ПАСТЫРЯ

Священник ГЕОРГИЙ ЧИСТЯКОВ

«ЖИТЬ, ОЩУЩАЯ СЕБЯ ИСЦЕЛЕННЫМ...»

16 июля 2004 г.
Литургия. Мф 15:29-31

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Сегодня мы читали в Евангелии о том, как Иисус исцеляет больных, расслабленных, недужных, хромых, слепых и увечных. Мы читали о том, как возвращает Иисус силы человеку. Нам с вами тоже Христос возвращает силы, возвращает духовное здоровье. И это, может быть, самое главное в христианстве, что Христос возвращает человеку его повреждённую природу во всей её неповреждённости. И, прежде всего, это касается духа человеческого, а уж потом человеческой плоти.

В Евангелии образно говорится о том, как Христос исцеляет больных и недужных. Мы с вами прекрасно понимаем, что это образ, за которым скрывается весть о том духовном исцелении, которое приносит Христос. И вот за это мы не устаём благодарить Бога. Потому что, действительно, когда мы оглядываемся назад и понимаем, от чего Христос нас исцелил, то, с одной стороны, становится страшно за то, через какие испытания мы прошли, а с другой стороны, переполняет сердце благодарность, потому что мы исцелены. Мне кажется, очень важно, чтобы все мы жили, ощущая себя исцелёнными, ощущая, что нас коснулся Христос, ощущая, что Господь переделал нас изнутри.

Нам очень часто хочется каких-то простых решений, хочется, чтобы Господь избавил нас от каких-то физических наших недугов. А вместо этого нам предлагается другое – духовное исцеление – исцеление, которое идёт изнутри. И часто человек остаётся таким же больным физически, каким он был, но вдруг оказывается,

что, несмотря на это, можно жить нормальной жизнью, можно дышать полной грудью. И это всё – Христос! И это то, что Господь делает за нас. Это, мне кажется, очень важно понять, очень важно осмыслить. Конечно, очень трудно принимать, когда люди по-настоящему тяжело, болеют, когда люди умирают, когда болезнь приводит их к гибели. Но очень часто наблюдаешь, как угасание физическое бывает связано с возрастанием в Боге, с возрастанием в Духе. Нередко люди спрашивают: как можно молиться о здравии кого-то, если ясно, – да и диагноз таков, – что человек не поправится, и что всё идёт к тому, что он угаснет буквально через несколько дней. Как можно в таких случаях, – говорят иногда, – молиться о здравии? А на самом деле как раз в этих случаях и нужно, и необходимо молиться о здравии, потому что мы молимся о здравии не в смысле физического здоровья, но о здравии в смысле духовном, о той полной открытости Богу, о том здоровье внутреннем, о здоровье духовном, которое всегда необходимо человеку, и которое приходит к человеку очень часто именно в те моменты, когда он болен физически. И вот это здоровье – изнутри – приносит нам Христос.

Сейчас существует очень много разных учений, которые так или иначе посвящены тому, как быть здоровым. И вообще человека сегодня очень волнует эта проблема – физического его здоровья. Выходит огромное количество разных журналов и газет, посвящённых этой теме, пишутся книги; создаются разного рода новые теории, посвящённые именно тому, как быть здоровым. И очень часто люди забывают о том, что всё-таки главное здоровье – это не физическое, но духовное здоровье, потому что можно быть абсолютно здоровым физически человеком, но безнадежно больным духовно. И тогда уже никакое физическое здоровье не поможет. Иногда говорят, абсолютно неправильно толкуя слова римского поэта Ювенала, – *в здоровом теле здоровый дух*. А Ювенал на самом деле говорит: orandum est sit mens sana in corpore sano – надо молиться о том, чтобы в теле здоровом и дух тоже был здоровым. Значит, даже он, римский языческий поэт, прекрасно понимал, что главное – это внутреннее, духовное здо-

ровье человека. И вот к этому здоровью зовёт Христос в Евангелии.

Уже смертельно больной митрополит Антоний несколько раз выходил на волю из своего, что называется, затвора и встречался с архиепископом Кентерберийским Роуэлом Уильямсом и теми людьми, которых архиепископ пригласил для того, чтобы повидаться с митрополитом. Виделся он и с королевой Елизаветой, когда президент Российской Федерации был в Великобритании. На этом приеме многие русские, – политики и бизнесмены, – просто не заметили очень старого человека в подряснике. Но не королева. Елизавета II первым делом подошла не к кому-то, а именно к митрополиту Антонию. В тот день никто даже не догадывался, что ему остаётся жить какие-то считанные недели, потому что внутренне он был абсолютно здоров, и это внутреннее здоровье его передавалось окружавшим его людям. Потом королева сказала одной из своих переводчиц, что была поражена, узнав о смерти митрополита Антония, потому что в тот день, когда они виделись, он выглядел абсолютно здоровым.

Очень важно, чтобы мы выздоравливали внутренне, потому что часто бывает разрушительным физическое здоровье, когда нет здоровья внутреннего. В этом случае физическое здоровье очень часто заводит в тупик. Конечно, лучше быть здоровым, но если нам уж суждена такая доля, что мы болеем, всё-таки главное, чтобы мы не болели духовно, главное, чтобы изнутри мы были здоровы. А физическое наше здоровье – это что-то прилагающееся, что-то, на самом деле, второстепенное.

28 августа 2004 г.
Литургия. Успение Пресвятой Богородицы

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, что Тебя питали, – так воскликнула, как сообщает нам Евангелие от Луки, какая-то

женщина, неизвестная нам по имени, и вообще не известная нам больше ничем другим.

Блаженно чрево, – восклицает она и теперь со страниц Священного Писания, обращаясь к Иисусу, – *носи́вшее Тебя.* И мы вместе с нею вот уже два тысячелетия восклицаем эти слова: *Блаженно чрево, носившее Тебя. М*ы ублажаем в песнях и молитвах Пречистую Богородицу, потому что Она Мать Иисусова и Матерь наша. Потому что с Креста нас всех – в лице любимого ученика – Господь, Сам Господь, усыновил Богородице, потому что с Креста Господь сказал, обращаясь к ученику: *вот Мать твоя.* И эти слова обращены не только к любимому ученику, они обращены к каждому и к каждой из нас: *вот Мать твоя.* Вот почему уже почти две тысячи лет мы обращаемся в молитвах к Богородице, мы читаем – *Богородице, Дево, радуйся*, и, радостно взывая к Ней, чувствуем и сознаём, что Она с нами и молится о нас.

А день Её блаженного и бессмертного Успения мы сравниваем с Пасхой, потому что как Христос сделал шаг в Своем Воскресении от жизни временной к жизни вечной и открыл нам ворота вечной жизни, так и Она, Матерь наша, в Своей Смерти, в Своём Успении, *когда гроб и умервщление не удержаста* Её, как поём мы в этот день в одном из гимнов, Она тоже делает этот шаг от тления к нетлению, от жизни временной к жизни вечной и нам открывает двери в жизнь вечную. Не случайно мы называем Богородицу – Дверь Небесная, caeli porta. Дверь Небесная – потому что именно на небеса, именно к вечности, именно к Богу открывает нам двери Пречистая Богородица Своим бессмертным Успением. Прославляя Матерь Христову и Матерь нашу в этот день, мы, благодарим Бога за это усыновление, за то, что нам всем дана Она, Пречистая и Пресвятая Богородица. И благодарим Бога за то, что через Неё мы все становимся братьями и сёстрами, потому что мы все Её дети, потому что мы все Её чада. И в этот день, который называют иногда летней Пасхой, в этот день на закате лета, когда становится ясно, что временное заменено вечным, тленное нетленным, в этот день мы с особенным благоговением, с особенным трепетом и с особенной радостью прибегаем за помощью и поддержкой к Пречистой Богородице.

Как-то одна женщина мне сказала, что она не очень чувствует Богородицу и надо, наверное, ей почитать о Её жизни. А что почитать? А читать нечего, потому что всё, что мы знаем о Пречистой Матери Божьей, всё умещается на какой-то одной страничке текста, маленькой совсем страничке – всё, что мы знаем о Её земной жизни. Это очень мало, это отдельные факты. Но зато мы знаем всё о Её вечной жизни, о Её молитвенной жизни и молитвенном предстательстве за всех нас. Зато мы знаем, как в течение этих двух тысяч лет Богородица сотни раз являлась святым и праведникам, сотни раз являлась взрослым и детям, и юношам для того, чтобы через них, как через Бернадетту Субиру или через Фатимских пастушков укрепить всех нас для того, чтобы мы все через этих детей и через юношей из Меджугорья узнали, что с нами Богородица, что Она молится за нас, что Она предстательствует за нас и поддерживает каждого и каждую. Потому что бывает, что нас оставляют родные и друзья, но никогда нас не оставляет наша Небесная Мать. И когда мы вслушиваемся в то, что говорит нам Богородица, вслушиваемся в последние Её слова в Новом Завете, то понимаем, что они до предела просты: *Всё, что Он скажет вам, то сделайте.* Так говорит Она, показывая нам на Своего Возлюбленного Сына, на нашего Господа – Иисуса Христа. *Всё, что Он скажет вам, то сделайте,* – вот в чём заключается всё богословие Богородицы: вслушивайтесь в то, что говорит Христос, и не просто вслушивайтесь, но делайте, делайте то, к чему Он зовёт вас. Вот весь смысл того обращения, с которым Она, Пречистая наша Матерь взывает к нам.

Когда мы берём в руки Евангелие, то мы должны понимать, что это не только Евангелие Христово, но это Евангелие и Богородицы, потому что каждое слово Евангелия прошло через Её сердце, в каждом его слове чувствуется Её безмолвное присутствие. И давайте подумаем об этом сегодня, и трепетно и радостно обратимся к Пречистой Матери нашей, чтобы и впредь поддерживала Она нас, соединяя в одну семью. Такие разные живут на свете христиане, у нас разный цвет кожи, у нас разные языки, у нас разные духовные традиции, но всех нас как в России, так и в других

странах мира – в Италии и Литве, в Грузии и Греции, на Филиппинах и в других далёких странах мира, нас всех объединяет наша любовь к Богородице и наша преданность Пречистой Божией Матери и Её любовь к нам, Её простираемый над нами омофор, который каждого и каждую покрывает. Радуйся, Радосте наша, покрый нас от всякого зла честным Твоим омофором. Аминь.

Священник ВЛАДИМИР ЛАПШИН

«БОГ ПРЕДНАЗНАЧИЛ ЧЕЛОВЕКА ДЛЯ СОЗДАНИЯ СЕМЬИ...»

7 сентября 2002 г.
Литургия. Мф 19:3–12

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

В связи с сегодняшним евангельским чтением мне хотелось бы разъяснить одно, как мне кажется, очень серьезное заблуждение. Потому что очень многие толкователи и большинство христиан считают этот отрывок как превозношение безбрачия, чуть ли не как евангельское основание монашества. На самом деле смысл этого отрывка абсолютно противоположный. И мы должны это очень четко понимать.

Мы должны понимать, что в Новом Завете вообще нет основания для безбрачия и для монашеского пути жизни. Кто-то может сказать: «Ну, как же, а вот у апостола Павла совершенно очевидно говорится о превосходстве девства над брачной жизнью, о превосходстве безбрачной жизни», и так далее. Важно отметить, что Павел действительно говорит о превосходстве безбрачия над браком, но только в самых ранних своих посланиях. В евангельском отрывке, который мы слышали, есть слова: «не всякий может вместить это», и вот ранний Павел тоже не мог этого вместить, он просто не мог вместить, и в ранних посланиях он, действительно, говорит о превосходстве безбрачия. Но если мы возьмем его более поздние послания, то есть послания Павла созревшего, духовно выросшего, Павла, пользующегося авторитетом Вселенской Церкви, мы увидим, что он там вообще о безбрачии, о девстве не говорит. А вот о браке говорит с благоговением. Он говорит о святости брака, он говорит так, что отрывок из послания к Ефесянам мы

читаем каждый раз, совершая браковенчание, потому что сказать более красиво, более возвышенно, более трепетно сказать о браке, чем говорит сам Павел – уже просто невозможно.

Еще один момент. Даже там, где Павел говорит о девстве, о превосходстве безбрачия над браком, Павел сам оговаривается, что говорит это по человеческому рассуждению, говорит от себя, а не ссылается на Слово Божие. И это еще раз указывает на то, что этот евангельский отрывок как раз говорит не о превосходстве безбрачия. Потому что, если бы здесь, в этом отрывке говорилось о превосходстве безбрачия, если бы Господь хоть когда-нибудь говорил о превосходстве безбрачия над браком, Павел бы знал это, и Павел бы сослался на это. Он бы не стал говорить, что «я от себя это говорю, по человеческому рассуждению», он сказал бы: «Господь сказал, Господь говорил». Но Павел знает, что нет таких слов у Господа. Поэтому он говорит это от себя.

Так как же понимать сегодняшний отрывок? Он очень прост. Господь говорит о святости и абсолютности брака. Господь говорит о том, что такое брак. И какая ответственность ложится на людей, вступающих в брак. Ученики, услышав это, ему говорят: «Ну, кто же это может… Уж если такая ответственность человека перед женой, то лучше вовсе не жениться». Господь говорит: «Да, не всякий может вместить это. Не всякому это дано. Но для тех, кто не может, есть запасной выход – путь безбрачия. Некоторые становятся, бывают безбрачными, потому что не сложилось что-то, некоторые бывают безбрачными, потому что родились не способными к браку, ну а кто-то, понимая, что не может принять на себя такую ответственность – за семью, за жену, и в то же время, чтобы потом не разводиться, чтобы не нарушить Закон Божий, чтобы не потерять из-за этого Царства Божия, вообще – остаются безбрачными, то есть безбрачными ради Царства Божия». Вот о чем говорит Господь. То есть, путь, освященный Богом – это путь семьи, путь брака.

И еще очень важно понять: мы обычно смотрим на это с высоты сотен, тысяч лет христианства. А можно смотреть на этот евангельский текст в историческом контексте. В иудаизме вообще не было понятия безбрачия. Неженатый человек не мог стать членом

Синедриона, не мог быть старейшиной, он не мог занимать никакой должности. Незамужняя женщина считалась неполноценной. Понимаете? И Господь говорит, что: «Я пришел не нарушить Закон, а исполнить его». То есть, Иисус рассуждает в рамках этого Закона. Он не может говорить что-то противное Закону.

Кто-то из вас может сказать: «Ну а как же, ведь Сам-то Он не был женат, Сам-то Он действительно был безбрачен». Казалось бы, это противоречит тому, что Он говорит о браке. Да, Он не был женат. Да, Он был безбрачен. Но именно потому, что Он понимал, для чего Он пришел. Он понимал, что короток Его век. Он понимал, что Ему не дадут прожить долгую жизнь. Он понимал, Он прекрасно знал, что Его жизнь закончится Голгофой и крестом. Поэтому, понимая святость брака, понимая, какая ответственность ложится на человека, вступающего в брак, и что Он не сможет до конца исполнить свой супружеский долг, до конца не сможет исполнить долг отца, родителя, именно поэтому Он и не вступает в брак. Да и вообще, Он пришел в мир, чтобы отдать Себя для искупления всех людей, поэтому Он не мог принадлежать одному человеку, одной женщине или одной семье. Но это Его исключительный путь, а не норма человеческой жизни. Если, конечно, кто-то из нас ощущает в себе призвание принести себя в искупительную жертву за весь мир, если кто-то уверен, что его жизнь предназначена от рождения только Богу, и что он, конечно же, не сможет до конца исполнить свой супружеский и отеческий долг – тогда, действительно, остается второй вариант – путь безбрачия, путь монашества.

Но мы должны понимать, что речь идет об этом, как о запасном варианте, а не как о превосходнейшем пути, как это очень часто у нас, к сожалению, понимается. Мы должны это очень четко сознавать и должны уметь дать ответ тем, кто считает по-другому, потому что на самом деле это очень серьезное заблуждение, когда супружеская жизнь, когда брачные отношения между мужем и женой считаются чуть ли не грехом, чуть ли не терпимым злом каким-то, которое Господь только терпит. Нет, родные мои, это – путь, заповеданный Богом, и первая заповедь, данная человеку, была:

«Плодитесь и размножайтесь». Мы должны понимать, что это именно тот путь, который нам заповедан. Да, не каждому дано это вместить, не у каждого складывается жизнь таким образом, и кто-то действительно принимает для себя этот второй путь, но мы должны понимать, что это лишь второй путь, а не единственный и тем более не главный.

Самый первый – самый естественный путь. Бог предназначил человека именно для создания семьи, и недаром семья в Православной Церкви понимается как начало Царства Божия, как основание Церкви. Не монашеская община, не монастырь понимается как основание Церкви, как начало Царства Божия, а именно семья, семья называется домашней церковью, малой церковью, началом Царства Божия, и мы должны это понимать.

Да хранит вас Господь!

«ЖИТЬ ВО ИМЯ ХРИСТОВО»

3 ноября 2004 г.
Литургия. Кол 3:17-4:1

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Конечно, евангельское чтение, отрывок из Евангелия от Луки, который мы только что слышали, заслуживает нашего внимания, и в нем много есть, о чем можно было бы говорить. Но уж больно хорош апостольский отрывок, уж больно важно услышать, понять то, что говорит апостол Павел. Собственно, сегодня чтец прочитал два отрывка, два зачала – сегодняшнее и завтрашнее, потому что так по уставу положено: сегодня положено прочитать за завтрашний день, потому что завтра праздник Казанской иконы Божией Матери, и завтра будут особые чтения. Но вот, на мой взгляд, очень важно услышать, понять то, что сегодня должно читаться. Павел обращается, по сути, ко всем членам общества, ко всем, кто

может быть в Церкви: он обращается к мужчинам и женщинам, он обращается к детям, он обращается к рабам, он обращается к господам. Он призывает всех поступать по совести, поступать по Евангелию, жить по Евангелию.

Он говорит мужчинам: «Любите жен ваших, не будьте к ним суровы». Господи, как это важно, как это важно – понимать другого человека! Как важно, чтобы мужчины научились понимать женщин, научились понимать, что это не просто... это не просто человек другого пола, это другой вид, совсем другое живое существо, если можно так сказать. Нельзя о женщинах судить по себе, необходимо, очень важно научиться принимать женщину такой, какая она есть, Одним словом, не быть к ней суровым.

Как важно чтобы женщины научились любить мужей своих, мужчин. Это тоже очень важно понимать, очень важно понимать, что и они другие, что от них нельзя требовать того, чего можно было бы, ждать от своей подруги или от сестры.

Как важно, чтобы дети научились уважать родителей, с почтением, с уважением относиться... Господи, да мы все родители – как нам всем этого не хватает, как все мы страдаем оттого, что дети непочтительны, оттого, что дети порой не ценят, не уважают все то, что мы пытаемся для них сделать! Но давайте вспомним, какими мы сами были в их возрасте, как мало мы почитали и уважали родителей – и вот теперь нам платят той же монетой. Поэтому очень важно, очень важно научиться родителям, отцам не раздражать детей своих, научиться понимать и их тоже – они люди. Как ни странно нам это может показаться, но ребенок тоже человек, и он тоже имеет права, и он тоже личность, личность, предстоящая пред Богом,

Как важно всем, кто работает, работает по найму, находится в зависимости от других людей по работе, по службе, научиться работать, исполнять то, что нам положено по работе, не из человекоугодничества, а действительно по совести, работать по совести, работать так, чтоб не стыдно было за свою работу. Я вот без ложной скромности скажу: я уже закончил семинарию, служил священником, а мне еще звонили со старого места работы, из смеж-

ных организаций и приглашали на работу. Они очень хотели, чтобы я у них работал, им нравилась моя работа. Понимаете, очень важно работать так, чтобы людям хотелось, чтобы ты работал с ними, чтобы им нравилось быть рядом с тобой. Это так важно. И не за деньги, не только за деньги, или не просто из-за того, чтобы начальнику угодить, чтобы начальник не ругался, а независимо от того, какой начальник, независимо от того, какую зарплату платят, работать так, чтобы всем хорошо было, чтобы эта работа нравилась всем и, прежде всего, тебе самому, конечно.

Как важно научиться быть мудрым начальником и, руководя людьми, командуя людьми, владычествуя, хозяйствуя, помнить, что и над тобой есть Хозяин, что и тебе когда-то придется дать отчет за все, за все твои дела в этом мире.

Как этому научиться? Казалось бы, это все такие разные сферы, казалось бы, такие разные уровни. А все объединяется одним, принцип один везде: поступайте, (независимо от того, словом ли мы что-то делаем, действием ли), делайте все во имя Иисуса Христа, во имя Господа. То есть, все в нашей жизни должно как бы идти на счет Божий. Вот это выражение – «во имя»! Я не знаю,... может быть, по-русски по-другому и невозможно перевести, но в греческих текстах, в греческих подлинниках в этом месте стоит такое коммерческое, банковское выражение, термин, который описательно по-русски можно было бы перевести как «положить на чей-то счет, положить на чей-то депозит». То есть, когда Павел или евангелист Иоанн употребляют выражение – «во имя Иисуса», когда речь идет о жизни во имя Господа, во имя Бога, то речь идет о том, что все в нашей жизни должно быть для Бога. Вся наша жизнь должна быть как бы на счету Божьем, она принадлежит Богу, она не нам принадлежит, То есть, все, что мы в нашей жизни делаем словом ли, делом ли, мы должны делать не для себя. А для Бога. Вот когда мы научимся так поступать, тогда все и будет получаться так, как Павел говорит, так, как в Евангелии написано.

И только еще один очень важный момент. Мы в принципе все где-то в глубине души, наверное, этого хотим. Но нам очень часто кажется, что это как-нибудь когда-нибудь само получится, посте-

пенно само устроится. Мы с вами не раз об этом говорили: мы очень верим в прогресс, в прогресс во всем – прогресс в науке, прогресс в технике, прогресс в общественных отношениях, в экономических каких-то устройствах, прогресс в нравственности. И в духовной жизни мы верим в прогресс, в то, что все как-то само по себе идет, развивается и потихонечку, постепенно мы станем христианами. Сейчас мы живем во имя свое, а вот когда-нибудь мы будем жить во имя Христово. Родные мои, или это должно произойти *однажды*, и мгновенно, или это не произойдет никогда. Это то, что называется покаянием, это то, с чего христианство только начинается. Если это в нашей жизни еще не произошло, значит, христианство, собственно, у нас и не начиналось. И все наши надежды на то, что когда-нибудь мы, само собой, постепенно станем христианами – это пустые надежды. Просто необходимо однажды сказать: «Все, я отрекаюсь от себя». Это то, о чем Господь говорил: «Кто хочет стать Моим учеником, кто хочет стать христианином – отвергнись себя, отрекись от себя, возьми свой крест и иди за Мной». Вот для того, чтобы стать христианином, нужно просто однажды сказать: «Все, Господи, я от себя отрекаюсь. С этого момента – не с завтрашнего дня, не с понедельника, а вот с этого момента – я больше ничего в этой жизни не делаю для себя. С этого момента все в моей жизни будет *только* для Тебя, Господи. Но Ты знаешь, как я слаб, Ты знаешь, как я немощен, поэтому я умоляю Тебя, Господи: помоги мне, не дай мне оступиться, не дай мне споткнуться, не дай мне сломаться!» И с этого момента начнется наше христианство. Может быть, мы будем спотыкаться, может быть, у нас будет получаться не все из того, что мы пообещали Господу, но каждый раз, когда у нас не будет это получаться, мы будем понимать, что это наш грех, мы будем понимать, что это наша вина перед Богом. Мы будем у Него просить прощения за это, мы будем говорить Ему: «Да, Господи, я понимаю, я обещал, что я больше ничего не буду для себя делать, что буду все делать для Тебя, но я опять сделал что-то для себя, я опять оступился, прости меня за это!» Мы будем просить прощения. И мы будем пытаться вновь, будем начинать все сначала. Но это

надо делать, это надо делать сегодня, это надо делать сейчас. А не надеяться на то, что когда-нибудь само получится. Не получится. Не получится.

Давайте поймем это. Давайте сегодня, сейчас, когда мы предстоим перед Трапезой Господней, перед Престолом Божиим, когда мы стоим перед вратами Царства Божия, давайте решим для себя – христиане мы или нет, хотим мы ими быть или нет. Должен быть в жизни каждого человека такой момент. Может быть, у кого-то из нас он уже был, может быть, кто-то уже давно живет не для себя, а живет для Бога. Но и этот человек может вместе со всеми сегодня сказать: «Господи, у меня это так плохо получается, хотя я пытаюсь, я много лет уже пытаюсь, но у меня это плохо получается – помоги мне! Помоги мне, укрепи меня». А кто-то, может быть, сделает это первый раз в жизни.

Да хранит вас Господь!

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ОТНОШЕНИЯ С БОГОМ

В МИРЕ ВЕТХОГО ЗАВЕТА

Священник АНТОНИЙ ЛАКИРЕВ

В ПОИСКАХ СМЫСЛА
(Книга Экклезиаста)

Книга Экклезиаста во многом представляет собой уникальное явление в составе Священного Писания. Заметно отличаясь от всех остальных его книг как по содержанию, так и по образу мыслей автора, она венчает собой важное направление развития ветхозаветной религиозности, связанное с понятием мудрости (חכמה, khokhma). По своему жанру книга Экклезиаста может быть названа философским размышлением, и этим она радикально отличается не только от исторических и пророческих, но и от учительных книг Ветхого Завета. Одна из наиболее поздних среди ветхозаветных писаний, она и по содержанию может быть названа заключением ветхозаветной религиозной традиции или, по крайней мере, определенной ее части.

Большинство исследователей сходятся в том, что надписание книги Экклезиаста представляет собой типичный для древней литературы псевдоэпиграф: автор приписывает ее прообразу всех израильских мудрецов, мудрейшему из мудрых – царю Соломону. По предположению большинства библеистов, книга, вероятно, была написана на рубеже 4–3 вв. до Р. Х. Если принимать эту датировку (а у нас нет серьезных оснований сомневаться в ней), ближайшими по времени написания к книге Экклезиаста окажутся написанные примерно за столетие до нее книги пророков Малахии и Иоиля, а также книга Иова. Несколько позже возникли книги пророка Даниила и книги Маккавейские. В широком контексте книгу Экклезиаста следует отнести, таким образом, к середине послепленной эпохи, когда Ближний Восток, в том числе и Святая земля, испытали череду политических катаклизмов,

наиболее важными из которых были завоевания Александра Македонского. Духовная атмосфера этой эпохи характеризовалась растущим религиозным индифферентизмом; ценности единобожия постепенно забывались; все более глухо звучал призыв к избранному народу посвятить Богу всю жизнь. Пророческие писания, возвещавшие скорое избавление и приход Мессии, перестали восприниматься всерьез. Мистический опыт пророков постепенно забывался, и вера Израиля воспринималась главным образом как закон, регламентирующий устройство жизни в посюстороннем мире. Отношения людей с Богом сводились по представлениям этого времени к исправному принесению жертв и не распространялись ни на что более; Бог Авраама, Исаака и Иакова стал в глазах иудеев во многом напоминать языческих божеств окружающих народов. В эту эпоху рождается стремление к формальному исполнению закона, столь характерное для фарисеев времен земной жизни Господа Иисуса Христа, а также и для иудейства после Нового Завета.

* * *

Книга Экклезиаста посвящена рациональному исследованию осмысленности и ценности всего того, что составляет человеческую жизнь. С нехарактерной для библейской литературы систематичностью автор (будем называть его Экклезиастом) рассматривает видимый мир и жизнь человека в нем; сам Экклезиаст так формулирует свою задачу: «И предал я сердце мое тому, чтобы исследовать и испытать мудростью все, что делается под небом: это тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нем». Экклезиаст утверждает, что такое рациональное исследование – не прихоть праздного ума, но тяжкий труд, порученный человеку Самим Творцом. Так, по крайней мере, можно понять смысл этой фразы в Синодальном переводе, следующем здесь за Септуагинтой.

Общий результат своего исследования Экклезиаст выносит в самое начало книги, чтобы далее подтвердить свой вывод в рас-

смотрении конкретных примеров. Все, что предстает его взору, он называет суетой: «Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – все суета!». Смысл слова הבל, havel, переведенного в Септуагинте как ματαιότης, «тщета», а в славянской и русской Библиях как «суета», можно передать как «ничто» или «пустое», «пустая тщета». Это слово употребляется в Библии в значении дуновения ветра, «легкого пара, тающего в воздухе». Речь идет о чем-то, ускользающем без следа и не имеющем ни смысла, ни ценности. Суета или тщета, ни за чем не нужное, бесцельное движение, лишенное прочности и проходящее без последствий, – так оценивает Экклезиаст все происходящее в видимом мире. Излагая эту мысль в введении более пространно, он подчеркивает, что ничто не меняется в мире: «Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но *это* было уже в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после». Всякое природное явление, равно как и всякое дело человека, представляются ему тщетными: «Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, все – суета и томление духа!». Последние слова могут быть также переведены как «погоня за ветром», наиболее бессмысленное из всех представимых занятий. В целом характерные для Экклезиаста выражения «суета и погоня за ветром», много раз повторяющиеся в его книге, соответствуют в современном языке слову «ерунда» и подобным ему жаргонным выражениям.

Как «погоню за ветром» оценивает Экклезиаст и само свое исследование. Этот вывод приводит его сердце к печали и скорби: «И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это – томление духа; потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь» (1:17–18); вместе с автором и читатель воспринимает книгу Экклезиаста как печальный манифест древнего скептицизма. Однако здесь важно обратить внимание на предпосылки, скрывающиеся за словами Экклезиаста: прежде, чем думать о том, чего Экклезиаст не находит, необходимо понять, что он ищет. Обращаясь к своим безрезультатным поискам смысла, Экклезиаст

предполагает, что он должен быть. Именно поэтому отсутствие смысла, тщетность всего наличествующего в мире повергает его в печаль и скорбь. Он ожидает найти хотя бы что-то значимое, но видимый мир ничего подобного не предоставляет ему. Кроме того, существенно, что эта предполагаемая, искомая осмысленность самым тесным образом связана с радостью и весельем человеческого сердца, а также с переживанием прочности бытия.

Тоска, которая охватывает и самого Экклезиаста, и его читателя при виде тщетности всего в мире, знаменует собой бесконечную пустоту в человеческом сердце; она имеет духовную природу и может быть заполнена только Богом. Ничто иное не может ее заполнить, ничто не обладает смыслом и значимостью. Даже религиозный опыт и все усилия благочестивого человека ничего здесь не меняют. Даже исполнение закона и путь праведности, который Экклезиаст по обычаю своего времени и круга называет мудростью, не приносят искомой радости и прочности, ибо все плоды их поглощаются смертью.

Еще одной характерной и важной авторской предпосылкой в книге Экклезиаста является персонализм: он ищет благо и смысл для отдельного человека, чья жизнь и смерть ограничивают для него область поиска. Не человечество вообще, не народ или иной коллектив в целом – конкретный живущий сейчас человек нуждается в осмыслении своего бытия. Надо сказать, что подобная персоналистская позиция не характерна для большинства произведений ветхозаветной письменности.

Особенно яркими и глубокими выглядят эти позиции Экклезиаста на фоне религиозного индифферентизма эпохи. Экклезиаст отказывается довольствоваться временным благом (טוב, tov), его сердце стремится к большему. Он жаждет найти смысл в вечном и недостижимом для человека абсолютном счастье (יתרון, ithron). Этому высшему, предельному счастью, не находимому Экклезиастом, ничто не соответствует в том опыте ветхозаветной жизни, который подытоживает его книга. Только одно понятие в Библии можно сопоставить с тем, что он ищет, и это – евангельское μακαριότηζ, блаженство.

Строго говоря, невозможно определить, являются ли эти позиции исходными, наперед заданными для Экклезиаста, или же они сформировались как плод его духовного опыта и мудрости. В последнем случае основная мысль автора может быть кратко сформулирована следующим образом: «в человеческой жизни должен быть смысл, радость и благо; человеческая жизнь должна иметь вечное измерение; без этого жить невозможно – но нигде в мире я этого не нашел». Подтверждением этому призваны стать следующие главы книги.

* * *

В последних стихах первой главы и во второй главе Экклезиаст говорит о мудрости и жизненных удовольствиях, которые он испытал в течение своей жизни. Все это он оценивает как тщетное; сердце его радовалось от трудов, но с точки зрения Экклезиаста плод этих удовольствий ничтожен: «И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая *их:* и вот, все – суета и томление духа, и нет *от них* пользы под солнцем!» (2:11).

Ниже он скажет о том, что смерть – великий уравнитель – стирает разницу между нищетой и богатством, удовольствиями и страданием, потому что ничего из этого человек не возьмет с собой в могилу. Быть может, следующее поколение, наследующее человеку, придаст смысл его трудам? Нет, говорит Экклезиаст: глупый наследник лишь расточит то, над чем трудился человек во все дни жизни своей. Будущее неподвластно смертному человеку, поэтому труды его – тоже погоня за ветром. Довольствоваться необходимым и получать насущное – вот, что могло бы стать утешением человеку; но это – в руке Божьей, и не зависит напрямую от человеческих трудов.

Эти размышления Экклезиаста перекликаются с притчей Господа Иисуса Христа о безумном богаче (Лк 12:13–21). В ней Господь говорит: «Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?»

Евангелист Лука непосредственно после этой притчи приводит слова Христа о полевых лилиях: «говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них». Упоминание Соломона предполагает не только содержательную, но, возможно, и генетическую связь притчи Христа с размышлениями Экклезиаста. И здесь же Господь дает Свой ответ на разочарование, постигшее Экклезиаста на пути мудрости, богатства и удовольствий: «наипаче ищите Царствия Божия, и это все приложится вам». Однако это ответ Самого Христа; для Экклезиаста он остается недоступным. Можно сказать, что слова его проводят грань между человеческим опытом Ветхого Завета и новозаветным Откровением.

* * *

Знаменитые стихи, помещенные в начале третьей главы, скорее могли бы принадлежать эллину, чем человеку библейской культуры. С непередаваемой скорбью Экклезиаст говорит о том, что все в мире подчинено законам круговращения, и все возвращается на круги своя. Дела и поступки человека объясняются, по его словам, не столько свободной волей, сколько сложением обстоятельств, послушных мировым законам. Человек подобен марионетке: приходит время плакать, и он плачет, приходит время смеяться – он смеется… Но, насколько можно судить по дальнейшим словам Экклезиаста, сам он не вполне разделяет это мрачное мировоззрение, скорее оно является для него объектом исследования. Сразу после этих красивых и печальных сентенций он говорит о тайне вечности. Таким образом, за мировым круговращением Экклезиаст прозревает, насколько чужеродным выглядит человек в бесконечно повторяющемся мире предопределенностей.

Тщетность земного благополучия приводит Экклезиаста к мысли о Том, Кто дарует его человеку. Все происходящее в руке Его, и всему Он определил свое время; ничто не выйдет за пределы Божественного замысла. Экклезиаст исповедует благость дел Божьих и говорит о вечности (העולם, ha-olam), которую Бог вложил в

сердце человека (3:11). Синодальный перевод следует здесь Вульгате, предлагающей чтение «et mundum tradidit disputationi eorum»; Септуагинта передает olam как a„in, вечность. Этой версии следует славянский перевод («всякий век дал есть в сердце их») и современные переводы. Оба варианта перевода и толкования этих слов важны для понимания представления Экклезиаста о человеке. С одной стороны, человек – это микрокосм, в сердце которого пребывает весь мир; с другой стороны, в сердце человека пребывает таинственный дар вечности, превосходящей все пределы земного бытия. Таким образом, отдельный человек не только является средоточием твари, но и причастен вечности, в которой живет Непостижимый.

Именно эта принадлежность вечности делает бессмысленность и тщетность земной жизни столь нестерпимой. Вся полнота мироздания – и даже вечность – вложены Богом в сердце человека – и тем не менее Экклезиаст не может назвать «иного счастья, кроме как веселиться и наслаждаться, пока они живы» (3:12, цит. по переводу А. Э. Графова). Однако смысл этого несоответствия остается тайной для Экклезиаста, на что он и указывает в 3:12–15, исповедуя благость дел Божьих независимо от способности человека постичь их.

Видимая же участь человека роднит его с животными: как и они, человек умирает и обращается в прах, и «не имеет преимущества перед скотом; потому что все – суета!» (3:19). Различие между животными и человеком Экклезиаст видит в принадлежности духа людей горнему миру, но он подчеркивает, что это – лишь мнение. Кто знает, в самом ли деле дух человека возносится вверх и нисходит ли дух животного вниз, в землю – спрашивает автор (3:21). Это неожиданное и знаменательное рассуждение едва ли не уникально в Библии, и потому нельзя не принять во внимание его значимость для библейского представления о человеке. Впрочем, для самого автора здесь важно, что только дар вечности, сколь бы гипотетичным он порой ни казался, делает человека человеком.

* * *

В конце третьей главы Экклезиаст говорит о смерти как об участи, общей для человека и скота. Смерть – слишком важная вещь, чтобы не подвергнуть ее внимательному рассмотрению. И Экклезиаст делает это, исходя из свойственных библейскому миру представлений о посмертной участи человека.

О том, что «происходит» после смерти человека, библейские авторы говорят скупо и разноречиво. Представление о посмертной участи человека развивалось в ходе истории, и откровение Бога в этом развитии интерферировало с собственными представлениями людей. Не менее важно, что самое существенное в этом откровении оставалось вне осмысления. В народе Божьем бытовало свойственное многим соседним с ним народам представление о загробном мире как о мрачном и безжизненном месте, где ничего не происходит. Этот «склад» человеческих душ библейские авторы называют «Шеол», а русская Библия вслед за греческим переводом использует греческий по своему происхождению термин «ад». О Шеоле известно лишь, что в нем нет жизни и что из него нет возврата. Однако библейские авторы твердо верили, что Бог (и только Он один) может вывести человека из Шеола. Начиная с 8-го века до Р. Х. библейские авторы пытаются выразить откровение о том, что Бог может спасти из Шеола всего человека – и его душу, и его тело. В первой половине 6-го века до Р. Х. пророк Иезекииль говорит о воскресении мертвых как об участи, уготованной тем, кто верит Богу и стремится к Нему.

Однако Экклезиаст (и это совершенно поразительно) как будто не знает пророчества Иезекииля. Скорее всего, как и большинство израильтян послепленной эпохи, он воспринимает его как красивый образ, описывающий восстановление Иерусалима и Храма после разрушения – и ничего более. Возможно, мысль о воскресении мертвых просто не вмещается в сознание людей до Христа. Так или иначе, для Экклезиаста не существует категорий посмертного бытия и воздаяния – во всяком случае, он ими не пользуется. Эллинистическое представление о рае и аде ему также чуждо.

Размышляя о смерти, он обращает внимание на совсем иные вещи. В жизни он видит признаки умирания – страдание, одиночество и непрочность. Смерть и погружение в Шеол делают их совершенно бессмысленными и нестерпимыми. Как всепроникающий яд, они настолько отравляют жизнь, что участь нерожденного, не видевшего зла, кажется Экклезиасту лучше участи умершего и тем более живого.

Но важнее всего, быть может, слово «утешитель», которое Экклезиаст дважды использует в начале главы. Думая о бессмысленности страданий перед лицом смерти и Шеола, он ищет не воздаяния в загробной жизни. Напротив, его сердце говорит ему о нужде человека в Том, Кто утешит его. И поэтому из того, что говорит Экклезиаст об утешителе, логически вытекает то, что далее, в 4:8–13, он говорит об одиночестве человека. На земле «человек один, и нет рядом с ним другого» (4:8, цит. по переводу А. Э. Графова). Обособленность человека, отсутствие рядом с ним не только утешителя, но и вообще «другого», вкупе со смертностью каждого из нас вновь приводят Экклезиаста к выводу о бессмысленности трудов человека под солнцем. Весьма важно, что в конце главы Экклезиаст говорит о целом народе как о людях, рядом с которыми возрастают другие, которые займут место умерших. И это тоже видится ему погоней за ветром. Напомним, что автор – израильтянин; но как непохожа его позиция на все, что его предшественники думали о спасении и восстановлении Израиля. В отличие от них Экклезиаст – персоналист, и народ для него лишь собрание лиц, каждый со своей судьбой.

* * *

Чем же в этой безрадостной перспективе являются те отношения с Всемогущим, которые предлагает человеку религия, и есть ли смысл в ней самой? Экклезиаст говорит о Храме с опаской: «ступай осторожно, направляясь в Божий дом» (4:16, цит. по переводу А. Э. Графова). «Будь готов более к слушанию, нежели к жертвоприношению», наставляет он читателя вразрез с расхожими

представлениями своей эпохи. Слушание Бога, очевидно, видится автору как путь к подлинной мудрости и, следовательно, к настоящей жизни. Речь, конечно, идет не только и не столько о самых звуках наставлений Закона. Подобно пророку Самуилу, сказавшему царю Саулу, что «послушание лучше жертвы и повиновение – тука овнов» (1 Цар 15:22), Экклезиаст видит смысл веры и поклонения Богу в том, чтобы помнить о Нем и слушаться гласа Его. Позже редактор книги повторит эту мысль в заключительных стихах последней главы. Но здесь, в контексте книги, больше всего поражает то, что мысли Экклезиаста о богопознании и поклонении Богу этим и ограничиваются. Слушание Бога, которое могло бы полностью преобразить всю суетность земной жизни, понимается им лишь как послушание закону, исполнение заповедей. Согласно духовному опыту Экклезиаста, само по себе оно еще не дает полноты Богообщения – поэтому, в частности, Экклезиаст может быть назван последней предновозаветной книгой.

Вновь приводя целый ряд сентенций о бессмысленности и несправедливости земного устроения, Экклезиаст призывает читателя «есть и пить и наслаждаться добром во всех трудах своих, какими кто трудится под солнцем во все дни жизни своей, которые дал ему Бог; потому что это его доля» (5:17). К чему размышлять о смысле жизни, к чему взирать на число дней своих, если Бог посылает радость? Однако в контексте книги в целом эти слова автора звучат не только как утверждение, но и как вопрос: а так ли это на самом деле?

* * *

В 6–8 главах Экклезиаст развивает мысль о мудрой умеренности, намеченную в конце 5-й главы. Исключительное значение в этом контексте имеет шестая глава, в которой Экклезиаст говорит о том, что богатство и слава даются человеку Богом; но и обладание ими он тоже расценивает как суету и погоню за ветром. Смерть полагает предел пользованию богатством, а посмертная участь неподвластна человеку. На этом основании Экклезиаст

строит глубокое различение между земными потребностями человека и тем, что нужно его душе. Богатство приносит лишь обилие пищи: «Все труды человека – для рта его, а душа его не насыщается». Ни благополучие, ни долгая жизнь, к которой стремятся люди, ни даже многочисленное потомство и слава не обязательно насытят душу. Как бы тесно ни были связаны земные блага со счастьем и насыщением души, все же не они являются ее пищей. Экклезиаст сетует на склонность души стремиться к недостижимому: «лучше то, что видят глаза, чем то, к чему влечется душа. Это – пустое…» (6:9, цит. по переводу А. Э. Графова). Мудрый не будет искать таинственной и недостижимой пищи духа, он предпочтет довольствоваться тем благом, которое есть, ибо и оно исходит от Бога. На протяжении нескольких глав Экклезиаст будет пропагандировать эту позицию, используя множество примеров.

Однако вопрос о том, что же может быть пищей для человеческой души, так и останется без ответа: Экклезиаст ничего не говорит о том, что же может «насытить душу», стать для нее источником радости и жизни – ни в чем из того, что он подвергает исследованию, он этого не находит. Однако он подчеркнуто оставляет за рамками своего исследования опыт непосредственного общения человека с Богом, Избавителем Израиля, когда Сам Всемогущий властно вмешивается в человеческую жизнь. Для мудреца и исследователя, живущего в послепленную эпоху, когда Бог посылал к своему народу множество пророков (последние из них, возможно, были современниками автора), такое умолчание может быть только преднамеренным.

Только Сам Всемогущий, Чье бытие окутано тайной и непостижимо для сынов человеческих, остается за рамками исследования Экклезиаста. Это, в сущности, естественно, так как Господь (во всяком случае – для Экклезиаста) пребывает за гранью человеческого мира. Но коль скоро ничто в человеческом мире не может «насытить душу», а душа тем не менее требует насыщения, следовательно, ответ на поиски Экклезиаста может быть только у Бога. Сам автор, похоже, скептически относится к такой возможности:

слишком много он говорит о том, что следует ограничиваться тем, что достижимо. Однако скрыться от вопроса о таинственной пище души уже невозможно.

И Господь дает этот ответ, говоря: «истинно, истинно говорю вам: не Моисей дал вам хлеб с неба, а Отец Мой дает вам истинный хлеб с небес. Ибо хлеб Божий есть тот, который сходит с небес и дает жизнь миру» и «Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда» (Ин 6:32-33, 35).

* * *

Начиная с 7-й главы Экклезиаст говорит о том, что он видит как прообразы, бледные подобия того высшего блага, которое, как он обнаружил, недостижимо для человека. Все, о чем идет речь во второй половине книги, обозначается как טוב, tov: мудрость и умеренность, благочестие и справедливость. В этом нет подлинного счастья (יתרון, ithron), но все же, по мнению Экклезиаста, человек находит в нем нечто подобное ему. В относительном и кратковременном житейском благе чувствуется прообраз евангельского блаженства, и это придает призрачному и несовершенному временному благу хотя бы какую-то ценность.

Седьмая глава содержит ряд афористичных сентенций, не слишком связанных между собой. Основная отличительная черта всех составляющих седьмую главу мыслей – относительность хорошего. В предыдущих главах Экклезиаст делает вывод о суетности всего в мире и о том, что ничто земное не может насытить душу человека. Но, тем не менее, в этом земном и суетном он тщательно различает хорошее и плохое, пусть даже это можно назвать только «более хорошим» и «более плохим». «Доброе имя лучше дорогой масти» – первая строка главы дает яркий пример этого.

Но кроме этого, седьмая глава содержит несколько высказываний, открывающих читателю то, что Экклезиаст знает и думает о Боге. Наиболее загадочное из них – 7:14: «Во дни благополучия пользуйся благом, а во дни несчастья размышляй: то и другое со-

делал Бог для того, чтобы человек ничего не мог сказать против Него (וירהא)», как передает его Синодальный перевод. Другие варианты перевода последних слов фразы таковы: «то и другое сотворил Бог, чтобы не мог человек постичь Его дела», «чтобы человек ничего не мог сказать после себя». Славянский перевод, слепо копируя Септуагинту, говорит здесь «сие сотвори Бог, о глаголании, да не обрящет человек за Ним ничтоже»; сама же Септуагинта в словах «περὶ λαλζιᾶς, ἵνα μὴ εὕρη ὁ ἄνθρωπος ὀπίσω αὐτοῦ μηδέν» имеет в виду «так все сотворил Бог, чтобы ничего сказать не смог человек после Него». Вульгата предлагает здесь чтение «sic et illam fecit Deus ut non inveniat homo contra eum iustas querimonias»: «то и другое сотворил Бог так, чтобы не нашел человек против Него справедливого сетования». Европейские переводы предпочитают вариант «чтобы человек не знал о том, что будет после». Таким образом, возможны два варианта понимания этих слов: а) Бог сотворил благо и несчастье, чтобы человек не мог знать своего будущего и б) Бог сотворил благо и несчастье, чтобы человек не мог роптать. Так или иначе, Экклезиаст говорит о смирении человека перед волей Творца, посылающего ему благо и несчастье. Эта точка зрения характерна для «мудрых Израиля», да и для всего Ветхого Завета в целом. Лишь пророки смотрят на это несколько иначе, полагая, что несчастье – плод собственных помыслов человека в мире, устроенном по благому Закону Творца (ср. Иер 6:19). Важно, что именно эта пессимистическая позиция формирует среду, в которой прозвучит важнейшее откровение Христа: «Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство» (Лк 12:32).

Далее, в 20-м стихе Экклезиаст в контексте своего исследования напоминает читателю важную мысль о том, что «нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы». Для автора она обосновывает призыв, с одной стороны, не зависеть от человеческих мнений и суждений, и, с другой стороны, воздерживаться от осуждения, которое будет запрещено Христом Спасителем. Но и само по себе это утверждение весьма важно; забвение его ведет человека к фарисейскому самодовольству.

В конце 7-й главы Экклезиаст, как и многие другие библейские авторы, говорит о том, что Бог сотворил человека праведным (букв. правым, прямым). Таким образом, ответственность за грех лежит на самом человеке: он сам разрушает изначальную праведность (прямоту). Обращает на себя внимание сходство этой фразы с последней фразой первой, стихотворной части главы: «кто может выпрямить то, что Он сделал кривым?» (7:13). Этим контрастом Экклезиаст еще раз подчеркивает, что Бог не сотворял греха, но сам человек повинен в нем. Смысл последней фразы, которую Синодальный перевод, как и славянский текст, копирует из Септуагинты, можно передать так: «человек ищет слишком многих выдумок», то есть, говоря привычными словами Экклезиаста, гоняется за ветром. В самом деле, как еще можно объяснить, что такое грех?

* * *

В 8-й главе Экклезиаст обращается к социальной стороне жизни и приводит несколько весьма существенных выводов. Первый из них, об отношении к власти, крайне важен. Экклезиаст говорит о том, что приказания царя следует исполнять не ради царя и его власти, а ради верности Богу, подобно тому, как Пс 14:4 говорит: «кто может обитать на святой горе Твоей… кто клянется, хотя бы злому, и не изменяет». Царь в глазах Экклезиаста лишен всякого героического ореола, он силен и безответственен, но власть его не касается духа. Но главный вывод содержится в 9-м стихе, который разные переводы передают по-разному. Синодальный перевод, вслед за Вульгатой и европейскими переводами, выражается мягко: «бывает время, когда человек властвует над человеком во вред ему». Славянский перевод высказывается куда более определенно: «вся, во еликих обладан есть человек над человеком – еже озлобити ему». Это точный перевод Септуагинты, в которой эта фраза звучит «τὰ ὅσα ἐξουσιάσατο ὁ ἄνθρωπος ἐν ἀνθρωπῳ τοῦ κακῶσαι αὐτόν», «насколько властвует человек над человеком – вредит ему». Для Экклезиаста вполне жива и значима идея

теократии, но он не признает власть человека над человеком прообразом этой теократии или приближением к ней. В этом с Экклезиастом расходятся многие теоретики и практики религиозно-государственных отношений новозаветной эпохи. Не совпадает с этой точкой зрения и функциональный подход к государственной власти, характерный для апостольских посланий. Последние, не считая власть иконой теократии, все же находят ее полезной для поддержания порядка в обществе. Но Экклезиаст говорит об ответственности человека перед Богом, и власть людей кажется ему в этом случае только вредной.

В следующих стихах мы находим удивительное проявление веры Экклезиаста, такой, казалось бы, скрытой. Как и многие библейские авторы, Экклезиаст размышляет над судьбой праведника и нечестивого. Он констатирует, что «нескоро совершается суд над худыми делами; от этого и не страшится сердце сынов человеческих делать зло». В отличие от пророка Аввакума, который страстно нуждался в объяснении этого факта, Экклезиаст принимает его как нечто печальное, но естественное. Но, как и Аввакум, услышавший на свое вопрошание слова «праведный верой жив будет» (Авв 2:4), Экклезиаст опирается на веру. «Хотя грешник сто раз делает зло… но я знаю, что благо будет боящимся Бога» (8:12). Здесь библейская вера противоречит жизни, и Экклезиаст, скептик и пессимист, все же проявляет свою укорененность в пророческой традиции и в вере отцов. За его словами «я знаю» скрывается глубокое благоговение перед тайной Бога и вера в благость Его замыслов.

Заканчивается восьмая глава словами о делах Божьих, которые человек «не может постигнуть… сколько бы ни трудился в исследовании». Мысль Экклезиаста останавливается перед гранью, проникнуть за которую она не в силах. Познание Бога, центральное в библейском богословии, невозможно рациональным путем. То, что Экклезиаст ясно понимает это и обходит этот вопрос благоговейным молчанием, делает его мироощущение предельно точным и целомудренным. Для него очевидно, что ответ на вопрос о том, что может «насытить душу», кроется в области откровения;

но Бог открывает человеку не ответы на вопросы, а Самого Себя, и только по Своей инициативе.

Кроме того, утверждение о непостижимости самого глубокого и важного в мире – тайны Творца, делает книгу Экклезиаста «книгой ожидания», подобной книгам великих пророков. Наряду с ними, всем сердцем ждущими явления славы Всемогущего, Экклезиаст – тоже «чающий утешения Израилева». Можно сказать, что по Рождестве Сына Божьего праведный Симеон говорит «Ныне отпущаеши раба Твоего» и от имени Экклезиаста и родственных ему ветхозаветных мыслителей и праведников.

* * *

В заключительном разделе книги, включающем последние четыре главы, Экклезиаст обращается к размышлению о том, что может быть позитивного в жизни человека до и вне того, как Бог Сам явит Себя миру. Как мы уже говорили, Экклезиаст полагает, что при всей недостижимости высшего блаженства для человека в жизни могут быть найдены некоторые его отблески. Мысль его парадоксальна; он начинает свои рассуждения с того, что всему и всем – одна участь, смерть. Существенно важно, что Экклезиаст подвергает этот очевидный, в сущности, факт нравственной оценке. «Это-то и худо, – говорит он, – что одна участь всем». Мир, который окружает Экклезиаста, находится еще в полной власти смерти – но мудрец отказывается признать этот порядок вещей правильным. Он не видит решения этой проблемы, он не в силах привести аргументы, почему, несмотря на торжество, все уравнивающей смерти следует избирать мудрость и добро. Но он сердцем знает, что это так – и пытается донести это до читателя.

В начале 9-й главы, говоря о смерти, Экклезиаст подробно и точно формулирует ветхозаветное представление о смерти как антиподе жизни. Он говорит о Шеоле, в котором пребывают мертвые, как о месте, где нет ничего из того, что есть в жизни. «Мертвые ничего не знают… любовь их и ненависть их… уже исчезли, и нет им более части ни в чем, что делается под солнцем»; «в могиле, куда

ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости». Более того, Экклезиаст утверждает, что мертвым нет и воздаяния, «ибо память о них предана забвению». Суд Божий, о котором не раз говорит Экклезиаст, не распространяется им на загробную жизнь. Таково представление о посмертной участи людей всего Ветхого Завета; оно разительно отличается от представлений, сложившихся в раннехристианской среде. Лишь отчасти можно объяснить это различие тем, что греческий перевод называет Шеол термином ᾅδης (аид, ад), привнося тем самым в религиозную культуру эллинские представления об аде. Главным же образом дело в том, что Ветхий Завет (как, впрочем, и Новый) весь направлен к жизни, а не к смерти. Идея посмертного воздаяния чужда Библии потому, что для нее, в отличие от язычества, смерть и посмертие – неестественное, ненормальное явление. «Бог не сотворил смерти» (Прем 1:13) и «Бог сотворил человека правым» (7:29), поэтому смерти не должно быть – а значит, нет в замысле Творца и места для посмертного воздаяния. Таким образом, идея о том, что нечестивые и злые будут мучиться в аду, а праведники – вкушать нектар и амброзию, чужда Ветхому Завету. Другое, совсем другое дает в нем надежду на справедливость: непостижимое ожидание прихода Бога в мир и выведения людей из Шеола. В этом будет явлена правда Божья: те, кто помнил о Боге в жизни, не будут забыты Им в смерти. Поэтому Экклезиаст говорит о мертвых, что и память о них предана забвению. Этим он объясняет то, что «нескоро совершается суд над худыми делами». И это – почва, в которую будут посеяны слова Христа: «…И изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло – в воскресение осуждения» (Ин 5:29).

Из представлений Экклезиаста о смерти вытекает и его призыв радоваться тому хорошему, что есть в жизни. Эти радости, которые находит Экклезиаст, довольно просты и непритязательны, и тем глубже сокрытая в них тайна истины. Первое, что предлагает он вниманию читателя, – радость о дарах Божьих, единство мужчины и женщины и созидание. Далее, в конце 9-й и в 10-й главах, Экклезиаст говорит о мудрости, которая для него – путь жизни перед лицом неизбежной смерти.

* * *

Вся 10-я глава посвящена рассуждениям о том, что такое мудрость и насколько она лучше глупости. Основная мысль Экклезиаста выражена в первом стихе главы: «Мертвые мухи портят… масть мироварника». Мудрость, как и сама жизнь, оказывается в глазах Экклезиаста очень хрупкой вещью. Об этом он говорит в последнем стихе 9-й главы: «Мудрость лучше воинских орудий, но один погрешивший погубит много доброго». В 10-й главе Экклезиаст уподобляет мудрость добру и жизни, а глупость – злу и смерти. Испортить мудрость небольшой порцией глупости легко, а преодолеть последствия глупости очень трудно. Точно так же жизнь легко погубить небольшой порцией зла, а преодолеть смерть невозможно.

Среди советов Экклезиаста выделяются его слова о кротости, которая также рассматривается им как проявление мудрости. «Кротость покрывает и большие проступки», несколько неуклюже выражается здесь Синодальный перевод. Современный перевод предлагает толкование «кто владеет собой, тому многое простят» (10:4, цит. по переводу А. Э. Графова). Древние же переводы, Септуагинта и следующие ей здесь Вульгата и славянский перевод, говорят: «яко изцеление (ἴαμα, curatio) утолит грехи велики». Речь идет о кротости, которая является свойством духовного здоровья, и поэтому в устах Экклезиаста это понятие синонимично мудрости и жизни. Таким образом, мы видим здесь ветхозаветное предвидение слов Христа «блаженны кроткие…».

* * *

Рассуждения о мудрости как о пути жизни заканчиваются отнесенным к 11-й главе призывом к щедрости. Необходимость быть щедрым обосновывается, по мысли Экклезиаста, тем, что человек не знает воли Божьей о дарованном ему благе, и эта мысль очень созвучна тому, что говорит в Евангелии Спаситель: «даром получили, даром давайте». Экклезиаст советует «давать часть» многим

людям, потому что человек не знает, что ждет его впереди. Хлеб, отданный другим, возвратится к щедрому человеку, подобно тому как возвращается испарившаяся влага из облаков. В земном и ограниченном масштабе эта мысль является, тем не менее, предвестием грядущих слов Христа «кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее» (Мф 16:25).

Далее Экклезиаст говорит еще одну важную и удивительную вещь. Щедрость, достойная мудрого человека, не должна сдерживаться чрезмерной осмотрительностью («кто наблюдает ветер, тому не сеять»), потому что через добрые дела человека совершается дело Божие на земле. Экклезиаст описывает это как чудо и тайну, говоря, что «как ты не знаешь… как образуются кости во чреве беременной, так не можешь знать дело Бога». В тайне, скрытно от человеческого взгляда, дело Бога все же совершается на земле – довольно неожиданная мысль в устах Экклезиаста, который не нашел в жизни ничего, кроме суеты и погони за ветром. Слова о том, что Бог присутствует и действует в человеческом милосердии – важное прозрение, готовящее читателя к Благой Вести Христа.

* * *

Заканчивается книга Экклезиаста призывом помнить Создателя, в руки Которого отходит дух человека. Не найдя ни в чем на земле ни смысла, ни вечности, Экклезиаст указывает на Самого Бога как на ответ на потребность человека в том и другом. Важно, что спасение от бессмысленности бытия находится для Экклезиаста вне рамок земного существования; нет его и в посмертном разделении души и тела. Однако слова о том, что дух человеческий возвращается к давшему его Богу, выражают глубокую надежду. В Шеоле, составляющем посмертную участь человека, нет ни жизни, ни Бога. Но Экклезиаст знает (и сообщает об этом читателю), что низведение в Шеол не исчерпывает замысла Божьего о человеке.

Заключают книгу несколько строк, добавленных переписчиком или редактором, в которых повторяется последний вывод Экклезиаста, что единственно возможный для человека смысл жизни – в том, чтобы ходить пред Богом. Этот вывод совпадает с заветом, который Бог заключил с Авраамом; совпадает он и с тем, как видят путь жизни пророки: «О, человек! сказано тебе, что – добро и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудренно ходить пред Богом твоим».

Нельзя не обратить внимание на то, что в сопоставлении с основной частью книги Экклезиаста заключительные строки выглядят несколько чужеродно. Дело даже не в том, что слова о мудрости Экклезиаста явно добавлены переписчиком или редактором; самая мысль, высказанная в этих стихах, не вытекает из текста книги. Призыв бояться Бога как будто вставлен для того, чтобы сгладить впечатление от пугающе безысходного текста. Между тем в общебиблейском контексте принципиально важно, что разочарование Экклезиаста не обходит стороной и современной ему религиозности. Призывая в заключении (12:1слл) жить, помня Создателя своего, Экклезиаст говорит о том, что даже памятование о Боге не отменяет смерти, которая разделяет плоть и дух. И этот пассаж, говорящий, казалось бы, о самом главном, тоже заканчивается общим рефреном о том, что все – суета. Этот факт делает книгу Экклезиаста итоговой в первую очередь для духовной и религиозной истории ветхозаветного человечества. Вся глубина ветхозаветной религии оказывается в глазах Экклезиаста почти столь же безжизненной, сколь и мирское бытие человека.

Созданная в эпоху, во многом напоминающую современный мир, книга Экклезиаста в первую очередь является призывом к серьезному отношению к жизни. Экклезиаст ищет смысл жизни в значительной степени потому, что его современники отказались от этих поисков, довольствуясь сиюминутным благом. Кроме того, Экклезиаст наглядно демонстрирует тщетность такой ограниченности: нет в мире ничего, что могло бы насытить душу человека, и дар вечности дан нам Богом для того, чтобы жить именно этим даром.

Перед лицом тщетности всего сущего и неизбежности смерти только Сам Бог может наполнить человеческую жизнь смыслом и благом. Поэтому ответом на все вопросы и на всю печаль Экклезиаста могут быть только Заповеди Блаженства. В них Господь Иисус Христос говорит о том, в чем даруется для человека то высшее благо, которое Экклезиаст находит недостижимым. И, точно так же, ответом на скорбь Экклезиаста о всевластии смерти является только Воскресение Христово.

Мироощущение Экклезиаста, свойственно, вероятно, далеко не только одному автору этой книги. Скорее можно думать, что оно отражает мысли и чувства нескольких поколений мудрецов Израиля. Эта среда всего несколькими столетиями позже становится одним из главных адресатов Благой Вести. Обращенная ко всему человечеству, проповедь Спасителя звучит, тем не менее, в определенном религиозном и культурном контексте. Важное место в нем принадлежит именно духовным наследникам Экклезиаста. Нельзя не отметить в этой связи, что книга Экклезиаста занимала наряду с другими произведениями мудрых Израиля важное место в ежегодном круге синагогальных чтений. Доведенный до логического предела скептицизм Экклезиаста напрямую приводит к идеологии саддукейства. Напротив, люди, глубоко воспринявшие размышления Экклезиаста о том, что ничто в земной жизни не может насытить человека, могут с полным правом быть названы «чающими Утешения Израилева». Человек, переживающий реальность бытия в соответствии с мыслями Экклезиаста так или иначе может быть назван «побелевшей нивой», потому что сердце его готово для того, чтобы услышать ответ Спасителя на свои мучительные вопросы.

КНИГА ПРОРОКА ИОИЛЯ

Иоил 1:1-12

Один из последних пророков-писателей, Иоиль жил, вероятнее всего, на рубеже 5–4 вв. до Р. Х. Нам практически ничего о нем не известно; можно предположить, что Иоиль был храмовым пророком, все служение которого было подчинено возвещению слова Божьего. В книге пророка содержится указание на нашествие саранчи, которое, собственно, и послужило поводом для выступления пророка, однако точная датировка этого события невозможна. Тем не менее, некоторые детали его пророчества позволяют отнести его к эпохе после возвращения иудеев из вавилонского плена, эпохе Второго Храма.

В первой части первой главы пророк со страхом и скорбью говорит о бедствии, постигшем страну. Насекомые уничтожили все живое на земле Израиля, и она сделалась пустыней. Плач о бедствии – распространенный жанр библейской и вообще древневосточной поэзии, и в соответствии с законами жанра пророк повествует о том, насколько всеохватывающей оказалась эта напасть. Всего – хлеба и винограда, масла и всякой иной пищи лишилась земля и живущие на ней. Плачьте, рыдайте, жители земли: вот основной призыв пророка в этой части книги. Каждого, кто слышит или читает его слова, пророк зовет почувствовать призрак голода и гибели, нависший над его страной.

Как непрочно оказалось благополучие народа, с какой удивительной легкостью и быстротой повсюду проникает пагуба! Осознание этого важно для пророка, потому что далее он будет говорить об истинных основаниях жизни. Скорбь о страданиях и потерях для него неразрывно связана с размышлением о том, почему постигло людей это бедствие. Описание этого страдания важно и в общебиблейском контексте: одно из центральных откровений в Ветхом Завете – откровение о том, что Бог слышит вопль народа Своего. Так и описанная Иоилем трагедия становится местом спасительного вмешательства Бога в судьбы людей.

Иоил 1:10-20

Бедствие, о котором плачет пророк Иоиль в начале первой главы своей книги, – не просто историческое событие или экологическая катастрофа. Для него, как для верующего человека, все происходит перед лицом Божьим и осознается только в контексте отношений людей с Богом. Поэтому нашествие саранчи и его пагубные последствия становятся для пророка основанием для обращения к Богу с покаянной молитвой. Беззащитность людей перед лицом природных сил осознается как результат отделенности людей от Бога, как результат неверности Ему. В равной степени это может быть отнесено ко всякому людскому страданию.

В призыве Иоиля к посту и молитве есть специфический аспект, характерный именно для него. Он придает исключительное значение поддержанию храмовых жертвоприношений; этот факт – одно из оснований причислять Иоиля к служителям Храма и считать его храмовым пророком. Для него вся жизнь сосредоточена в Храме, – духовном центре мира. Не бывшие служителями Храма пророки не делают такого акцента на богослужении, даже священник Иезекииль не ставит его на первый план. Но для Иоиля служение, которое совершается в Храме, является главным выражением верности людей Богу. Именно поэтому так страшно для пророка прекращение жертвоприношений, причиной которого стало опустошение земли.

Эпоха, в которую выпало жить пророку Иоилю, характеризовалась почти полным равнодушием людей к вере. Лишь храмовый обряд еще как-то сохранялся, но и он для большинства перестал быть общением с Богом Живым. Господство религиозного индифферентизма и тотальное забвение заповедей Господних пророк полагает основной причиной, повлекшей страшное бедствие. И это бедствие таково, что из-за него прекращается и последнее, что связывало народ с Богом, – храмовые жертвы, так что уже вся жизнь людей оказывается оторванной от своего источника. Как скажет четырьмя веками позже Господь Иисус Христос: «А кто не имеет, у того отнимется и то, что он думает иметь» (Лк 8:18).

Но и само это грандиозное опустошение для пророка – предзнаменование грядущего Дня Господня. Умножение греха во дни пророка Иоиля приводит к неизбежному результату – прекращению поклонения Богу в Храме. Точно так же все, что кажется людям если не допустимым, то, во всяком случае, более или менее терпимым, обретет законченный вид в этот страшный День Посещения. В тот День станут явными все последствия нравственного выбора людей, включая те, что мы не осознаем или не хотим осознавать. Именно это делает разорение Израиля предвестием грядущего Суда Божьего.

Иоил 2:1-17

День Господень, приближение которого пророк Иоиль прозревает в постигшем Израиль бедствии, с глубокой древности был основной темой пророческой проповеди. В словах Иоиля, как его предшественников, о Дне Господнем одновременно звучат две сущностно важные темы: ужас и надежда. Оба эти переживания равно связаны для пророков с грядущим пришествием Бога в мир, и оба неотделимы друг от друга.

«Да трепещут жители земли!» – восклицает Иоиль, и говорит, что День тот – день тьмы и мрака, страшный для всего живого. Соприкосновение Бога с этим миром в глазах пророка подобно пожирающему огню, от которого никому нет спасения. Иоиль видит некую глобальную катастрофу, в которой потрясается земля, меркнут небесные светила и рушится весь привычный нам видимый мир. «Кто выдержит этот день?» – в трепете восклицает пророк.

Этот ужас коренится в глубоком осознании пророком греховности мира, его несоответствия замыслам Всемогущего. Очень ярко выражает его пророк Исайя, описывая дарованное ему в Храме видение Бога: «Горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами, – и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа» (Ис 6:5). Лишь неповрежден-

ная, свободная от противления Богу тварь может устоять пред лицом Его, ибо все безжизненное исчезает, не в силах встретить явление Божественной Жизни. Осознание недостоинства людей и ужас перед неотвратимым приходом Бога для пророков оказываются неразрывно связанными друг с другом.

Конечно, можно считать слова пророка преувеличенными, относящимися к Последнему Дню бытия мира, когда будет сотворено «новое небо и новая земля» (Откр 21:1). Можно думать, что описанием страшного разрушения пророк отдает дань человеческим эмоциям. Однако, скорее всего, это не так. Когда мы думаем о пришествии Бога, мы в первую очередь имеем в виду Рождество и ангелов, славящих Бога и возвещающих мир людям доброй воли. И поэтому отчаяние Иоиля кажется нам странным. Но пророк предощущает совсем другое. Весь накал пророчества Иоиля оказывается абсолютно адекватным в момент Крестной Жертвы, когда Сам Господь умирает за нас. Слово Иоиля о помрачении светил и землетрясении в точности исполнилось в День Креста, и лишь в силу духовного отупения мы не способны разделить его чувства. Для мира нет ничего страшнее этой жертвы, когда «висит на Древе Повесивший землю над водами», и именно это пытается передать нам пророк. Все сотворенное, природа и люди, теряют смысл и становятся призраками, когда люди не принимают Бога и убивают Его. Вот в чем заключается предувиденная Иоилем катастрофа.

Но, как и другим пророкам, Господь открывает Иоилю, что в этой неминуемой и справедливой гибели мира для людей есть неожиданная и непостижимая надежда. «Обратитесь ко Мне всем сердцем своим… обратитесь к Богу, ибо Он благ и милосерд, долготерпелив и многомилостив, и сожалеет о бедствии». Несмотря на весь пессимизм пророка в отношении судеб мира прорывается это слово, потому что сердцем пророк видит Незримого. Ему открывается эта таинственная жалость Творца, возвещенная пророком Осией: «Повернулось во Мне сердце Мое, возгорелась вся жалость Моя!» (Ос 11:8). Эта жалость Бога – наше единственное упование, единственное, что дает нам шанс выжить при встрече с

Богом. Но для этого всем сердцем, всей глубиной личности нужно обратиться к Богу.

Важно, что именно Иоиль, для которого так много значат Храм, обряд и детальнейшее исполнение закона, говорит о том, что внешнее почитание не является обращением от всего сердца. «Раздирайте сердца ваши, а не одежды ваши!» – говорит он от лица Господня. С какой скорбью звучат эти слова, смысл которых в том, что Богу нужны мы сами, а не то, что мы делаем или чем обладаем. Но только здесь – путь для того, чтобы спастись от грядущего огня. Эти слова пророка предвосхищают призыв Христа: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное».

Иоиль сам еще боится поверить открывшейся ему тайне надежды, и ясно понимает, насколько она незаслуженна. «Кто знает, – говорит он, – не сжалится ли Он?» Эти слова очень точно передают то, какого напряжения требует доверие благости Божьей, насколько следование Ему в самом деле подобно хождению по водам. И пророк заканчивает эту часть книги призывом сделать все, что в наших силах: назначить пост, собрать народ, младенцев и священников, женихов и невест, и плакать в надежде, чтобы искренне совершить спасительное усилие доверия.

Иоил 2:18-32

Продолжением призыва к обращению сердец является возвещаемое в 18-м стихе обетование: «И тогда возревнует Господь о земле Своей и пощадит народ Свой. И ответит Господь…». Пророчество Иоиля, как и написанная приблизительно в то же время книга Иова, говорит о том, что Бог отвечает на искреннее обращение к Нему сердца, которое подлинно страдает и в котором поэтому нет надуманности и лукавства. И этот ответ Бога сам по себе становится для людей изобильным излиянием жизни.

Ответ Божий на обращение людей не укладывается в рамки богословского рассуждения. Бог отвечает, но при этом суть даже не в том, что Он говорит, а в том, что самый факт ответа Бога несет

людям жизнь. Так Иову Бог вообще обращает упрек: «Кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла», – но именно в этих словах Иов обретает жизнь и утешение, и все его мучительные вопросы исчезают. Точно так же Иоиль говорит, что если мы воззовем к Богу от всего сердца, то Бог ответит, и этот ответ изменит все. Пророк описывает этот дар ответа Божьего по контрасту с опустошительным нашествием саранчи: хлеб и вино и елей будут дарованы в избытке, враги исчезнут, пастбища произрастят траву и дерево принесет плод.

Дождь ранний и дождь поздний, обеспечивающие ежегодный урожай, дарует Бог Своим ответом на человеческое обращение, и Он воздает людям за всякое страдание и утоляет всякий прежний голод. Во всем этом людям явлено будет величие и слава Бога, и потому пророк говорит от Лица Его: «И узнаете, что Я посреди Израиля и Я – Господь Бог ваш». Но не только в этом видит пророк великий дар Божьего ответа. Утоление скорби лишь сопутствует ему, как видимый знак более глубоких явлений.

Бог отвечает на обращение, и в этом ответе в открытое Богу сердце человека изливается Дух Его. Свт. Феофан Начертанный (ум. после 843) в каноне на День Святого Духа называет Его «Источник жизни, Кому мы верим, струя благости, Душе Божий Святый». Вот о чем возвещает нам Иоиль: Сам Источник жизни входит в обратившееся к Нему сердце, измученное страшным владычеством смерти. Мир преображается, переживая страшную катастрофу, солнце превращается во тьму и луна – в кровь, но всякий, кто призовет имя Господне, спасется. Для Иоиля неразрывно связаны между собой два слова, призыв и обетование: «Раздирайте сердца ваши…» и «Излию от Духа Моего на всякую плоть…». Пророк видит, что обращение к Богу и Его ответ избавляют людей от общей судьбы тленной материи, делают их причастными Божественному бытию. Таким образом, пророчество Иоиля говорит не только о совершившемся в день Пятидесятницы излиянии Духа, но и о том, что Отцы Церкви называли обожением человека. И этот дар спасения, как всякий дар Божий, бесконечно превосходит всякую меру, доступную нашему пониманию и объяснению:

пророк говорит о том, что спасение даруется не только Сиону и Иерусалиму, но и остальным, которых тоже призовет Господь.

Иоил 3:1-12

В начале 3-й главы пророк говорит от Лица Господня: «Ибо в те дни… Я соберу все народы… и произведу над ними суд». Эти слова о суде Господнем над всеми народами после слов об излиянии Духа на Израиль звучали бы угрожающе, если бы не первое слово: «Ибо». Спасение, о котором говорится в конце 2-й главы, будет у «остальных», у всех, кто призовет имя Господне, потому что Господь произведет суд над ними! Насколько наше представление о суде Божьем отличается от того, что говорит пророк!

Господь говорит, что Он совершит суд над теми, кто грабил и предавал народ Божий, кто насилием и жестокостью наживался за его счет. Возмездие за эти преступления против человечности будут обращено на голову народов точно так же, как Господь обращает на голову Израиля его собственные беззакония. И все же это слово заканчивается призывом всем народам прийти и собраться там, где Господь воссядет судить их, потому что не месть составляет смысл Божьего суда, но возможность призвать имя Господне, о которой сказано в конце предыдущей главы. Здесь – ветхозаветные корни слов Христа о том, что суд состоит в том, что Свет пришел в мир. Иоиль говорит, в сущности, о том, что в присутствии Божьем явными станут последствия жестокости и нравственного разложения всех людей; к этому и направлено обличение народов в День Суда. Но, как и в отношении Израиля, Господь обличает грехи людей не для того, чтобы устрашить нас, но чтобы призвать нас отречься от этих грехов. Покаяние, к которому пророк призывает Израиль, будет, таким образом, источником спасения и для всех остальных народов, потому что и на них распространится суд Всевышнего. И всякий, судимый Богом за преступления, если призовет имя Господне и будет «раздирать сердце» сокрушением о грехах, обретет тот дар милости Божьей, который обещан и избранному народу.

Иоил 3:13-21

Когда пророк Иоиль в заключительной части своей книги говорит о близости Дня Господня, слова его звучат по меньшей мере за 4 века до первого пришествия Господа Иисуса Христа и, тем более, очень задолго до второго Его пришествия. Однако пророк ощущает этот День как очень близкий, в первую очередь потому, что сами дела людей взывают к Богу. Основания мира колеблются в трепете, потому что мир, поврежденный нашей злобой, беззащитен перед огнем Святости Божьей. В наше время мы, напротив, предпочитаем думать, что время Суда Божьего еще далеко, и люди, разделяющие ощущения пророка, кажутся нам несколько неадекватными. Скорее всего, это свидетельствует о том, что мы просто не разделяем ужаса от того, что мы собой представляем.

Однако не грядущие бедствия и опустошение Судного Дня свидетельствуют нам о Боге, и это основная мысль заключительных стихов книги. Пророк говорит о том, что по благословению Божьему, по спасению народа Завета, по очистительному действию Творца люди узнают Господа. Все, исполненное злобы, прекратится в мире, а спасенные люди Завета будут жить вечно – вот в чем познается нами благость Божья. И в этом свидетельстве видит пророк весь смысл пришествия Бога.

КНИГА ПРОРОКА МАЛАХИИ

Мал 1

Пророк Малахия жил в середине 5-го века до Р. Х. и принадлежал к последнему поколению пророков-писателей. История не сохранила для нас никаких подробностей о его жизни и личности; может быть, даже его имя является псевдонимом, отражающим его служение. В переводе оно означает «посланник, вестник». Пророк жил в трудное время: после воодушевления первых лет

возвращения из Вавилона народ Божий все больше погружался в пучину равнодушия. Ни вера, ни поклонение Богу, ни даже национальное достоинство – ничто не интересовало людей, кроме собственного благополучия. Лишенный политической самостоятельности и избавленный от исторических катаклизмов, народ постепенно забывал о своем высоком призвании. Все это нашло яркое отражение в проповедях пророка Малахии. С особенной горечью он говорит о пренебрежении к Храму, к почитанию Бога и исполнению Его закона; не исключено, что и сам он принадлежал к числу священнослужителей.

С первых слов книги мы окунаемся в тяжелую атмосферу тех лет. Люди недовольны своим положением, их сердца и умы отягощены ропотом. Где величие избранного народа? Где власть, которую обещанный Мессия должен был распространить на все народы? Вместо всего этого в Иерусалиме даже нет больше наместника персидского царя, и Иудея как малозначительная провинция подчинена наместнику Самарии, населенной отступниками. Нет ни величия, ни процветания, ни авторитета среди соседей; все надежды на обновление, питавшие возвратившихся из плена иудеев, обратились в прах. Они обречены на тяжкий труд, чтобы хоть как-то обеспечить себе пропитание. Культура языческих народов начинает казаться иудеям верхом благополучия, а суровая вера отцов выглядит на ее фоне каким-то пережитком. «В чем явил Ты любовь к нам?» – задают они Богу жестокий и несправедливый вопрос.

Мы и сами можем быть свидетелями того, как рождается этот ропот. Да, говорят современники Малахии, у нас есть некоторая, довольно призрачная, свобода, но желанное процветание не пришло само собой, по мановению Всемогущего. Жить в свободе оказалось тяжело, во всяком случае – не легче, чем в плену. И любовь, которую Бог явил в освобождении народа из плена и в восстановлении Иерусалима, начинает казаться пустыми словами. Реальная жизнь трудна, безрадостна и очень далека от величественности; горькое осознание этого постепенно проникает в зарождающуюся в эту эпоху письменность израильских мудре-

цов. Немного раньше книги пророка Малахии появляется книга Ионы, ярко демонстрирующая несопоставимость правды Божьей и людских представлений о справедливости. Несколькими десятилетиями позже рождаются книги Иова и Экклезиаста, где отчаянная надежда будет лишь чудом прорываться сквозь неизбывную печаль. Но в большинстве душ мучительный вопрос «Где Твоя любовь и правда?», с которым устремляются к Богу сердца пророка Аввакума и автора книги Иова, сменяется страшным и безжизненным сетованием: «да разве это любовь?».

Через пророка Малахию Бог говорит, что все дело в том, как относится к Нему избранный народ. Любовь Божья явлена в самом факте избрания, в том, что именно этому народу Всемогущий даровал Свой закон. Пророк приводит вопрос иудеев «в чем явил Ты любовь к нам?» и отвечает на него встречным вопросом Бога: «не брат ли Исав Иакову?». Любовь Бога ничем не заслужена Израилем, и тем не менее Он хранит верность Своему избраннику – вот в чем видит Малахия проявление любви. «Только вас призвал Я из всех народов», говорил Бог через пророка Амоса; любовь Бога проявляется не в благотворении, а в самой Любви. Людям трудно принять это, потому что это требует ответной любви. А если со стороны народа – холодное равнодушие, то даже самое спасение и свобода не будут для него достаточными проявлениями любви; равнодушным нужно что-то более осязаемое, пусть и сиюминутное.

Малахия вторгается в то, о чем никто не хочет говорить; с удивительной прямотой произносит он убийственные слова обличения. Израиль недоволен «качеством» любви Творца, но сам он относится к Нему с явственным пренебрежением. «Если Я отец, то где почтение ко Мне? и если Я Господь, то где благоговение предо Мною?», говорит Господь. Отношение к Богу в эту эпоху можно выразить русской поговоркой «На Тебе, Боже, что нам негоже»: лишь самое худшее приносится в жертву Богу, раз уж приходится что-то приносить. «Поднеси это твоему князю; будет ли он доволен тобою?», спрашивает Господь священников Израиля. Значит, дело не в том, что Бог недостаточно любит Свой народ. Напротив,

это Израиль разучился любить и чтить Бога и поэтому не замечает любви Творца. И, поскольку истина Господня пребывает вовек, как говорит псалмопевец (Пс 110:3), пренебрежение к Богу становится для людей источником проклятия. Господь соразмеряет небрежный культ иудеев не с современными им язычниками, чтущими идолов, но с грядущим Царством, где все народы прославят имя Божье. Ведь Израилю, в отличие от язычников, Бог открыл имя Свое и правду Свою.

Мал 2:1-12

Вторая глава начинается новым обличением неверных священников Израиля, уже не связанным с небрежностью в принесении жертв. Господь говорит, что «уста священника должны хранить ведение и закона ищут от уст его», следовательно, именно научение народа вменяется в обязанность священству. Однако во времена Малахии священники не только презрели эту обязанность, но и сами подавали пример в нарушении закона. Господь говорит, что для людей вообще и для левитского священства в частности источником достоинства может быть только исполнение воли Творца. И отсюда следует прямой логический вывод о том, что когда завет с «потомством Левия», со священством Израиля, нарушен, на долю неверного священства само собой приходится уничижение и позор.

По словам пророка, священство, главным образом, соблазняет народ «лицеприятием в делах закона». Господь вменял священникам в обязанность быть толкователями закона, разъяснять его суть и разрешать спорные вопросы в соответствии с духом закона и собственным опытом жизни и молитвы. Но вместо этого священники Израиля вели себя так, как будто кто-то поставил их стражами, решающими, что можно, а что нельзя разрешить, исходя из влияния и положения каждого, приходящего к ним с вопросом. На практике это приводило к тому, что знатные и богатые получали разрешения не соблюдать те или иные положения закона, в то

время как людям бедным и незначительным вменялось исполнять их. За этой практикой кроется отношение к закону Господню как к необязательным человеческим установлениям, а не как к Откровению воли Вседержителя о спасении людей. Именно здесь корень того, что Господь Иисус Христос назвал «бременами неудобоносимыми», именно так в религиозную жизнь вторгается своеобразная духовная коррупция, разъедающая основу основ жизни людей – их отношения с Богом. Ведь свои мнения священники обосновывали волей Творца, выраженной в законе.

Далее пророк обращается к отношениям людей друг с другом, которые должны были бы основываться на братстве людей перед Богом. Здесь пророк дерзает называть Бога не Творцом и Властелином, а Отцом людей. «Не один ли у всех нас Отец? Не один ли Бог сотворил нас?», спрашивает Малахия. Бог для него – Тот, Кто источает жизнь всем людям, от Кого берет начало душа каждого человека. Пророк остро ощущает призвание человека к богоподобию, и поэтому всякое проявление жестокости и неверности по отношению к людям для него – отречение от этого призвания. И, точно так же, непосредственная связь людей с Создателем в первую очередь для Малахии подразумевает верность в поклонении Единому Богу. Языческие культы и языческое отношение к вере отцов воспринимается поэтому как предательство самой жизни.

Мал 2:13-17

Продолжая говорить о вероломстве, пропитавшем всю жизнь избранного народа, пророк Малахия касается семейных отношений и, вдохновляемый Богом, снова идет наперекор представлениям своего времени. Конечно, восходящее к Моисею законодательство допускало развод, но есть разница между допущенным и общепринятым, между тем, что считается допустимым, и что считается нормальным. Как и в современном обществе, в Израиле времен пророка Малахии в разводе не видели ничего плохого, и даже наоборот. Разница лишь в том, что женщина в те времена не

считалась за человека и гражданскими правами не обладала, поэтому большинство женщин находились в полной зависимости от мужей. Но узы брака стали в то время считаться чем-то необязательным; многие даже не считали нужным разводиться, и прелюбодействовали, что называется, «при живой жене». Примерно в эту эпоху пришедший из Вавилона Эзра потребовал, чтобы израильтяне оставили иноплеменных жен, что было встречено лишь с некоторым огорчением. Жалко было жен, неплохих, в сущности, женщин. Оспорить развод сам по себе, равно как и право Эзры вмешиваться в семейную жизнь, никому и в голову не пришло!

Но Малахия со всей убежденностью утверждая подлинное библейское отношение к браку, говорит, что жертвы израильтян неугодны Богу, так как жертвенник обильно полит слезами страдающих женщин. Тех самых женщин, предавать любовь и доверие которых никто и за грех не считает! Пророк говорит, что Бог – свидетель между мужем и женой, и брак, таким образом, является важной составляющей духовной и религиозной, а не только плотской и социальной жизни человека. И предательство брака, нарушение верности – предательство перед Богом. В ответ израильтяне ссылались на пример патриархов, в частности на Авраама, родившего Измаила от Агари при живой Сарре. Пророк отвергает попытку оправдать грех таким примером: Авраам, говорит он, стремился «получить от Бога потомство», а не изменить жене. Кроме того, и это весьма важно, пророк вовсе не одобряет и самого поступка Авррама. Напротив, сразу вслед за этим он призывает «беречь дух свой» и не делать таких вещей. Малахия не высказывается против развода, но допускает «отпустить» жену, так сказать, в самом крайнем случае: если «ты ненавидишь ее». Но с его точки зрения это, тем не менее, – грех; обида, нанесенная женщине, и вина за этот грех остается на разводящемся. Таким образом, пророк проповедует единобрачие как нормальное, правильное устроение семейной жизни перед Богом; нарушения его для Малахии являются грехом в любом случае.

В последнем стихе главы пророк вновь возвращается к тому, о чем он говорил в самом начале книги. Его современники вовсе не

терзаются проблемой греха и благоденствия, праведности и страдания. Как и во времена Иеремии, тоже сталкивавшегося с этим явлением, они говорят, что Бог благосклонно смотрит на делающих зло, оправдывая одновременно и свои грехи, и свое пренебрежение к Богу. Они демонстративно не верят в правосудие Божье и удивляются, когда пророк говорит о гневе Творца. Малахия видит и обличает громадную разницу между горьким недоумением праведного Иова и поговорками грешных иудеев. Чтобы предъявлять Богу претензии за то, что Он долготерпит злодеяния нечестивых и допускает страдания праведных, надо самим быть праведными, как Иов. Грешный человек не в состоянии постичь Божьего милосердия и долготерпения и не вправе оспаривать его. Грешному Израилю, как и любому грешному человеку, следует уповать на милость Божью, а не предъявлять претензии. Ведь если бы не долготерпение Божье, то что было бы с тем, кто, будучи грешен, дерзает судить за Бога? Это исключительно важная позиция, и она остается актуальной вот уже две с половиной тысячи лет.

Мал 3:1-6

Начало третьей главы содержит исключительно важное пророчество, сформулированное в очень точных словах. За ним кроется очень глубокое и сильное переживание пророка, хотя в привычном нам переводе оно звучит не так ярко. Один из пророков первого поколения, Исайя Иерусалимский, на обращенный к нему вопрос Господа: «кого Мне послать» отвечает: «вот я, пошли меня» (Ис 6:8). Как Исайя, как и многие его собратья по служению, Малахия чувствовал себя вестником Всемогущего. «Бог послал меня к вам» – ключевые слова в устах пророков. Для Малахии они имеют особенное звучание: это суть его имени и суть его жизни. «Мълеахи» – Посланник Всевышнего, Вестник – так называют пророков, возвещающих правду Божью. Так называют бесплотных духов, которых Бог посылает к людям. Греческие переводы со всей возможной точностью ставят здесь слово ἄγγελος,

буквально означающее «вестник, посланник». Современные переводы Библии оставляют эти слова древних языков без перевода, что может затруднить для нас понимание смысла.

Пророк, имя которому – Вестник, говорит от лица Господня как глашатай: «вот, Я посылаю Вестника Моего, и он приготовит путь предо Мною, и внезапно придет в Храм Свой Господь, Которого вы ищете, и Вестник завета, Которого вы желаете; вот, Он идет». Не военный или духовный вождь, не властитель, устрояющий жизнь страны: Вестник. Сам Господь, говорит Малахия-Вестник, придет как Вестник завета, чтобы сообщить Весть о Боге и Его Царстве, ту Благую весть, что греческий язык назовет Евангелием.

Слова Малахии о Вестнике, который приготовит путь пред Богом, конечно – напоминание о пророчестве Второисайи о «гласе вопиющего в пустыне». Суть приносимой вести: «приготовьте путь Господу, прямыми сделайте в степи стези Богу нашему; всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся и неровные пути сделаются гладкими; и явится слава Господня» (Ис 40:3-5). Кривизна человеческих путей должна выпрямиться, всякая неправда и насилие должны исчезнуть – и тогда явится слава Господня. Вестник Божий не будет заставлять и, как мы теперь говорим, «строить» людей, как почетный караул: он – голос Зовущего, и его служение – призвать к исправлению человеческих путей. И точно так же Сам Бог придет как Вестник, возвещая заключение Нового завета, скрепленного Его жертвенной кровью. Мессия и Его Предтеча придут и скажут: «покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное», и за нами останется выбор – внять или не внять этому призыву. Какое разительное отличие от того, что думали иудеи, и какое точное соответствие тому, что делали Иисус из Назарета и Иоанн, Его Предтеча!

И явление Христа, Вестника завета, будет опаляющим огнем. Самое прекрасное, самое глубокое и живое в Библии скрывается за этим образом огня. «О, если бы Ты расторг небеса и сошел – горы растаяли бы от Лица Твоего» (Ис 64:1) – восклицает Второисайя, окрыленный любовью к Непостижимому. Серебро, очища-

емое в горниле, в пламени Богоявления – таким видит Остаток Израиля Иезекииль (Иез 22:20 слл). «Огонь пришел Я низвести на землю» (Лк 12:49), говорит Сам Спаситель. Пламя Божественной любви, в котором сердце человека переплавляется и, очищенное, само начинает сверкать ответной любовью; пламя, обжигающее до костей, до самой глубины естества, живое и невероятно настоящее – вот каковы отношения, к которым зовет нас Вестник завета. И поэтому Малахия цитирует здесь еще одно пламенное слово Ветхого завета: «Голос возлюбленного моего! вот, он идет…» (Песн 2:8), восклицает неизвестный автор Песни песней.

Перед этим пламенем Вести о любви Творца не устоит никакой грех, и очищенные люди будут приносить жертву Господу в правде, говорит пророк. Как автор Второзакония и апостол Павел, Малахия знает огненную суть веры и открывает своим слушателям Весть о том, что Бог есть Огнь поядающий. Пламя, о котором он говорит, пламя любви Творца, будет судом для тех, кто не способен пламенно любить Бога и людей, для чародеев и тех, кто задерживает плату работникам, кто притесняет беззащитных и беженцев, кто не боится причинять боль. Но это пламя жизни, настоящей и безусловной, чистой и безграничной. В этих стихах пророк открывает свое предвидение того, что отцы Церкви назвали обожением. Это пламя Святого Духа, которое сойдет на апостолов в день Пятидесятницы.

Мал 3:6–4:1

Пророчество Малахии о Мессии – Вестнике завета заканчивается замечательными словами о неизменности Бога; из них развивается весь последующий диалог Бога и пророка, с одной стороны, и народа – с другой. «Я Господь, Я не изменяюсь», – говорит Бог. Из этого факта вытекает множество разных следствий. Он важен сам по себе, как догматическое утверждение; отцы Церкви, в частности свт. Василий Великий, противопоставляли текучесть и изменчивость твари неизменности Бога и видели в Нем единст-

венную истинную опору всякого бытия, «якорь спасения», как часто называли Господа ранние христиане. Неизменность Бога важна для понимания истории человечества, для того, чтобы мы могли увидеть и узнать Его в событиях прошедшего. Нам необходимо знать о неизменности Бога, чтобы мы могли упо вать на Его благость и милосердие. Именно это подчеркивает пророк, говоря, что сыны Иакова потому только не уничтожились в перипетиях истории, что неизменен Бог, заключивший завет с Авраамом.

Но в сопоставлении с верностью Божьей, вытекающей из неизменности самой Его непостижимой божественной природы, особенно заметной становится неверность людей. И потому через Малахию в 5-м веке до Р. Х. Господь вновь говорит то же, что говорил и через пророков 8-го, 7-го и 6-го веков: «обратитесь ко Мне, и Я обращусь к вам». Бог неизменен, и поэтому единственная причина разрушения наших отношений с Ним – в нас самих. Но, вместо того чтобы поверить и обратиться к Богу, современники Малахии говорят, что они ни в чем не повинны… И вот, в ответ на ставшие привычными представления людей пророк возвещает истину Божью. Этот диалог между Богом и падшим человеком определяет, в сущности, весь жанр книги Малахии. Диалог, в котором Сама Истина становится одним из его участников, в котором Она являет себя через мысли людей. Нужно сказать, что диалог стал своего рода жанром эпохи: кроме пророка Малахии к нему прибегают еще по меньшей мере два его великих младших современника: автор книги Иова и Сократ.

В диалогах Малахии поражают две вещи. Во-первых, то, что Бог нисходит до участия в диалоге, Он отвечает, спорит, учит и приводит аргументы. Всемогущий Творец неба и земли говорит с людьми! Это невероятное откровение, основываясь на котором Малахия и называет грядущего Мессию Вестником. И второе, на что невозможно не обратить внимания, – насколько представления иудеев середины 5-го века до Р.Х. и их позиции совпадают с распространенными мнениями наших современников.

Вот что говорит народ в этом диалоге: «как нам обратиться?». «Откуда мы знаем, что хочет от нас Бог?», «Что еще Ему нужно?»,–

говорим мы и сейчас. Что это за обращение, к которому зовет Вестник завета? «Чем мы обкрадываем Тебя?»,– спрашивают иудеи. «Мы не делаем ничего плохого», «Чем мы плохи?»,– говорим мы. «Что мы говорим против Тебя?»,– спрашивают иудеи. «За что Бог не хочет сделать нас счастливыми, здоровыми и богатыми?», задаемся мы тем же вопросом. «Тщетно служение Богу, и что пользы, что мы соблюдали установления Его…», Бог не воздает за праведность и не карает за зло, утверждают иудеи времен Малахии. Поэтому лучше делать беззакония – они, в отличие от праведности, приносят доход. Почти слово в слово воспроизводим эти рассуждения и мы. Притом, что и иудеи 5-го века, и мы сегодня подразумеваем как заслугу одно и то же: восстановление Храма (храмов) и культа, сходство не может не поражать.

За всем этим скрывается нежелание, чтобы Бог был близко. В глубине человеческого существа, видимо, сохраняется неосознанное знание того опаляющего пламени Божественной любви, о котором Малахия говорит в начале главы. И это пламя пугает нас. Мы боимся, что в близости Всемогущего ни наша жизнь, ни мы сами уже не останемся прежними. И потому Бог зовет нас к доверию, зовет нас убедиться в Его благости. Он говорит, что мы обкрадываем Его нерадением о десятине. Но дело не в том, что Бог нуждается в наших приношениях. Изначально десятина и посвящение первенцев должны были стать для людей знаком того, что Бог владеет всем, и все, что у нас есть, мы получаем от Него в дар. Приношение было благодарностью, без которой подарок становится хищением. Господь, впрочем, упрекает даже не в пренебрежении к Себе. Испытайте Меня, говорит Он, убедитесь, что Бог верен. Он призывает людей получить опыт доверия и в этом опыте обрести блаженство. Не о благословении говорит здесь Малахия в отличие от других пророков. Время Нового завета уже близко, и вестник его – Малахия – говорит о блаженстве, как будет вскоре говорить Сам Господь Иисус.

Когда Малахия приводит возмутительные и, по совести сказать, довольно глупые рассуждения иудеев о том, что праведные не получают благоденствия, а делающие беззакония богатеют и

остаются в целости, Господь не удостаивает эти рассуждения прямым ответом. Упоминание о блаженстве, которое можно обрести в доверии, делает ответ излишним. Слишком очевидна разница между жизнью сытой и краткой,– и блаженством праведных. Господь говорит лишь, что праведный ищет не благ, а Бога. «И они будут Моими… собственностью Моею в тот день… и буду миловать их, как милует человек сына, служащего ему». Они будут Моими! Нет и не может быть иного блага, иной награды за исполнение воли Божьей. Все остальное, говоря словами Экклезиаста, – суета и погоня за ветром. Такова альтернатива: искать Самого Бога или земного благополучия. И различие между праведником и нечестивым, говорит Господь, – в том, чть они выбирают. Чуть дальше пророк Малахия напоминает нам о том, что в этом состоит и различие между жизнью и смертью.

Мал 4:2-6

Заключительные слова книги пророка Малахии исполнены глубокой и очень конкретной надежды. Подводя итог драме любви Творца и неверия, пренебрежения людей к Нему, пророк вновь обращается к образу пламени, пылающему в День Господень. Он говорит, что это пламя попалит всякий грех, все злое будет уничтожено в нем, как солома в печи. В сущности, этот вывод напрашивается сам собой после всего, что Малахия уже сказал выше. Но этим далеко не ограничивается то, что Господь хочет сказать через пророка. В грядущем он видит не только гибель греха и нечестия, своего рода «естественный отбор», когда выживет лишь то, что достойно выживания. Праведные, благоговеющие перед именем Господним, не просто продолжат безбедное существование – не в этом, совсем не в этом их награда.

«Для вас, благоговеющие пред именем Моим, – говорит Господь, – взойдет Солнце правды и исцеление в лучах его». Это поразительное именование Мессии Солнцем правды связывает пророчество Малахии со светом, о котором постоянно говорит

евангелист Иоанн. Солнце правды – источник таинственного света, который, как будет сказано (Ин 1:9), просвещает всякого человека, приходящего в мир. Это не физический свет, это свет правды, который разгоняет мрак безбожного мира. В эпоху Нового завета это имя – Солнце правды – станет одним из самых прекрасных в церковных песнопениях. Солнце правды, Просвещающий пребывающих во тьме; Солнце правды, разрушивший проклятие и давший благословение. И свет Христа, Солнца правды, говорит Малахия, принесет исцеление благоговеющим пред именем Господним. Иезекииль говорил о том же самом, возвещая, что Бог Сам отрет всякую слезу праведных.

Однако в эпоху Малахии уже совершенно очевидно, что смысл слов «Солнце правды» расходится с обывательскими представлениями иудеев, как и смысл слов «Вестник завета». Малахия выбирает такие именования, чтобы подчеркнуть свое предчувствие того, что приход Мессии не нарушит свободы людей. Выбор между добром и злом, между Богом и суетой мира придется делать каждому. И поэтому пророк заканчивает книгу словами о покаянии и обращении. Господь обещает через него послать людям самого великого, самого почитаемого пророка. Малахия прибегает к имени пророка Илии, чей голос звал народ к обращению, не страшась гнева и противодействия властителей земли. Господь обещает послать его, чтобы вернуть духовное единство народа, чтобы обратить сердца потомков к вере отцов и тем самым отвести от них проклятие. В самом начале Нового завета, за полгода до Рождества Мессии, Солнца правды, эти строки процитирует священник Захария, отец Иоанна Предтечи. В контексте же книги Малахии они исключительно важны: пророк подчеркивает, что не гибели грешников хочет Господь, но обращения и жизни, как говорил Он прежде через пророка Иезекииля.

ВЕРА И ЖИЗНЬ

Архимандрит ВИКТОР (МАМОНТОВ)

ЛИЧНОСТЬ КАК ДИАЛОГ

Человек не может быть самодостаточным, это означало бы, что его нет. Духовной жизни нет, когда человек один, ибо он не создан для одиночества – он создан для общения, для диалога.

Удивительная и таинственная способность человека быть собеседником Богу укоренена во внутренней жизни Святой Троицы.

Из внутренней жизни единства Троицы рождается мысль о человеке как способном быть собеседником Богу.

Бытие, по слову С. Аверинцева, – это пребывание внутри разговора, внутри общения.

Есть нужда человека в Боге, и есть нужда Бога в человеке. Бог имеет в Себе жизнь. Он есть общение, общение в Любви. И человек создан для общения с Богом.

На Кресте Иисус Христос говорит: «Жажду!» Чего Он жаждет? Он жаждет человеческой любви. Это Бог, Который жаждет человека. Как важно это понять, поверить в это реально, так, чтобы мы вошли в молитвенное общение с Ним, в поток этой жажды. Бог вложил в человека жажду Духа, жажду по Себе.

Вся жизнь человека в том, чтобы постоянно общаться с Богом. «Моя жизнь в том, чтобы слушать, Его в том, чтобы говорить», – писал один святой.

Любовь – это общение, и Господь хочет всегда быть с человеком, общаться с ним. Диалог, который начался «в начале», должен длиться вечно, потому что Бог сотворил нас для вечной жизни. Поэтому в каждом из нас имеется неистребимое желание жить всегда.

Личность, если ее понимать как диалог, является чем-то изначально данным, метафизическим зерном. Но это только начаток личности, она должна пройти путь становления. Когда Господь

говорит «сотворим человека по образу Нашему (и) по подобию Нашему» (Быт 1:26), то эти слова содержат в себе направление, указание на то, что становление личности, человеческого духа будет происходить постепенно посредством диалога с Богом.

Образ внутри человека – как бы возможность диалога, а подобие – уподобление.

«Я» не есть еще личность. «Я» должно стать личностью. Общение между «я» и «ты» и «мы» помогает «я» стать личностью.

Личность укрепляется в общении, в выходе из себя в другого.

По слову Н. Бердяева, человеку присуща внутренняя социальность. Человек есть социальное существо, и поэтому реализовать себя вполне он может лишь в общении.

М. Бубер верно говорит, что «я» не существует без отношения к другому как «ты». Без общения с другими, без диалогической беседы «я» нет.

Одиночество человека преодолевается потому, что есть Бог. В Боге человек обретает полноту и осмысленность своей жизни.

Когда может состояться диалог между человеком и Высшим, в том понимании, что Господь выше твари?

Человеку очень трудно беседовать с Богом. Партнеры диалога не равны. Господь говорит: «Мои мысли – не ваши мысли, не ваши пути – пути Мои» (Ис 55:8), т. е. никогда человеческое «я» не может с Господом говорить как с равным.

Диалог может состояться тогда, когда независимое Существо, т. е. «Я» Бога обращается к человеку как к «ты». Человек не может начать разговор с Богом, если Бог не создаст благоприятные условия для этого диалога.

Сам факт воплощения Сына Божия – это уже есть некая уступка Божья или шаг Господа вперед, чтобы развить диалог с человеком. «Я» Бога как бы уменьшается, ограничивает Себя, т. е. становится досягаемым полю зрения. Истинный диалог становится возможным только тогда, когда более сильный становится в равное положение с более слабым.

Так поступает Господь с человеком. У Бога нет трудностей заставить человека делать то, что Ему угодно.

Но почему же Господь этого не делает? Потому что Он сотворил человека свободным, для жизни вдвоем в этой свободе.

Принудить Бога к диалогу невозможно. Так же невозможно принудить человека к диалогу. Это будет уже допрос. Для того, чтобы диалог был полноценным, необходимы свобода, внимание и любовь.

Господь говорит с Адамом. Адам знает Бога, он живет этим диалогом, ему дана для жизни и пища. Но основная суть жизни Адама – это разговор с Творцом.

Когда человек преодолевает свою самость, он достигает такого предела, что становится другом Бога. Диалог сердца такого человека с Господом является уже тайной.

Такой диалог описан, например, в опыте святых отцов, представленном в «Добротолюбии», или в писаниях преподобного Силуана Афонского. Но мы всегда должны помнить, что все эти произведения – лишь маленькие лучики от того огня, которым жили святые. Передать в языковой форме всю глубину этой жизни в общении с Богом просто не в человеческих силах, не в возможностях языка.

Человеческий диалог с Богом иногда очень драматичен, трагичен.

Со стороны Бога препятствий к диалогу нет. Причина препятствий в человеке.

Когда мы говорим Богу – «Ты», то понимаем, что Он Личность. Если для меня Бог не живой, не реальный, а какое-то представление о Нем, то я беседую со своей страстью, которая приняла облик Бога.

Страсти как бы говорят и приказывают личности. Происходит раскол личности, и психиатрия описывает этот раскол.

Во времена Шекспира в европейской культуре начинается такой диалог, как разговор человека с самим собой. Гамлет, решая вопрос жизни – «быть или не быть» – обращается не к Богу, а к самому себе.

Это попытка замены Бога. Диалог с самим собой оказывается разрушительным для человека.

Не может человек молиться самому себе и разговаривать с самим собой: он не источник жизни.

В Иване Карамазове мы видим героя-интеллектуала, который возвышает себя над толпой, но вся его жизнь – это диалог с самим собой.

Он не может услышать другого человека, потому что слышит только себя самого. Духовная логика неумолимо ведет к тому, что в конце концов он беседует с дьяволом.

Когда человек доходит до предельного самообожения, он попадает в прямую связь с бесовским миром.

Если человек принимает такую установку – я есть единственное начало – тогда, естественно, он не может принять Бога и Христа.

Не может устроить человека тот диалог, который ведут с ним современные средства массовой информации. Это информация в никуда, т. е. ни к кому лично не обращена.

Мой знакомый говорил: «Мне очень не нравится слушать радио, смотреть телевизор, читать газеты, потому что я чувствую, что там, за исключением некоторых передач и статей, со мной никто не разговаривает, все говорится не ко мне, т. е. этой информации безразлично, что я думаю, как себя чувствую, чего я хочу.

Мне дают информацию, которая заседает в памяти или даже глубже – в сфере подсознания, и тем самым хотят изменить русло моей жизни.

Ко мне относятся не как к личности, т. е. не спрашивают разрешения, согласия, хочу ли я это знать.

Я могу выключить радио или телевизор, но сам поток информации, который идет, отнюдь не способствует диалогу между людьми».

Если в жизни нет присутствия Логоса, смысла, то жизнь превращается в бессмысленное столкновение немых масс. Все что-то кричат, и никто ничего не слышит, не слушает, все хотят перекричать друг друга, а смысла от этого никакого.

Вся новая европейская культура являет драму этого псевдодиалога, этого раскола личности, которая уже не умеет находиться в диалоге, выпадает из него и потому мучается.

Мы видим, как технизируется мир, как книга уступает место компьютеру, письмо – электронной почте. Письмо – это тоже некая форма диалога, где более присутствует личное качество, почерк человека, его душевность. А в электронном виде многое теряется.

Нельзя сказать, что в технической коммуникации нет никаких проблесков диалога. Там есть жажда диалога. Но все обращено к некоему незнакомому объекту.

Преткновенный камень диалога – это двухсторонняя свобода, общение на расстоянии двух свобод.

Препятствия со стороны Бога начинаются тогда, когда человек говорит с Богом в приказной форме, начинает командовать, настаивать, т. е. ведет себя как язычник – он идола о чем-то попросил, тот не выполнил – за это его срубают, сжигают, рассчитываются с ним.

Когда такое языческое отношение начинает действовать в молитве, т. е. мы от Бога что-то требуем, сразу появляются препятствия со стороны Бога, потому что Бог не согласен быть рабом наших страстей. Бог не может изменить Своей природе. Он не даст Собой манипулировать. Человек может капризничать до упаду, и очень часто эти людские капризы заканчиваются трагически. Но Бог остается Богом.

Если человек обоготворяет себя, ставит самого себя на место Бога, то ему не с кем вступить в молитвенный диалог. Его человеческий логос торжествует, но он оказывается в пустоте: естественно, двум богам не ужиться вместе.

Встреча двух логосов: Логоса Божественного и логоса человеческого – это кризис.

Человек или распинает Логос Божественный во имя торжества своего логоса, или принимает Его и отрицает свой логос во имя Логоса Божественного.

Можно ли выйти из диалога с самим собой? Или это тупик?

Начало восстановления личности – вступление в диалог со Священным Писанием как Словом Божиим. Когда мы читаем Священное Писание, то с нами говорит Сам Господь. Если мы принимаем Слово жизни, то оно созидает нас, формирует нашу личность.

В Ветхом Завете больше всего диалогов с Господом у Авраама.

Чтобы человек вступил в разговор с Богом, он должен забыть себя. На языке аскетики: стать простым.

В Библии об Аврааме сказано: «человек простой», на иврите – «ha иштам». Простой – не значит глупый, а – целостный.

В диалоге он забывает о себе, думает только о Боге, тянется только к Нему.

Диалогу с Богом предшествует вера человека, акт веры, в котором человек выходит за границы собственных знаний.

Если диалог истинный, он всегда совершается в духе веры. Дух веры – это самая суть, кровь диалога, потому что диалог в высшем смысле не может проходить в духе знания. Знание всегда предполагает как бы объективистскую установку, объективное наблюдение и корректировку своего поведения.

Господь Иисус Христос приходит в этот мир в духе веры, т. е. Господь так любит мир, что доверяет этому миру, приносит в дар Сына Своего Единородного, чтобы стало возможным возобновить утерянный диалог.

Иисус Христос призывает нас к вере, просит не терять ее, потому что в духе веры есть жизнь, есть возможность обретать все новый и новый опыт, новое общение, новое измерение своей жизни.

То слышание, к которому мы призваны, совершается в сердце. Господь выбирает для этого наше сердце. В нем Он являет Свое присутствие и Свою Любовь.

Только в сердце Слово может стать плотью и преобразить человека.

Во время службы перед возвещением Слова Божьего звучит призыв: «Премудрость, станем прямо, внимание! Услышим Святое Евангелие…»

Все наше существо должно обратиться в слух. Перед заключением завета со Своим народом Бог говорит ему: «Слушай!»

Когда Бог спросил во сне царя Соломона, чего он желает, тот, имея много сокровищ, понял, что самое важное – это иметь слушающее сердце: «Даруй же рабу Твоему сердце слушающее, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло» (3 Цар 3:9).

И Моисей, переживший Божие прикосновение, просил, как и царь Соломон, сердце слушающее.

Нам всем дана возможность погрузиться в глубины нашего сердца, в глубину молчания, и обрести Божественное безмолвие.

Как мы слушаем и что мы слушаем?

Часто мы охотнее слушаем слова лукавого, нежели слова жизни.

Поэтому нам нужно очищать свой слух, учиться различению духов, о приходящей мысли спрашивать себя – от Бога ли она, от плоти или от бесов.

Это духовная аскеза.

Мысль, идущая от ума, почти не затрагивает наше сердце, она уходит и приходит, уступая место другой.

Христианину необходимо каждый день поддерживать в себе состояние открытости к присутствию Господа.

Уходить с поверхности жизни, где мы подвергаемся постоянно разным прельщениям, в глубину ее – вот то постоянное усилие, которое мы должны совершать.

Нужно возвращаться в свое сердце, в то место, где пребывает Бог и где Он нас ждет.

Когда мы находимся в присутствии Отца, предстоим перед Ним, можно ничего не говорить, только погрузиться в молчание, и в нем может прозвучать Его Слово.

Господь избрал в храме нашего тела место, чтобы говорить к нам и являть Свое присутствие. Он говорит нашему сердцу.

Так говорил Господь с одним юношей, который в детстве был крещен, но потом несколько лет жил вдали от церкви. Однажды он неожиданно ощутил желание пойти в храм. Вот его свидетельство.

«Это было желание, которое я не могу объяснить, но оно существовало и подталкивало меня. И вот я решил пойти в храм в воскресенье вместе с моей матерью.

Я забыл все, что связано с литургией и с молитвой, но как только я вошел в храм, я понял, что меня ждут, что я пришел на встречу с кем-то. Я еще не знал с кем, но уже одно то, что я находился в этом месте, приводило меня в состояние слушания чего-то или кого-то, кто вскоре должен был открыться.

Я был там, внутри храма, мне была назначена встреча, и я не хотел упустить этот случай. Я был рядом с матерью в глубине храма. Служба началась. Слова священника были для меня пищей. В его словах, в его жестах, в его молитвах я искал лицо того, кто пригласил меня.

В конце проповеди я закрыл глаза и обнаружил внутри себя тишину, тишину Бога, Который говорил во мне. С этого момента я был далеко от всего внешнего, и это лицо становилось все более ясным и очень, очень безмолвным.

Ничего, кроме этого присутствия, обитающего во мне; я еще не мог разгадать его, но оно жило во мне; мое сердце приготовилось увидеть Того, Кого я искал.

Священник вознес дары. Я стоял на коленях, смотрел на них, и я понял, что это Он. Мои глаза были закрыты; мои руки соединены, и мое сердце открыто.

Больше не было никого, кроме Него и меня, в тишине. Его присутствие охватило меня, я был наполнен Им, и мне было этого достаточно.

Моя мать начала проявлять обеспокоенность, видя меня столь поглощенного молитвой. Она начала толкать меня локтем и спрашивала: «Что с тобой?» Я отвечал: «Я молюсь».

Я встретил Того, Кого искал, я нашел Его. Я находился в храме и одновременно внутри моего сердца. Я находился внутри Храма Тела Христова, которое есть Церковь, и внутри Храма моего тела, я встретил моего возлюбленного в моем сердце. Больше ничто не заставит меня потерять Его. Он призвал меня стать священником для Его Царства».

Это пример чуткого сердца, которое расслышало призыв Господа и откликнулось на него. Мы часто понимаем диалог как разговор человека с Богом, человека с человеком, Церкви и общества, как разговор, делая акцент на говорении. На самом деле суть истинного диалога не в говорении, а в слышании. Дар слышащего сердца дан каждому из нас, и наше призвание принять его и развить. Как в древние времена Господь говорил Израилю: «Шма Исраэль!» – «Слушай Израиль!», так и сейчас Он призывает каждого из нас: «Слушай!..»

Архимандрит ВИКТОР (МАМОНТОВ)

ПАСТЫРЬ ЛЮБВИ

В сентябре 1998 года я был приглашен посетить Лондонский приход, где служил митрополит Антоний Сурожский.

В соборе Успения Божией Матери и Всех Святых должна была совершаться служба Воздвижения Креста Господня. Собор находится в квартале Эннисмор Гарденс, в ста метрах от Гайд-парка. Я вошел в алтарь, где готовились к службе иподиаконы и диаконы. И вот совсем неожиданно появился владыка Антоний в сером подряснике. Он тихо вошел левой боковой дверью, подошел к месту, где лежали священнические одежды и начал сам облачаться. Это было необычно, потому что архиереям в этом всегда помогают иподиаконы.

Потом он подошел ко мне и благословил. Началась служба.

Меня удивило то, как молится владыка. Было впечатление, что он обращается к Тому, Кто находится перед ним и молится всеми силами жизни, которые в нем были. Молитва в нем жила, горела. Я почувствовал, что он близок к Богу, что он умеет творить молитву предстательства о всех тех, кого Бог ему дал. Он был поистине человеком молитвы.

Такое живое общение с Богом я видел однажды в алтаре сельского храма в Ярославской области на службе архимандрита Павла (Груздева), старца, который много пострадал во время гонений на Церковь. Святые Дары были уже освящены и отец Павел, наклонив голову и протянув ладони к ним, молился о ком-то: «Ты видишь его… Ты знаешь его нужду, помоги ему… Ты ведь всех любишь». Впечатление было такое, что он реально видит Того, к Кому обращается. Такая молитва была предношением этого батюшки перед лицом Божиим… Он в этот момент все забыл и живым светильником стоял перед Богом.

«То, как служил владыка, – говорила сестра прихода Марина Безменова, – потрясало всех. Это было истинное предстояние

перед Богом, полное погружение в совершаемое таинство. Голос его сохранял силу, и слова молитвы чеканились и западали в душу, заставляя тут же собраться, сосредоточиться, «житейское отложить попечение».

Во время Евхаристии владыка опирался на посох – физически он начал слабеть, но дух его был бодр.

По окончании службы мы остались вдвоем в алтаре, побеседовать. Владыка не сел, а стоя говорил со мной, расспрашивая о жизни моего прихода в Латвии. Он в 70-е годы побывал в Риге, встречался с митрополитом Леонидом.

– Может быть, вам непривычно, что у нас здесь в храме бедно и просто.

Я сказал, что вид алтаря его храма очень напоминает мне алтарь Троицкого кафедрального собора в Риге, где служил владыка Леонид и где я был рукоположен. «Как и Вы, владыка, я не люблю пышности, мне очень нравится скромный вид Вашего алтаря» – сказал я. Владыка подарил мне свою фотографию с надписью: «С радостью о встрече и братской любовью. М. Сурожский Антоний».

Боясь утрудить владыку, я все же дерзнул попросить его сказать несколько слов моим прихожанам: «Они Вас любят, и хотя не видели Вас, но встретились духовно, потому что читали Ваши книги. Они для нас – духовная пища, мы черпаем в них силу жить по-христиански. Это книги, рожденные из сердца, книги светлого духовного опыта». Владыка с радостью согласился, включил диктофон и начал говорить: «Во-первых, я хочу сказать, что для меня была большая-большая радость встретить вашего настоятеля, который мне столько рассказал о внутренней жизни вашего прихода, вашей общины и о том, что эта община, словно семя, которое Христос бросает на ветер с тем, чтобы оно упало там, где только может произрасти и принесло бы плод. И мне кажется, что это очень важно – создавать такие общины, которые представляют собой единство, и члены которых могут расходиться затем по всему миру, не теряя сознания, что они едины друг со другом. Это – первое, что меня поразило в рассказе отца Виктора.

Кроме того, я хочу вас поблагодарить за то, что вы читаете мои книги и умеете их воспринимать. Всякому ясно, что я – не богослов. Я никогда в богословской школе не учился. Но за долгую жизнь у меня набралось очень много переживаний, мыслей, размышлений. Я помню, мой отец мне говорил: «Ты всегда думай больше, чем будешь читать. Потому что память твоя всегда будет работать лучше твоего ума». А затем, когда я немного взрослее стал, и стал верующим, он мне сказал: «Читай каждый день маленький отрывок из Евангелия и в течение всей недели только о нем и размышляй. Когда исчерпаются все твои чувства, все твои мысли, тогда встань перед Богом и молчи». И вот, мне кажется, что это очень важно – чтобы мы не умом воспринимали Евангелие, Слово Божие, а всем нутром, всем сердцем, и тогда оно принесет плод в свое время. Многое мы можем не принимать, а воспримем, когда созреем к этому.

Что вам пожелать? Пожелаю вам радости о Боге, о том, чтобы вы научились молиться, как святые молились. Но святой – это не какой-нибудь незаурядный человек, это человек, который в простоте своего сердца может стать перед Богом. Мне вспоминается один образ молитвы, который у меня давным-давно в сердце. Это рассказ о том, как один священник приходил к себе в храм и заставал всегда старика, который сидел и смотрел прямо перед собой. Он к нему однажды обратился и спросил: «Дедушка, что же ты тут сидишь? Губами ты не шевелишь, значит, устно не молишься. Пальцы твои не бегут по четкам, видно, у тебя их нет. Что же ты делаешь часами?» И он ответил: «Я на Него смотрю. Он смотрит на меня, и нам так счастливо вместе!» И вот этого я вам всем желаю.

Во время богослужения, чтобы вы всем нутром своим молчаливо стояли перед Богом и воспринимали все то, что Церковь скажет: и напевы, и слова, и периоды молчания, и научились бы перед Богом безмолвствовать. Не то, чтобы оставаться без слов, а так углубляться, чтобы не до слов было. Так бывает, например, когда мы общаемся с человеком, который нам очень дорог. В начале поговоришь, а затем уже приходит момент, когда уже не до

разговора, не до слов. А так хорошо просто вместе посидеть! Дай вам Бог так научиться с Богом пребывать.

И это возможно не только в храме, и не только наедине у себя дома, но даже в толпе, потому что если вы посмотрите вокруг себя и скажете себе: «Это все люди, которых Бог сотворил, которых Он так возлюбил, что Свою жизнь отдал за них. Какое счастье быть среди этих людей! Господи, благослови этих людей, будь с ними – веруют ли они в Тебя или не веруют, это все равно. Бог в них верует. И молитесь – не только за них, а вместе с ними, чтобы ваша молитва была бы выражением их устремленности вглубь, ввысь – на те глубины и высоты, о которых они сами не знают.

Ну вот, дай вам Господь радость о Боге, радость о вашем настоятеле. Поддерживайте его, чем только вы можете. Знаете, раньше говорили: «Каков поп, таков и приход». Это остается реальным и теперь. Но еще надо вспомнить, что если приход не поддерживает всей своей молитвой, всей своей внутренней жизнью своего священника, то этот священник делается как лодочка, которую не несет уже море, а которая села на песок. Вы – море, на котором плывет челнок. Этот челнок – ваш священник, но вместе с этим он и руководит вами, потому что его просвещает Божия благодать. Да благословит вас Господь, да будет над вами Покров Пресвятой Девы Божией Матери и защита ваших святых».

Я подарил владыке Святогорскую икону Божией Матери, привезенную из Святогорского монастыря, который я посетил незадолго до поездки в Лондон, отслужив литию на могиле А. С. Пушкина. Владыка с благоговением принял ее и положил на престол, а мне подарил литой образ великомученика Георгия Победоносца, который находится ныне в моей келье. Он для меня живая память о владыке.

Потом был чай, общение с братьями и сестрами Лондонского прихода. Радостно было видеть, что владыке за годы священнического служения – он был наречен во епископа 29 ноября 1957 года – удалось создать духовную семью, в которой все друг друга знают, любят и умеют служить друг другу. Здесь всякий человек, который приезжал с Родины, находил себе друзей, людей с

открытым сердцем, открытым умом; людей, которые пережили одно и то же.

Личное общение дает возможность друг от друга познать опыт, которого у нас самих нет. И это очень драгоценно – разделить опыт других людей, которые пережили или одно и то же или совершенно иное.

«Верующие, – говорил митрополит Антоний, – должны так открыться по отношению к другим, чтобы они поняли, что в Церкви есть еще одно измерение такой глубины, такой жертвенной любви друг ко другу, которое мы не можем найти в простом обществе».

Владыка много лет трудился вместе со всеми над тем, чтобы создать общину, где каждый человек сознает себя ее членом и ответственен за нее в целом и за каждого человека в ней.

Родился такой дух, что здесь все свои: чужих нет, все готовы потерпеть друг друга, когда все трудные. И поддержать друг друга, когда это нужно. А владыка у них – любимый пастырь. «Пастырство – это любовь», – говорил он сам. Он сумел воплотить эти слова, они стали жизнью. Для него быть священником – это сделаться слугой, а не начальником или главой. Тот, кто обезумеет от своего «величия», связанного с саном, становится разрушителем человеческой души, светским властелином. Священство – не честь и не преимущество, а служение. Христос говорит: «Я посреди вас как служащий» (Лк 22:27).

Владыка умел совершенно забывать о себе ради того, чтобы помнить о других. За год на часовой разговор к нему приходило только в Лондоне больше трех с половиной тысяч человек. «Каждый день, – говорил он, – я по 14 часов вижу людей, которые приходят говорить о своей душе, о молитве, о сомнениях, о том или другом». Каждый второй четверг он проводил духовные беседы. Ежегодно устраивался летний лагерь для подростков, действовала воскресная школа для детей и молодежная группа. Не забыты были старики и члены общины, живущие далеко. Он общался с приходящими людьми углубленно, умел всецело отдаться каждому человеку в данный момент. Владыка всегда говорил, что надо научиться, когда находишься с человеком, быть только с ним, слу-

шать для того, чтобы слышать. Он умел любить неизменной любовью всех. Когда люди были «хорошие», его любовь была ликованием, когда же они поступали плохо, его любовь была страданием, но никогда она не уменьшалась.

Владыка не давал никаких приказов, делился своей жизнью, своей душой, своей молитвой. Когда люди просили его быть их духовным отцом, наставником, он отказывался, потому что в полном смысле слова быть им не мог, но готов был стать их спутником и сострадальцем.

– Я не берусь никого вести от земли на небо, не могу быть ничьим старцем или руководителем. Я могу быть в какой-то мере спутником, идти рядом постольку, поскольку мы идем по одной дороге.

Он говорил, что такой человек, как преподобный Серафим Саровский отказывался быть духовным отцом, он был готов молиться, давать короткие наставления, но спасение предоставлял Единственному, Кто может спасти каждого…

В Лондонском приходе тысяча человек, и владыка Антоний каждого знал по имени. По его словам, он старался никогда не встречать никого в порядке административном, а только как священник, пытался всеми силами сохранить тесную связь со всеми людьми, которых давно знал и с новыми людьми.

«Меня всегда поражало то, – говорила сестра прихода Марина Безменова, редактор Соборного листка, – как он встречал каждого человека. В ту минуту казалось, что для него нет никого дороже его собеседника – такою радостью светились его глаза, улыбка озаряла его лицо, а взор проникал в самую душу».

Он имел драгоценный дар удивления, который есть дар Духа Святого, умел удивляться каждому человеку, которого встречал, и не уставал, имея многих посетителей.

Владыка Антоний был истинным учителем молитвы. Своим духовным чадам он объяснял, что есть разница между молитвословием и молитвой. «Сядьте, молчите и не думайте ни о чем полезном.

Побудьте в сердцевине своего бытия, в том, что аскетическая литература называет сердцем, ни в каких-то эмоциях, а именно в

исихии, безмолвии. Если вы научитесь это делать, то увидите, что можете читать, петь, разговаривать – и ни на одну минуту не терять молитвенного состояния. Вы сможете и учиться и молиться самым творческим образом, и никогда не терять ничего».

О себе он говорил скромно: «Я не могу сказать, что умею это делать, но я просто умер бы от тоски и утомления, если бы хоть столечко не мог этого делать».

Владыка любил безмолвную молитву и в дни рождественского и Великого поста совершал ее в храме вместе с прихожанами. Он хотел, чтобы человек услышал тишину и вдруг понял, что это тишина – живое Божие присутствие. Тишину близости с Богом он боялся нарушить словами. Ведь человек, когда встречает Бога лицом к лицу, может только молчать.

Владыка говорил проповедь о Кресте. Его слово рождалось в глубинах его зажегшегося сердца, поэтому и входило в сердца слушателей и зажигало их. Он говорил не от ума, не от Священного Писания, которое хорошо знал, не от мудрости, говорил просто, без эффектов, к которым стремятся некоторые современные проповедники, желающие обратить на себя внимание. Владыка не поучал, а свидетельствовал, говорил из своего опыта, открывал слушателям личные переживания истин веры и благочестия. Он был предельно искренен и правдив, чувствовалось, как огонь веры горел в нем, как он исполнен Христовой Любви к человеку.

Однажды, как он рассказывал сам, не смог сказать проповедь после прочтения Евангелия: не почувствовал сердцем того, что ему лично хотел сказать Господь, а говорить что-то от ума не хотел. И в этом честно признался слушателям, они восприняли это как хорошую проповедь и научение о том, как нужно учиться жить Евангелием.

Проповеди владыки слышали в те годы не только в Англии, но и в России. «Его приезды для христианской Москвы, – вспоминал Сергей Аверинцев, – были тайной радостью из десятилетия в десятилетие, беззвучным праздником. Друзья оповещали друг друга об очередном приезде конспиративно: «Дядюшка приехал».

Помню встречу с ним в трехкомнатной квартире, из которой вынесли всю мебель, оставили два стула – один для него, другой для старика; каждый сантиметр пола во всех трех комнатах был занят сидящими».

Моя первая встреча с владыкой Антонием в ноябре 1975 года происходила примерно в такой же обстановке. Знакомая верующая тайно оповещала своих друзей о приезде владыки, сообщила и мне радостную весть – на квартире ее друзей поздним вечером будет беседа с владыкой. Мы приходили на встречу по два, по одному, чтобы не привлекать внимание соглядатаев. В маленькой прихожей стоял владыка в сером подряснике, простой, доступный, ласковый и всех с радостью благословлял. От него исходил покой и тепло. Когда все разместились в трехкомнатной квартире, обстановка в ней была такая же, как на вышеупомянутой встрече.

Такое общение по тем временам было большой смелостью и риском. Могли явиться работники органов и разогнать недозволенное религиозное сборище, да еще и задержать собравшихся. Мог пострадать и владыка: лишиться возможности приезжать в Россию. Но Господь по молитвам владыки и собравшихся всех нас сохранил.

Через несколько месяцев после моего посещения владыки я получил письмо из Лондона от Надежды Овини, которая встречала меня в аэропорту Хитроу и приняла в свой дом.

«Пишу Вам от имени митрополита Антония Сурожского. Он попросил меня узнать, не согласитесь ли Вы приехать к нам в Лондонский собор послужить в качестве священника хотя бы на год.

Я с радостью выполняю его просьбу и буду с нетерпением ждать Вашего ответа. Если Вы положительно отнесетесь к этому предложению, то тогда владыка Антоний напишет Вам лично».

Я внутренне благодарил владыку за его внимание и любовь, но, к сожалению, не мог оставить своих два прихода. Хотелось еще раз посетить владыку и побеседовать и послужить вместе с ним, но и это не получилось.

Вскоре я стал получать письма от братьев и сестер Лондонского прихода, из которых я узнавал о владыке. В октябре 1998

года Надежда Овини сообщала: «Владыка Антоний *отболел простуду* после Вашего отъезда, но по воскресеньям служит». «Этим летом он опять болел. Мы его не всегда видим», – писала она через год. «Владыка наш здоров, – сообщала 15 декабря 2000 года Ирина Муромцева-Монган, – хотя иногда чувствует себя уставшим, годы дают о себе знать. Собирает нас два раза в месяц на беседы».

Прошло несколько лет, и 2-го февраля 2003 года после литургии все собравшиеся в Лондонском соборе услышали заявление митрополита Антония об уходе на покой. Он предлагал его не как вопрос, а как решение.

«Мне сейчас много лет, – сказал он, – и силы, которые у меня были, и которые я положил на создание нашего прихода, нашего храма, нашей епархии, убывают очень быстро. Я не в состоянии буду продолжать управлять епархией, и поэтому собираюсь – с согласия епархиального собрания – подавать прошение патриарху об освобождении меня от этой должности. Это не значит, что меня больше не будет, однако тяжесть управления, тяжесть строительства будет уже не на мне».

Собрание приняло его просьбу, его моление о том, чтобы его отпустили с миром, благословением и молитвой. «Хотелось, – говорил владыка, – чтобы я не ушел как беглец, а ушел бы с вашей любовью».

Он предложил своим наследником епископа Василия Осборна, который много лет служил ему верным помощником. Он верил в его добротность и преданность служению Церкви и Богу.

Решение оставалось за Патриархией. И будучи уже тяжело больным, владыка ждал известия из Москвы. Священник, который причащал владыку, должен был сказать ему об этом, как они договорились, пожатием руки, потому что больному было трудно говорить. Знак был подан. С таким утешением о судьбе своей епархии владыка 4 августа 2003 года отошел ко Господу. В этот день, день святой равноапостольной Марии Магдалины, в соборе совершался вечерний молебен. Все молились о здравии болящего митрополита Антония. Как только начался молебен, пришла весть

о кончине владыки. Вместо молебна была отслужена первая из панихид, служившихся и утром, и вечером до погребения тела 13 августа.

Сестра Лондонского прихода Фредерика де Граф, с которой я общался в дни моего пребывания в Лондоне и много раз в Москве, куда она часто приезжала, рассказывала об удивительной атмосфере в соборе в дни прощания с владыкой.

«Во время первой панихиды, да и во все время до похорон владыки многие испытывали чувство просветленности и полноты жизни. Тишина и торжественность.

Тело владыки перенесли в собор за три дня до похорон.

Мне казалось, что это он сам вернулся домой: ведь он здесь служил 54 года, предстоял Христу в молчании и горении духа; здесь он проповедовал и проводил беседы. Сюда приходили к нему тысячи людей. Каждый нажимал кнопку звонка на синей боковой двери, и владыка выходил к нему.

Собор был для него местом, полным глубокого мира и радости, несмотря на то, что долгие годы люди изливали здесь ему свои горести, душевную боль и сомнения. Сюда же и вернулся наш владыка.

Когда внесли гроб в собор, на всех нас сошло молчание. Мы все подошли ко гробу, как бы приветствуя своего пастыря в его родном доме. Многие из нас до того момента долго его не видели. Владыка лежал тихий и безмолвный. Вокруг царило чувство глубокого покоя.

Еще до перенесения гроба в собор, во время многих панихид чувство жизни и просветленности постепенно усиливалось, подготавливая нас к встрече с ним.

И теперь мне казалось, что перед нами лежит не он, а икона того незримого мира, который он так ясно видит теперь. И у меня тоже была возможность «увидеть», убедиться, что ныне владыка со Христом, со святыми, что он достиг своей Субботы, и это смягчало мою боль. В душе звучали слова, совсем недавно услышанные мною из его уст: «Я знаю одно, что после моей смерти я не разлучусь ни с вами, ни с епархией».

Он произнес это, как бы говоря с самим собой, будто повторяя всем известный факт, а не свою личную веру выражая.

Глядя на него теперь, я недоумевала: разве можно, чтобы он или любой из нас умер? Ибо владыка был так полон жизни, жизни Христовой, что умереть не мог. И мы тоже не умрем. Это казалось таким очевидным. После того, как все приложились к телу владыки, случилось нечто замечательное и неожиданное. Люди безмолвным кольцом окружили гроб и долго стояли возле него. Не было произнесено ни слова. Все вокруг было полно благоговейным любовным молчанием: будто мир и покой владыки изливались на нас, а от нас вновь возвращались к нему. Нечто похожие случилось накануне похорон, уже после наступления темноты, около десяти вечера. Никто не хотел уходить домой. Даже дети сбежались, чтобы побыть с владыкой. Всем хотелось остаться с ним немного подольше – в бдении и душевном покое. Ощущение того, что все мы причастны неизреченной, незримой красоте было сильнее печали».

Незадолго до своей кончины владыка в соборе после службы говорил о своей надежде: «В союзе дружбы и сотрудничества между тем, что останется от меня, владыкой Василием и владыкой Анатолием, я надеюсь, мы будем строить единую Церковь; что те разногласия, те расхождения, которые разрывали нашу жизнь в этом приходе в течение последнего года, будут побеждены. И что снова у нас будет, как в самые трудные, но и самые творческие времена, единство творческих сил православных людей для строительства Церкви».

Мои рижские друзья, посещающие Лондонский собор во время своего пребывания в Англии писали мне, что после ухода владыки атмосфера прежней церковной жизни сохранилась, здесь всегда «живет его доступный дух».

«Мы должны быть сиянием Божественной любви, мы должны быть любовью», – всегда говорил владыка. Он был поистине апостолом любви. Печать апостольского духа была в нем. Не случайно день его кончины – день равноапостольной Марии Магдалины. Этот апостольский дух владыки почувствовали в дни пребывания

у него в мае 2000 года мои московские друзья психологи Федор и Ольга. «В лице владыки, – писали они мне, – мы встретились с личностью апостольского ранга».

«Митрополит Антоний, – писал Сергей Аверинцев, – принадлежит к тем христианам, вера которых – не уютное тепло для души, а огонь духа, как во времена пророков, мучеников, пустынножителей, когда люди были готовы на любую жертву, шли до конца и делали невозможное. Огонь – это и есть огонь, его не примешь ни за что другое».

Нет никакого сомнения в том, что Церковь причислит митрополита Антония Сурожского к лику святых. Он – живой святой, – сказал о нем Сергей Аверинцев еще при жизни владыки.

Весной 2003 года я получил подарок от владыки – его книгу «Пути христианской жизни» с надписью: «О. архимандриту Виктору надеюсь – на радость. м. Антоний».

Мы все ждем радости, и она приходит к нам от Господа.

Священник ВЛАДИМИР ЗЕЛИНСКИЙ

РАЗУМ И ПИСАНИЕ

«Печаль» и «веселие»

Есть два внутренних побуждения, стимулирующих работу нашей памяти, как бы два удара молоточком, которые высекают воспоминания, таящиеся под спудом: перенесенная некогда боль (во многих ее разновидностях: стыд, гнев, обида...) и благодарность. Голос благодарности куда более тихий, чем стон боли, зато у нее больше тем, вариаций, имен. Благодарность – это всегда зашифрованная весть о Боге, о Котором мы узнаем, еще до того, как овладеваем языком или только алфавитом веры. Иногда оба эти вида памяти, та, которая отзывается болью и та, которая откликается благодарностью, как бы сливаются воедино. «Нет ничего страшнее памяти смертной и дивнее памяти Божией, – говорит Добротолюбие, – та вселяет спасительную печаль, а эта исполняет духовным веселием. Ибо пророк Давид поет: "Помянух Бога и возвеселихся", а Премудрый учит: "поминай последняя твоя и во веки не согрешишь" (Сир 7:39)». (Илия пресвитер, Добр. III, 432).

Последующее размышление будет посвящено скорее духовному веселию, чем спасительной печали, хотя и то, и другое служит познанию памяти Божией. Но если говорить о познании Священного Писания, то оно происходит прежде всего в радости, с «веселием Давида». «Радуюсь я слову Твоему, как получивший великую прибыль... Душа моя хранит откровения Твои, и я люблю их крепко» (Пс 118, 162, 167). Впрочем, всем ли эта радость доступна, всякая ли душа готова откровения полюбить? Есть старый забытый спор о восприятии Библии, так до сего дня и неразрешенный. Протестантизм говорит (устами Лютера): нет на свете более ясной Книги, всякий сапожник, любая кухарка способны ее понять. Православие откликается (когда откликается): да, действительно, Библия может быть яснее ясного, но ведь эту ясность надо

еще стяжать, этой ясности надо научиться, принять ее своим духом, т. е. сделать его годным, восприимчивым к такому принятию. И потому начнем со спасительной печали покаяния в своем неразуме, в гордыне и несмирении, и дабы не согрешить ложным неспасительным мнением, пойдем, прежде всего, на выучку к тем, кто уже воспитал свой ум для Божия Слова, т. е. к толкованиям святоотеческим.

Если мы прислушаемся к католическому решению, то оно типологически близко к православному, только здесь роль святоотеческого наследия при подходе к Писанию принимает на себя не какая-та далекая в веках, духовная и неоспоримая инстанция, а вполне конкретная иерархическая структура, следующая в свою очередь не менее конкретным авторитетам и вероучительным документам, последним из которых является Конституция Второго Ватиканского Собора *Dei Verbum*.

Пожалуй, православное решение, изложенное здесь достаточно вольно, представляется мне наиболее глубоким, хотя ни один древний авторитетный учитель не вправе лишать ученика его свободы. Чтение Писания, или скорее общение с ним, – это всегда благодатное событие, которого Христос удостаивает нас, но к этому достоинству ума, внимающему Слову Божию, мы еще должны найти доступ. Откровение Писания подобно чуду, а чудо, как мы знаем, происходит по милости Божией, как и по нашей вере. В данном случае речь идет о чуде, которое совершается в разуме.

Спрятанная жемчужина

Описание этого чуда в Евангелии очень кратко, оно занимает одну строку. Строка эта всегда казалась мне загадочной. Когда Иисус перед самым Вознесением в последний раз встречается со Своими учениками, ест с ними рыбу и мед, Он как бы выступает экзегетом Своих слов, сказанных во времена земного Его служения. «Вот то, о чем Я вам говорил, еще быв с вами, что надлежит

исполниться всему, написанному о Мне в законе Моисеевом и в пророках и псалмах. Тогда отверз им ум к уразумению Писаний» (Лк 24:44-45).

Ученики Воскресшего, должно быть, и раньше не были обделены умом и, разумеется, знали Писание, причем не понаслышке, как «невежды в Законе», а пройдя школу самого Иисуса, у которого Писание, судя по евангельским свидетельствам (особенно от Матфея), буквально не сходило с уст. И все же ум их нуждался в «отверзении», в неком изменении внутреннем для того, чтобы уразуметь то, что они и так знали, помнили, может быть, выучили назубок. Но Христос «отверз им ум», словно дал опознать Самого Себя в «законе..., пророках, псалмах». Мы знаем, что чтение священных Текстов было действием сакральным, овладевающим не только умом, но и освящающим все существование иудея. В религии Моисея всегда существовала традиция разгадывания тайного эзотерического смысла, скрытого за буквами Торы, и в этом смысле Иисус как бы оставался в ее русле. Однако тайный смысл Писания есть в то же время смысл предельно открытый. Этот смысл есть Он Сам, Бог-Слово, Слово же говорит, обращается к нашему разуму. «Я говорил явно миру, – так Иисус защищает Себя на суде первосвященников, – и тайно не говорил ничего» (Ин 18:20). Открытость, явленность Христа остается самой непостижимой Его тайной. И эта явленная тайна живет и в нашем познании. Слово Божие мы стремимся познать верой, но верой, взыскующей разума, не желающей оставаться в некотором мистическом полумраке со скользящими вокруг тенями. Недаром образы Христа, которые мы находим в Писании и достойных доверия толкованиях его, всегда конкретны, зримы и даже предметно «тверды». Он – жемчужина, спрятанная в поле, по толкованию св.Иринея Лионского, однако поле – это весь мир. «Эта жемчужина сокрыта в Писании под покровом разных образов и притч, которые нельзя было понять до пришествия Христова, – говорит св.Ириней. – Об этом было сказано пророку Даниилу: “сокрой слова сии и запечатай книгу сию до последнего времени; многие прочитают ее и умножится ведение”» (Дан 12:4).

Однако – прервем цитату – эту жемчужину мы находим, она сама бросается нам в глаза. «Также и Иеремия говорит, продолжает св. Ириней. – "В последующие дни вы ясно уразумеете это" (Иер 23:20). Поистине всякое пророчество являлось лишь в качестве загадок, но в момент совершения оно приобретает точное свое значение» («Против ересей»). Ириней Лионский традиционно относит это различие пониманий Ветхого Завета к противопоставлению иудейского и христианского истолкования Писания, но разве не были уже христианами те благочестивые иудеи-апостолы, обедавшие когда-то с Воскресшим Господом на берегу Галилейского озера? Однако и они, как читаем, нуждались в «отверзении ума». И не только они, но и мы с вами тоже, и, наверное, куда в большей степени. Дело здесь вовсе не в притчах и прикровенных образах; многоценная жемчужина заброшена в нас в виде совершенно ясных евангельских слов («ибо на свете, повторим, нет более ясной книги»), и вместе с тем каждому эту ясность нужно извлечь из неисследимой тайны, до последней глубины которой никому из нас не добраться.

Исполнение Слова

«Исследуйте Писания… а они свидетельствуют о Мне», – говорит Иисус (Ин 5:39). Попробуем подойти к свидетельству Писания, начав со времени, на которое ссылается св. Ириней. Иеремия предрекает «последующие дни», благоприятные для уразумения, Даниил – «последние времена, когда умножится ведение». Вспомним слова Иисуса в синагоге Назарета после чтения пророка Исайи: «Ныне исполнилось писание сие, слышанное вами» (Лк 4:21). Все Писание исполняется во Христе, Закон и Пророки, Писание надежд, когда от «избытка сердца говорят уста» и безмолвное писание твари, «стенающей доныне», писание звезд и писание трав, писание рек и писание времен. «Последние времена» или «последующие дни» вмещают в себя полноту Божию, телесно обитающую во Христе. Также и земные, исторические дни

Иисуса могут стать днями исполнения Слова, вместить в себя полноту Царства Божия.

«Пришел Иисус в Галилею, проповедуя Евангелие Царствия Божия и говоря, что исполнилось время и приблизилось Царствие Божие» (Мк 1:14-15).

Время исполняется – онтологически, в предвечном замысле Божием – и остается историей, часами и днями, проведенными в Галилее. Царство приблизилось – и осталось невидимым, как для глаз, так и ума. Две тысячи лет существования Церкви Христовой представляются мне путем в сторону Царства, которое близко, в каком-то немыслимом соседстве с нами, хотя мы его и не видим, к этому исполнившемуся времени, хотя мы его и не чувствуем. Это царственное время приоткрывается в опыте святых, в молитвенном подвиге и озарении, в любви, которая не ищет своего, наконец, в таинствах Церкви, прежде всего в Евхаристии. Когда мы приближаемся к этому опыту, мы имеем в себе свидетельство, которое невозможно уловить, хотя оно и остается в нашей памяти, того что нечто действительно произошло. «Новое время, время Царства Божия и исполнения его Церковью, входит теперь в падшее время "мира сего", чтобы нас, Церковь, возвести на небо и претворить в то, "что она есть": Тело Христово и Храм Святого Духа» (Прот. А. Шмеман «Евхаристия. Таинство Царства». Париж, 1988. С. 59).

«Претворить в то, что она есть» можно и должно не только Церковь как Тело Христово, но и Церковь как Слово Божие, которое пребывает внутри нас. Писание есть словесное Тело Христово и местопребывание Святого Духа, построившего Себе храм в священном Тексте. Однако «Всевышний не в рукотворных храмах живет», по слову первомученика Стефана (Деян 7:48), стало быть, не только в буквах, фразах и смыслах Текста, хотя этот текст служит для Него почвой и кровом, и телом, но в чем-то таком, что нельзя ни осязать, ни помыслить. Так и Писание, когда разум усваивает его, цитирует, анализирует его текст, остается по сути скрытым, нуждающимся в том, чтобы его открыли, отверзли для подлинного разумения, для исполнения времени его – в нас.

Покрывало, лежащее на сердце при чтении Писания, снимается Христом, как говорит ап. Павел (см. 2 Кор 3:15). Павел в своем послании говорит лишь о «сынах Израиля», но здесь есть иносказание. Такое же покрывало лежит на сердцах у всех, и снимается лишь употребляющими усилие, по слову Иисуса (Мф 11:12). Когда наш ум уразумевает для себя Писание, то Царство будущего века, Царство Христово, выступает из его скрытых недр и заполняет его, и тогда наш ум становится неожиданно свободным и в эсхатологическом смысле «царственным».

«Ибо вот, Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк 17:21).

«Тайна, сокрытая от века...»

Есть прямая аналогия между «внутренним деланием» и уразумением Писания, ибо и то и другое совершается в сердце человека. Разум, который делает вид, что отдает приказы, – говорит нам «пойди», и мы идем, говорит «сделай», и мы делаем – на самом деле лишь выполняет работу управляющего. Он ведет нашу мысль туда, куда ему указали, однако того, кто задает направление, всегда бывает почти невозможно застать за работой. «Из сердца исходят злые помыслы...» (Мф 15:19) – и наш ум с готовностью облекает их в мысленную форму, однако когда к сердцу приближается Царство, пусть даже издалека, оно может дать какие-то побеги и в нашем разуме, даже и в философствующем. Отсюда возникают многие непреложные доказательства бытия Божия, чей мрамор тотчас превращается в солому, как только Тот, Чье бытие мы хотим доказать, исчезает с нашего горизонта.

Мы знаем, что есть аскетическая практика нисхождения ума в сердце, коей овладевали лишь после долгого молитвенного подвига, и она применима в той же мере и к аскезе Писания. Ум нисходит в сердце Писания, освобождаясь от тяжелого покрывала, затемняющего его смысл. И там, в сердце, которое открывается приблизившемуся Царству, наш разум учится читать по складам «письмо Христово (через служение наше) написанное не чернила-

ми, но Духом Бога Живаго, не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца» (2 Кор 2:3). И здесь говорит иносказание, если мы вспомним известную молитву: вынь из меня сердце каменное, даждь мне сердце плотяное. Ибо от каменного сердца каменеет и разум, плотяное же сердце, сердце, которое перекачивает живую кровь, может овладеть и азбукой «письма Христова», написанного Духом.

«Отцы и братия, – говорит св. Симеон Новый Богослов, – духовное познание подобно дому, построенному посреди познания мирского и языческого, в котором хранится запечатанный шкаф, а в нем сокровище богодухновенных Писаний, и это сокровище никогда не смогут увидеть входящие в дом, пока не будет он им открыт. Однако человеческое знание никогда не сможет открыть его, и потому богатства заложенного в нем Духа остаются неведомыми мирским людям.

Человек, не сведущий о том богатстве, заключенном в запечатанном шкафу, может взвалить его себе на плечи, как он мог бы прочитать и выучить наизусть все Писание, цитируя его как Псалом, не ведая о том даре Духа Святого, который сокрыт в нем.

Когда Христос отверз ум Своих учеников для уразумения Писания, Он открыл его как некое хранилище, чтобы пролить свет на то, что таилось в темноте, было там спрятано. Таилось же там пророчество о Живом Христе, Который в тот момент стоял перед апостолами, о Его распятии, Его телесном Воскресении («осяжите Меня и рассмотрите...»), и собственно, именно такое опознание истины сделало их апостолами, «отверзение ума» было действием Святого Духа еще до Пятидесятницы. Ну, а после нее, когда мы уже не знаем Христа по плоти, Дух совершает то же чудодействие: отверзает ум наш, запечатанный как сейф, запертый как темница, чтобы освободить тайну Христа, «тайну, сокрытую от века...», которая загорается в сердце и облекается в познание, оставаясь недоступной, непознаваемой.

«Молитесь также и о нас, чтобы Бог отверз нам дверь для слова, возвещать тайну Христову, за которую я и в узах» – восклицает апостол Павел (Кол 4:3).

«Затмение Бога»

Только почему дверь эту надо все время открывать? Почему тайна Христова нуждается в освобождении или в очищении, требующем усилий? Нелегко объяснить почему, но мы знаем твердо, что это так. «Слово Божие живо и действенно и острее всякого меча...» (Евр 4:12), но меч тупеет и ржавеет в уме нашем, оставаясь без употребления. Тайна тускнеет с ужасающей быстротой, если не снимать с нее тяжелых испарений земли или патины времени. «Затмение Бога» – так называется одна из книг Мартина Бубера, – есть не какое-то помрачение лишь одной тупой безбожной эпохи, но постоянный фон человеческого существования в истории. В современном российском обществе, лишь так недавно вышедшем из беспросветной полосы гонений и зажимов, поначалу, казалось бы, религиозно встрепенувшемся, потянувшемся к Слову Божию, доля постоянно читающих Священное Писание, живущих им, вероятно, достаточно мала среди массы переступающих порог православных храмов, а сама эта масса, заметим, никак не превышает пяти процентов российского населения. На Западе же столько отпрысков из традиционно христианских семей, в юности побродив по наркотикам, дискотекам и восточным религиям, часто в конце концов так и остаются в одной из них, например, буддизме, кришнаизме или исламе. Причина проста, по крайней мере, на первых порах: им там ново, экзотично, а, главное, нескучно. Потом, когда вы принимаете какую-то веру, ее логика начинает действовать в вас уже самостоятельно, а западный человек нередко следует своей логике до конца. Так, в Италии самые жесткие, наименее диалогичные из приверженцев Корана, требующие снятия распятия со школьных стен, – прозелиты из итальянцев.

Впрочем, может быть, они и правы. Когда средоточие веры нашей, осязаемое, как все в христианстве, и столь же недоступное для разумения, выглядит как некая безделушка, часть мебели, атрибут культуры (защитники распятий, так и говорят: «атрибут культуры»), может быть, его лучше спрятать. Не берусь судить.

Но точно также и Слово Божие, распахнутое для всех, беззащитное, как и любые человеческие слова, легко становится частью нашей повседневной, нашей религиозной, нашей стершейся речи. Нет слова более изношенного, чем «Бог». Если где-то существует Гулаг для слов, то «Бог» должен находиться там в самом гиблом, последнем месте, на общих работах. Ибо «Бог» не сопротивляется, не защищает Себя ни от повседневной болтовни, ни от того, чтобы служить атрибутом нашей атавистической, племенной или сентиментальной религиозности. В иудаизме (да и в исламе тоже), предусмотрены специальные средства ограждения святости того, что не должно произноситься всуе. Да и в христианстве, в различных его традициях – православной, католической, протестантской – такие средства имеются, только остаются без употребления.

Часто бывает невыносимо видеть всю эту захламленность на «месте святе». Проповеди, которые мне доводится иногда слышать по телевизору или в храмах, многословны, приземленны, благодушно моралистичны, иногда невыносимо пересахарены. Священные символы как атрибуты культуры стареют прямо на глазах, жизнь медленно-медленно (ибо традиция еще сильна) тает в них. Христианство, на мой взгляд, уходит в какое-то подполье, может быть, очень уютное, очень культурное, со всеми юридическими гарантиями для свободы совести, предоставляемыми обществом, которое эту самую совесть душит иным, но тоже очень цивилизованным способом.

Впрочем, и подполье может пойти нам на пользу. Оно в силах сделать то, что не удалось сделать ненависти и насилию: пробудить память о смертности христианской цивилизации, как и о смертности нас самих не только как биологических существ, но и как наследников великого Предания, которое будет некому оставить. Не потому, что последующие поколения будут совсем уж невосприимчивы к наследию христианства, но потому что мы разучимся открывать Слово Божие, в самих себе. В самые благополучные, в самые «симфонические» времена об этом предупреждали столь укорененные в этом наследии святые как Игнатий

Брянчанинов, Феофан Затворник, Иоанн Кронштадтский. Их исторический пессимизм, звучавший, вероятно, чудачеством в православной империи, оправдал себя более чем с лихвой, однако ни пессимизму, ни оптимизму в христианстве никогда не принадлежит последнее слово. Последнее Слово – всегда Божие, и каждому поколению, каждой христианской душе следует отыскать его, ибо оно в нас самих.

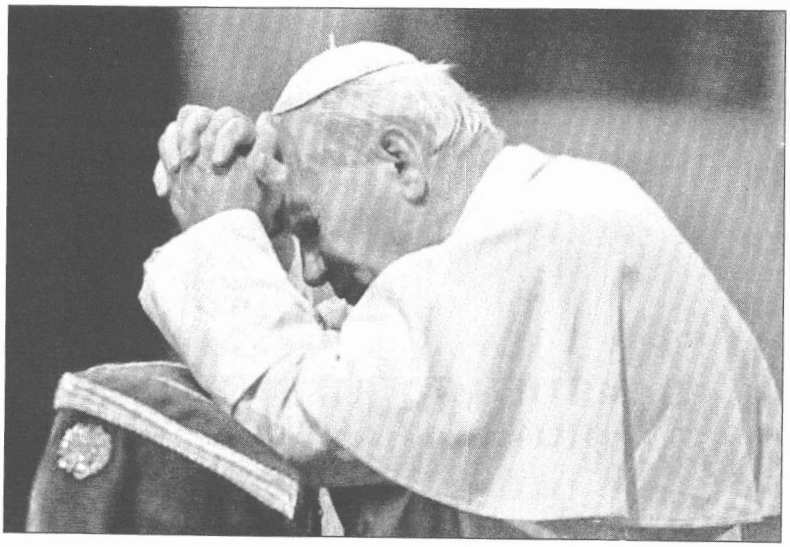
Оно есть то «письмо Христово», «написанное в сердцах наших, узнаваемое и читаемое всеми человеками» (2 Кор 3:2). В этом «письме» зашифровано, простите слишком современный язык, ДНК нашей человечности в Боге воплощенном. В том письме – ключ к любым открытиям, в том числе и научным, как и загадкам будущей истории. И когда его больше не хотят читать, оно как бы стирается само собой, и на месте его все прочие экзотические, мистические или гуманистические школы пишут свои письмена.

Когда Христос отверз им, ученикам, и всем нам, вслед за ними – ум к уразумению Писания, Он открыл в то же время и природу нашего разума, способного, как некогда чрево Девы Марии, нести в себе тайну Слова. Эта Тайна и есть Он сам, который «вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр 13:8). Вчера – в Писании, сегодня – в вере, во веки – как Судья, Спаситель, Премудрость, сотворившая мир и Любовь. Это открытие разума дается и как дар и как задание всей жизни, требующее извлечения, откапывания, ибо Слово всегда лежит глубже, чем мы видим, чем можем догадаться. Это раскапывание требует иногда не только неимоверных, непрестанных усилий, но и множества жертв. Столько ценных пород нашей души приходится выбрасывать, столько глубоких мыслей бывает необходимо подвергать «феноменологической редукции», чтобы докопаться до их ядра. Но многоценная жемчужина стоит того. Ибо в ней Закон и Пророки, Отцы и свидетельства собственной нашей души. Я хотел бы вспомнить под конец слова одного из самых великих учеников Христовых, преп. Максима Исповедника, который точнее, дерзновеннее говорит то, что и мне хотелось бы сказать:

«Научившийся, наподобие патриархов, откапывать в себе (духовное) делание и созерцание колодези ведения, обретает внутри (них) Христа – Источника Жизни. Премудрость нас призывает пить из него: “Пий от своих сосудов и от твоих кладенцев источника” (Притч 5:15) – исполняющие это обретут сокровища Ее, сущие внутри нас». (Прп. Максим Исповедник Гностические главы, Вторая Сотница, 40).

«Слово Священного Писания благодаря возвышеннейшим умозрениям совлекает с Себя (всю) телесную связь речений, облекших его, являясь словно в гласе хлада тонка (2 Цар 19:2) зоркому уму... Подобное случилось с великим Илией, удостоившимся в пещере Хоривской столь великого видения... Пещера же есть сокрытость мудрости, (таящейся) в уме; оказавшийся в ней таинственно ощутит ведение, которое превыше всякого чувства; в ней, как говорится, обитает Бог» (Там же, 74).

ПАМЯТИ ПАПЫ РИМСКОГО ИОАННА ПАВЛА II



Папа Римский Иоанн Павел II
(1920–2005)

Кароль Юзеф Войтыла родился 18 мая 1920 г. в городке Вадовице (Краковское воеводство, Польша) в семье офицера польской армии Кароля Войтылы и школьной учительницы – Эмилии, урожденной Качоровской, которая умерла когда Каролю было девять лет. В молодости Кароль увлекался театром, какое-то время это было его целью: изучить литературу и стать профессиональным актером. 22 июня 1938 года Кароль Юзеф поступает на философский факультет Ягеллонского университета в Кракове. Обучение прервала Вторая мировая война. Во время гитлеровской оккупации Польши К. Войтыла работал на химзаводе в Кракове; был постоянным участником – в качестве актера, режиссера, драматурга – подпольного театра-студии; участвовал в деятельности нелегального католического кружка; учился в подпольной Краковской духовной семинарии и на богословском факультете Ягелоннского университета.

1-го ноября 1946 г. рукоположен в сан священника. Потом – учеба в католических университетах Италии, Швейцарии, Бельгии, активная пастырская деятельность среди польской эмиграции.

По возвращении в Польшу в 1948 г. Кароль Войтыла служил приходским священником, занимался преподавательской деятельностью в Краковской духовной семинарии, в Люблинском католическом университете. 16 декабря 1948 защитил докторскую диссертацию на богословском факультете Ягеллонского университета, а в 1953 г. защитил докторскую диссертацию со степенью заслуженного доктора: «Оценка возможности создания христианской этики на основе системы Макса Шелера». С 1957 по 1978 (год избрания Папой) он возглавляет кафедру этики в Люблинском университете. В 1958 г. рукоположен в сан епископа; в 1964 г. становится архиепископом и митрополитом Краковским, а в 1967 г. возведен в достоинство кардинала.

16 октября 1978 г. избран Папой Римским и принял имя Иоанн Павел II.

13 мая 1981 года террорист Мехмед Али Агджа в упор стреляет в Папу.

27 декабря 1983 года Иоанн Павел II приходит в римскую тюрьму, где беседует с покушавшимся на него Мехмедом Али Агджой.

13 апреля 1986 г. впервые в истории христианства Папа Римский посещает синагогу в Риме.

Иоанн Павел II (Кароль Войтыла) – автор 14 энциклик, 15 апостольских обращений, 11 апостольских конституций, 45 апостольских посланий; 5 книг, созданных в период его понтификата и множества богословских и философских трудов и художественных произведений, написанных в прежние годы. На русском языке издано большое количество его произведений в различных жанрах – от стихов и пьес до энциклик, проповедей и трактатов, – позволяющих представить себе масштаб литературно-духовного наследия Иоанна Павла II (Кароля Войтылы).

8 апреля 2005 года на площади святого Петра в Риме при участии миллионов людей было совершено отпевание Иоанна Павла II. Теперь он покоится в подземном гроте Ватиканской базилики, рядом со святым Апостолом Петром, – камнем, на котором Иисус Христос создал Свою Церковь.

В своем духовном завещании Иоанн Павел II призвал христиан «бодрствовать, ибо никто не знает часа, когда придет Господь».

Соболезнование
СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ II
по случаю кончины
ПАПЫ РИМСКОГО ИОАННА ПАВЛА II

3 апреля Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II направил в Ватикан послание соболезнования в связи с кончиной Святейшего Папы Римского Иоанна Павла II.

Его Высокопреосвященству Йозефу кардиналу Ратцингеру, Декану Священной кардинальской коллегии. Град Ватикан.

Ваше Высокопреосвященство!

Позвольте выразить Вам и в Вашем лице всей Полноте Римско-Католической Церкви глубокое соболезнование в связи с кончиной Его Святейшества Папы Римского Иоанна Павла II. Вместе с вами скорбим об утрате, постигшей Римско-Католическую Церковь.

Почившего Предстоятеля древней Римской кафедры отличали преданность избранному в юности пути, горячая воля к христианскому служению и свидетельству. Вопреки тяжелейшему недугу, он продолжал оставаться верным своему долгу, мужественно окормляя паству вплоть до последних дней. Безропотное перенесение страданий, сопровождающееся молитвой и упованием на волю Всемилостивого Господа, явило многим людям вдохновляющий пример.

Понтификат Его Святейшества Иоанна Павла II стал целой эпохой и в жизни Римско-Католической Церкви, и во всей современной истории. Личность усопшего Папы, его труды и идеи оказали большое влияние на ход мировых событий. Надеюсь, что наступающий новый период в жизни Римско-Католической Церкви поможет обновить между нашими Церквами отношения взаимного уважения и братской христианской любви.

Возношу молитву Победителю смерти и Владыке жизни Господу нашему Иисусу Христу о упокоении души Святейшего Папы Иоанна Павла II в селениях праведных. Вечная ему память!

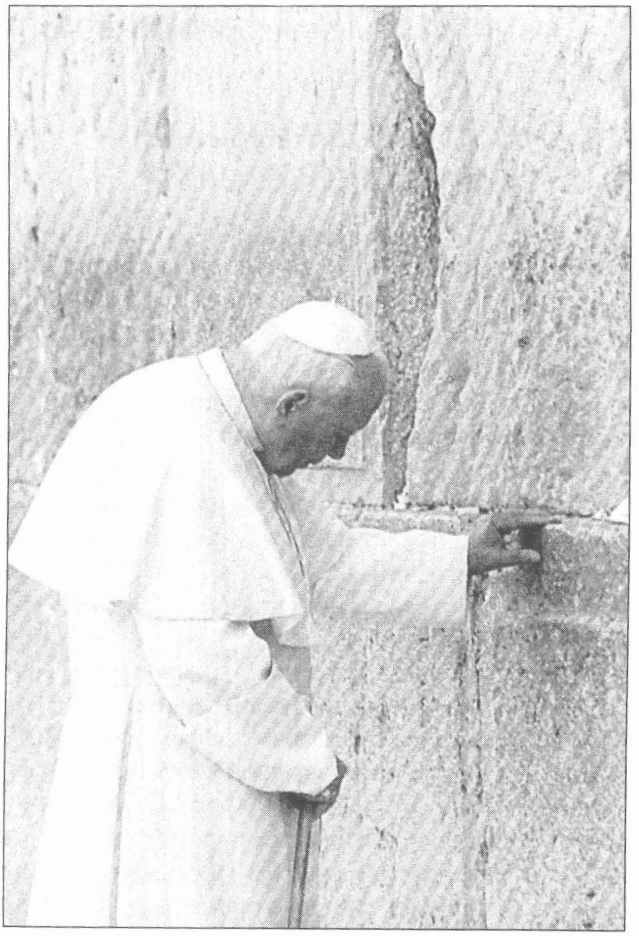
Алексий, Патриарх Московский и всея Руси.

Священник ГЕОРГИЙ ЧИСТЯКОВ

«NON OMNIS MORIAR» – «ВЕСЬ Я НЕ УМРУ»

В двух окнах на последнем этаже Апостольского дворца в Ватикане всю ночь с 1 на 2 апреля горел свет. Это означало, что там угасал Иоанн Павел II. Великий Папа, как назвал его кардинал Анджело Содано в своей проповеди на другой день после его смерти. На площади св. Петра в ту самую ночь, когда Папа уходил из земной жизни, собралось более 80 тысяч человек. И все молчали. Молча молились. Было слышно, как горят свечи… А всего лишь за два дня до этого Папа благословлял народ из того же окна, где теперь не гасили свет из-за его предсмертной болезни. Я бесконечно счастлив, что на Пасху был в Риме, был на площади св. Петра, участвовал в мессе и получил вместе с другими паломниками его благословение. Понятно, что Папа – святой, что он у Бога, что он теперь уже молится за нас. Но как пусто стало в этом мире! Как нужен был он нам здесь, как не хватает его теперь!

Иоанн Павел II был поэтом и драматургом, стихи он продолжал писать вплоть до последних лет своей жизни. Например, книга стихов-медитаций на библейские сюжеты – «Римский триптих», написана в 2002 году (издана на русском языке, в переводе с польского Аллы Калмыковой, в 2003 году). Он был священником и ученым, приходским пастырем, который духовно руководит жизнью своих многочисленных прихожан и служит для них мессу, исповедует и причащает, но он был и профессором, наставником своих студентов, читавшим лекции и руководившим их самостоятельной работой. Он был епископом, кардиналом, наконец, Папой, который отвечает за духовное здоровье всей Католической Церкви. Именно как Папа он объехал почти весь мир в качестве посла мира и надежды как для христиан, так и для тех, кто исповедует другие религии, и даже для агностиков и атеистов.



Папа Иоанн Павел II у Стены Плача.
Иерусалим, 2000 г.

Когда 13 мая 1981 года на площади св. Петра в Риме прогремели выстрелы из пистолета Мехмета Али Ахджи и Иоанн Павел II упал на руки своего секретаря Станислава Дживиша, казалось, что не только дни, но и часы его жизни сочтены. Журналисты уже ждали того момента, когда можно будет сообщить своим агентствам,

что Папа скончался. Этого, однако, не случилось. Вопреки мрачным прогнозам врачей, он выжил и встал на ноги, чтобы продолжать свое служение. Покушение было совершено в тот самый майский день, когда вспоминается явление Божьей Матери трем пастушкам из португальской деревни в Эстремадуре, которая по-арабски называется Фатима. И поэтому Папа сразу сказал, что не умер, прежде всего, благодаря особому заступничеству Пречистой Девы. Totus Tuus – «Полностью Твой» – было написано на его гербе. Tutto Tuo, Vergine Madre…

С тех пор прошло 24 года. «Сила Моя совершается в немощи», – сказал воскресший Христос апостолу Павлу (2 Кор 12:9). Если говорить об Иоанне Павле II, то в этих словах – ключ к тайне его жизни и служения. Папа, – в прошлом спортсмен, футболист и даже вратарь футбольной команды, – болел; он почти падал в обморок на глазах тысяч молящихся, ломал шейку бедра, а затем, несмотря ни на что, встал на ноги и, хотя каждый шаг ему давался трудно, он не сдавался. Говорил Папа с трудом и всё более тихим голосом, но при этом делался всё сильнее духовно. Слабея физически, Папа становился всё более просветленным и открытым, всё более решительным и смелым. Обычно с людьми такого просто не бывает. «Дух бодр, плоть же немощна», – говорит Иисус в Гефсиманском саду. Если в этой фразе содержится какая-то жизненная программа, которую предлагает нам Христос, то Иоанном Павлом II она выполнена полностью.

Очень важным моментом в жизни и служении Папы Войтылы стал радикальный пересмотр того, что было сделано от имени Церкви в течение столетий. С самого начала своего понтификата вместе с митрой и посохом святого Петра он взял на свои плечи ответственность за то, что происходило в Католической Церкви во времена бесчисленных его предшественников. За разрыв с христианским Востоком и православием, за зверства инквизиции и религиозные войны, за процесс Галилея и казнь Яна Гуса и Джордано Бруно, за антисемитизм и фактическое участие в работорговле, за осуждение Мартина Лютера и за многое другое. В книге Луиджи Аккатолли «Когда Папа просит прощения» можно найти ана-

лиз 25 публичных заявлений Папы, которые начинаются словами: «Я прошу прощения».

За многочисленные отступления от Евангелия, происшедшие в течение многовековой церковной истории, Папа просил прощения, словно это была его личная вина. Смиренно и без попыток доказать, что в условиях прошлого то или иное явление было естественным или оправданным. Таков был этот человек, который не боялся ничего кроме неправды и, главное, полуправды. Разумеется, чтобы просить прощение, нужно было проработать каждую из проблем чрезвычайно серьезно, и это Папа делал со своими сотрудниками, что нашло отражение в соответствующих документах.

Но необходимо было и другое. Чтобы сказать mea culpa – моя вина, ему нужно было огромное личное мужество. Ибо этим признаниям препятствовали очень многие католические иерархи, которые считали, что делать этого ни в коем случае не нужно и ни при каких обстоятельствах, ибо «есть темы, которые лучше не затрагивать, так как разговор о них может повредить Церкви». Но Папа Войтыла пошел своим путем. Вопреки опасениям тех, кто полагал, что такое покаяние только ослабит Церковь и подорвет ее влияние в обществе, он понял, что «очищение памяти» необходимо. И ввел Римско-Католическую Церковь в новое тысячелетие действительно обновленной. Не случайно же Папа называл наше время «весной христианства». Проводя в жизнь решения 2-го Ватиканского Собора, именно он протянул руку православным и протестантам, считая, что давно прошла пора называть их христианами «второго сорта».

Когда этот старый, безнадежно больной и немощный человек, за плечами которого было и противостояние нацизму, и 50-летнее священническое служение, и огромный опыт пастыря, своим надтреснутым голосом просил прощения, это производило впечатление и на верующих, и на неверующих. Каждая его зарубежная поездка была событием. И всегда паломничеством. Не случайно Папа, спускаясь по трапу с самолета, всегда склонялся ниц перед землею той страны, куда он прилетел, и целовал эту землю, как целуют кого-то родного.

Мне довелось встречаться с Папой раз десять в его покоях, говорить о России, о нашей жизни, о Соловках… Иоанн Павел II мечтал посетить Соловки в качестве простого паломника. О Соловках он знал очень хорошо, потому что лет 10 тому назад прочитал по-итальянски (тогда еще не выпущенную в русском варианте) книгу Юрия Бродского «Соловки. Двадцать лет особого назначения». Папа мечтал склонить колени у безымянных могил, потому что здесь никто не знает, кто где похоронен. Этого не случилось. А ведь он так любил Россию, так дорожил тем, что у него в гостях бывали русские. А главное – Папа любил православие, считая, что христианство непременно должно дышать двумя легкими – западным и восточным.

Однажды я подарил ему Евангелие на церковно-славянском языке, Папа попросил открыть его наугад и прочитать несколько стихов. Я читал по-славянски, а он, узнавая текст, повторял прочитанное на польском и итальянском… Мне кажется, что Евангелие он знал наизусть. Но дело даже не в этом. Главное, что Папа был человеком Евангелия. Когда-то Франциск Сальский, французский святой, живший на рубеже XVI и XVII веков, сказал, что жизнь святого отличается от Евангелия тем, что Евангелие похоже на ноты, а жизнь святого – на музыку, которая исполнена по этим нотам. Именно такой была его жизнь… В ней все было согласно с Евангелием. В ней все было Евангелием пронизано. В ней все светилось и искрилось светом Христа, который просвещает всех.

19 октября 1997 года, когда Папа прославил маленькую Терезу из Лизье как учителя Церкви, Евангелие во время мессы на площади San Pietro читалось не только по-итальянски, но и на церковно-славянском языке. А затем Иоанн Павел II взял славянское Евангелие из рук дьякона и благословил им молящихся. Вечером того же дня я был у него во время ужина. Папа подарил мне золотой крест, благословил меня им и расцеловал как сына. Теперь я храню этот крест как святыню. Во мне, русском православном священнике – именно сына, именно родного человека увидел Папа Иоанн Павел II.

«Останься с нами, Господи», – эти слова из пасхального гимна Папа положил в основу своего последнего обращения Urbi et orbi, прочитанного кардиналом Анджело Содано в пасхальное воскресенье на площади Святого Петра. Именно Господь, умерший и воскресший, не оставляет нас ни при каких обстоятельствах, если только мы сами Его не отталкиваем от себя. Папа учит нас, как нужно жить, чтобы Иисус всегда оставался с нами, чтобы Он и Его Евангелие составляли сердцевину нашей жизни. Помнится, 13 мая 1981 года после выстрелов Али Ахджи, которые чуть было не лишили Папу жизни, мне подумалось, что теперь после такого ранения Иоанн Павел II, которого я, конечно, будучи в советские времена «невыездным», не знал и никогда не видел, не проживет долго. От этого было очень больно. Но Бог даровал ему долгие годы, конечно, именно для того, чтобы все мы, общаясь с ним и вслушиваясь в его проповеди, становились лучше.

Но есть в жизни Иоанна Павла II еще один аспект. Как-то прощаясь со мною, Папа сказал: «Я каждый день молюсь за тебя, Ежи». Обычно мы с ним говорили по-итальянски или по-французски, но обращался он ко мне, используя польский вариант моего имени – Ежи. «Я каждый день молюсь за тебя, Ежи». Он молился… Молился за сотни, тысячи, за десятки тысяч людей, имена которых держал в своем сердце. Он знал, что такое молитва, ее сила, он умел молиться…

И, хорошо помня всех, кто у него бывал и с кем он встречался, всех нас он посвящал Богу. Великую силу его молитвы я не раз испытал на себе. В эпоху сверхскоростей, интернета и мобильной связи, мы, сознавая, как важно живое слово, личный пример и мудрость проповедника, часто забываем о том, что Иисус учил нас, прежде всего, непрестанно молиться. Иоанн Павел II не забывал об этом никогда. Он молился сам и учил молитве других.

Чтобы понять, кем был Иоанн Павел II и почему ему удавалось так много, достаточно вспомнить, как он молился во время богослужения. Папа уходил в молитву полностью, с закрытыми глазами он держался за Крест и светился весь, словно свеча перед иконой. Но, что особенно важно, в этой молитве он не уходил от мира

и от людей вокруг себя, не замыкался в своего рода затворе на глазах у миллионов, но, наоборот, полностью сливался с ними в одно единое целое по слову Иисуса «да будут все едино». Именно молитва, именно вера, именно живая мистическая связь с Иисусом делала его непобедимым.

«Обращенная ко Всевышнему, моя молитва совершается вместе с Марией, вместе с возлюбленными паломниками в Фатиме, она сливается в одно благодатное делание, в котором мне бы хотелось пребывать всегда и вместе со всеми: с четками в руке, со сладостным именем Матери на устах и с песнью Любви – Милости Господни во век воспою – в сердце». Так говорил Папа в Фатиме, когда приехал сюда в мае 1982 г., ровно через год после покушения. Конечно, под руководством Иоанна Павла II подготовлено множество блестящих документов и весьма глубоких по содержанию энциклик (о каждой уже написаны и еще будут написаны десятки книг), однако тот, кто по-настоящему хочет познакомиться с Папой Войтылой, должен прочитать всего лишь небольшую книгу под названием «В час Розария». Её опубликовал в начале 90-х гг. в Риме Леонардо Сапиэнца.

В этой книге собраны тексты тех коротких проповедей, что Папа регулярно произносил (зачастую без подготовленного заранее текста) перед тем, как начать чтение Розария вместе с теми, кто собирался на площади перед его дворцом в Кастель-Гандольфо или в любом другом месте, где он возглавлял общую молитву с четками в руках. Как это обычно по вечерам делается в сельских костелах его родной Польши и повсюду, где живут католики. На самом деле – на всех континентах.

Особенность Розария состоит в том, что его можно читать в полном одиночестве, вдвоем или втроем, но можно, как делал это Папа, молиться по четкам вместе с тысячами собравшихся для этого людей. «Молитва Розария, – говорил Иоанн Павел II, – это молитва человека за человека, молитва человеческой солидарности, общая молитва искупленных, в которой отражаются дух и надежды первой Искупленной – Марии, Матери и образца Церкви. Молитва за всех людей мира и истории, живых или умерших,

призванных быть вместе с нами Телом Христовым и стать вместе с Ним сонаследниками славы Отца».

Здесь речь идёт всё о том же: об удивительной силе молитвы, которая объединяет людей друг с другом и тем самым, как ничто другое, преображает нашу жизнь. Христианство – это семья. Иоанн Павел II иногда говорил об этом, но, главное, – просто показывал это каждому без всяких слов, когда оставался со своими прихожанами как отец с детьми на площади у собора Св.Петра или в любом другом месте и молился вместе с ними. Мне вспоминается встреча Папы с итальянскими школьниками. Это было в Риме в один из жарких летних дней, когда в пять часов, а именно тогда началась эта встреча, солнце жарит вовсю и воздух всё более раскаляется. Папа казался усталым, а школьники шумели, орали, пели и вообще выделывали что-то невообразимое. Иоанн Павел II был счастлив. Уходя, он еле держался на ногах, но при этом светился от радости. «Как хорошо!» – сказал он нам, войдя в притвор собора.

То же самое бывало, когда он встречался с шумными африканцами или арабами – не только с католиками, но с представителями всех без исключения исповеданий и религий. Иоанн Павел II – это человек, умевший преодолевать любые барьеры. Он не умел идти на «политические» компромиссы, но знал, как протянуть руку каждому и открыть сердце ему навстречу.

Неслучайно, наверно, ушел он в радостные и ослепительно белые пасхальные дни. Смерть его была трудной, но какой-то особенной, ибо каждому было понятно, что уходит не в небытие, но к Богу. Именно как santo subito – «святой немедленно», – как восклицали собравшиеся на площади Святого Петра паломники в день его похорон. Смерть – «вершина прозрачности». Так писал Папа в «Римском триптихе», восклицая вместе с Горацием non omnis moriar – «весь я не умру»… Ибо «всё, что нельзя разрушить во мне, теперь стоит лицом к лицу с Ним, Сущим!».

Рим – Москва

ОЛЬГА СЕДАКОВА

TOTUS TUUS – «ЦЕЛИКОМ ТВОЙ»[1]

Первыми словами, с которыми новоизбранный папа Иоанн Павел II обратился к народу (в Риме в 1978 году), было «Не бойтесь!» Этот призыв, с которым в Св. Писании обращаются к людям ангелы и пророки (перед тем, как возвестить посещение Бога), остался главной темой его понтификата. Папа описывал современную цивилизацию как цивилизацию страха: как тюрьму из множества страхов, из вытесненной в подсознание паники, которая определяет поведение, состояние, высказывания современного человека. Выпрямиться, освободиться, ободриться, восстановить свое изначальное достоинство, достоинство любимого создания Божиего – в этом он видел действие евангельской вести, которую всеми силами возвещал в мире (и в последние годы – силами уже более чем человеческими, превозмогая собственное физическое страдание). «Показать миру Бога, ясного, как день» – цитировал он своего любимого польского поэта. Показать Его как безмерную Любовь – в которой одной и есть спасение от запуганности и рабства. Как Истину, которая освобождает. Как бесконечно Новое, рядом с которым шумные новинки прогресса – дряхлая ветошь. В нем самом чувствовалось это великое бесстрашие: перед лицом мнений и суждений, перед лицом многих принятых и как будто не подлежащих переосмыслению установлений, перед лицом требований «обновления» традиции любой ценой. Он не боялся того, что в мире считают унижением: просить прощения, выражать благодарность, служить другим и прощать. Он совершенно не боялся быть «учеником Христовым»,так он сам однажды определил себя (*В ответ на вопрос журналиста, каким образом он, человек, мельчайшие подробности жизни которого публично оглашены, про-*

[1] Девиз на гербе Папы Иоанна Павла II.

должает оставлять впечатление загадочности, Папа ответил: «Нужно просто видеть во мне ученика Христова» – О. С.)

Цивилизация страха и безнадежности, которая принимает форму всеобщего цинизма, – вот к какому миру он обращался, призывая современников осмелиться на надежду.

Его любили все, кому довелось его увидеть и услышать (а это миллионы на всех континентах), – и очень мало кто его послушал. Как-то в Ирландии (где мне случилось оказаться вскоре после его визита) мне рассказали, как толпы народа на коленях и со слезами слушали его слова о необходимости мира и прощения – и, едва он уехал, вновь начались террористические акции ИРА. Его предложения о решении самого разного рода конфликтов (не только политических и религиозных, но и старых споров веры и разума, церкви и свободного творчества) остались по большей части без ответа. «Лето благоприятное», «изменение лица земли», которое первый славянский Папа хотел возвестить, на нашей земле, как мы видим, не наступило. Во всяком случае, видимым для всех образом. Его вестник, его свидетель, Иоанн Павел II с годами все очевиднее нес на себе печать мученичества. Но «горе мне, если я не проповедую!», повторял он слова ап. Павла.

Последняя историческая книга Св. Писания – «Деяния апостолов» – книга открытая, незавершенная. Иоанн Павел видел свою жизнь как продолжение этой книги, в самом прямом, самом неперетолковываемом смысле. Он чувствовал себя одним из них, очень, очень близко к самому Началу. Это его чувство было молитвенным и таинственным. Ничем другим нельзя объяснить ту любовь, которую он испытывал к каждому человеку, да и вообще ко всякой твари: это была любовь оттуда.

Он был поэтом, богословом, философом. Он защищал вдохновение и красоту тогда, когда «свободные художники» поставили на них крест, объявляя «смерть автора», «смерть письма» и множество других смертей. Он защищал разум тогда, когда современные мыслители почти единодушно разуверились в возможностях разума. Он говорил о культурном творчестве как о высшем осуществлении человека, тогда как сами «работники культуры» об-

наружили в культуре и языке лишь «репрессивную структуру». «Будем все-таки надеяться, что красота спасет мир, как сказано у Достоевского!» – сказал он на прощание в одну из наших встреч. Он любил русскую культуру и прекрасно знал ее. В его энцикликах встречаются цитаты из русских поэтов, романистов, мыслителей (Хомякова и Вл. Соловьева, о. Павла Флоренского, о. Сергия Булгакова, Вяч. Иванова). Его влекла православная традиция, с красотой и богатством которой он советовал знакомиться своей пастве (ряд энциклик посвящен этой теме и вершинная среди них – «Orientale Lumen», «Свет с Востока», восхищенное и тонкое описание некоторых самых фундаментальных свойств восточного христианства). Он брал уроки исихастской «умной молитвы». Он чтил византийские иконы и молился перед образом Казанской Божией Матери, иконы, по его словам, спасшей его жизнь после покушения: ее он передал Русской церкви в минувшем году. Поскольку мне довелось видеть Папу молящимся перед этим образом, я могу утверждать, что он решил отдать самую драгоценную для него вещь. Как она была принята, не хочется вспоминать в высокие дни прощания. Как Россия ответила на его любовь и великодушие, горько и стыдно думать.

Я уже говорила, что у Иоанна Павла II был дар внушать надежду и ободрение всем, кто с ним встречался. Я знаю это по себе, поскольку мне четыре раза выпала честь участвовать в «Соловьевских встречах» – встречах в его покоях, беседах за обедом с небольшой группой гостей из Москвы (каждый раз среди них был Сергей Аверинцев) и французских исследователей Вл. Соловьева. С каждым он говорил о его деле, со мной – о поэзии.

Но самое сильное впечатление все-таки относится к другой встрече. В конце 1999 года издалека, на площади Св. Петра, я наблюдала «Тысячелетие калек» (ввиду конца второго тысячелетия каждое воскресение его последнего года было посвящено какому-то роду людей: мне пришлось увидеть «Тысячелетие полицейских всего мира» и «Тысячелетие калек»). Толпы изувеченных людей, физических и психических инвалидов, проходили перед ним, получая его благословение. Папа сидел в своем кресле – и сам был

уже сильно изувечен своим недугом. Калеки со всего света проходили перед великим калекой. И после того, как они получали свое благословение, они становились иными, они сияли радостью. Особенно меня поразила перемена в выражении лиц у группы умственно неполноценных детей, которые, казалось, ни на что просто не реагируют. В своем слове к этому Юбилею Иоанн Павел II сказал, что в этом образе, в образе калеки, человечество и подходит к порогу нового тысячелетия. При этом у него хватило силы хотя бы на краткое время вернуть им счастье. «Не бойтесь! Вас любят».

Мы узнаем из передач и сообщений, что таким же возвышающим и просветляющим событием стала его кончина для множества людей на земле, в разных странах, христианских и нехристианских. «Я никогда не видела в Париже людей с такими лицами!» – сказала мне по телефону моя французская знакомая. Мне бесконечно горько, что мы оказались отрезаны от этого всемирного человеческого события: прощания с великой душой, посетившей наш мир…

5 апреля 2005 г.
Москва

Священник ВЛАДИМИР ЛАПШИН

«МЫ ЕЩЕ ВСТРЕТИМСЯ С НИМ...»

2 апреля 2005 г. Родительская суббота.
Литургия

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Сегодня мы с вами вновь молимся о наших родных и близких, ушедших из этой жизни, из этого мира. И мы с вами не раз говорили о том, что эта молитва об усопших есть выражение нашей веры, веры в воскресение мертвых. Веры в то, что хотя они ушли из этой жизни, но они живы пред Богом. Говорили мы и о том, что эта молитва – проявление нашей любви. Мы молимся об этих людях, потому что любим их, потому что нам небезразлична их судьба, и мы верим, что еще что-то можно изменить, что еще что-то можно исправить, мы верим, что с тем, что люди называют смертью, физической смертью, жизнь не кончается. Ничего не кончается, а все еще впереди. Но эта вера поверяется нашим отношением к жизни и к смерти. Очень легко говорить о вере в воскресение мертвых, очень легко говорить о вере в то, что еще можно что-то исправить, что наши родные живы, что они не умерли. Но поверяется эта вера нашим отношением к смерти, и нашим отношением к жизни. Либо когда мы сами вдруг оказываемся на пороге этой жизни или смерти, либо когда от нас уходит кто-то из наших родных и близких.

Мне трудно говорить что-то об этом сегодня, именно сегодня, в эти дни, когда дорогой мне, близкий мне по духу человек стоит на пороге жизни и смерти. Вся моя сознательная христианская жизнь прошла при понтификате Папы Иоанна Павла II. Я стал верующим немножко раньше, а вот в Церковь пришел как раз в то время, когда он стал Патриархом Запада. В те годы, когда в нашей стране быть верующим было совсем немодно, в те годы, когда в

нашей стране храмы только закрывались, в те годы, когда в нашей стране верующие, если и говорили, то очень тихо и на ушко друг другу, голосом Церкви, голосом церковной полноты был голос этого человека. Когда мы хотели узнать, что думает Церковь по тому или иному вопросу, мы старались узнать, что по этому вопросу думает Папа Иоанн Павел II. Именно его позиция, его отношение к миру, его отношение к тому, что происходило в этом мире, было отношением веры, отношением Церкви.

И вот, этот человек уходит. И с одной стороны, я верю, я верю, что мы еще встретимся с ним перед лицом безгранично, бесконечно любящего Бога, но с другой стороны, я понимаю, что вместе с ним уходит целая эпоха. Уходит что-то очень важное и что-то дорогое в моей жизни. Что-то уходит. И хотя мы с вами все верим в то, что смерти нет, что есть только жизнь, но все равно, все равно что-то уходит. Все равно очень горько, все равно очень горько и больно расставаться. Поэтому сегодня, вспоминая наших ушедших из этой жизни, из этого мира родных и близких, не будем отчаиваться, не будем думать, что они ушли навсегда, и что мы с ними никогда не увидимся. Но, тем не менее, и не будем стесняться слез. Потому что действительно горько, горько расставаться с близкими, дорогими людьми.

Да хранит вас Господь!

Слово после отпуста Литургии:

Царство Небесное, оставление грехов да подаст Господь всем, зде ныне нами поминаемым, а вам всем доброго здравия. Родные мои, всех причастников поздравляю с причастием Святых Христовых Таин, желаю вам духовного укрепления, всех благ, здоровья, радости… Не знаю, как там сейчас Папа. Но в любом случае, в любом случае, как вчера замечательно сказал один кардинал, он уже лицом к лицу с Господом и держится за край Его ризы. Так что самое главное – *нам* его отпустить. Как бы он нам ни был дорог, как бы он нам ни был близок, как бы он ни был нужен здесь, на земле, но надо его отпустить. Он устал, он измучился, и в любом случае, его место уже там. Дай Бог и нам туда прийти.

2 апреля 2005 г.
Суббота. Всенощное бдение

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

В преддверии Великого поста мы с вами не раз говорили о том, что пост – это школа христианской жизни. И вот сегодня, в Неделю Крестопоклонную, и в течение ближайшей седмицы Церковь напоминает нам о том, что в центре Христианства, в сердце Христианства, в самом центре христианской веры находятся Крест и Воскресение Христовы. Но и наш крест, и наше воскресение. Однако если воскресение присутствует в Христианстве как цель исхода, если воскресение – как взрыв, как прорыв в вечность, то Крест – как сама плоть нашей повседневной жизни. Как повседневное, ежедневное умирание для самости, умирание для греха, умирание для этого мира. И рождение в новую жизнь, в жизнь вечную. Господь говорит: «Кто хочет следовать за Мной, кто хочет быть Моим учеником, кто хочет быть христианином – отвергнись себя, каждый день бери свой крест и иди за Мной». Вот суть христианства. Вот, что значит быть христианином.

Но это умирание для мира, умирание для самости, умирание для греха – это не бегство от этого мира, это не бегство от этой жизни. А принятие ее, принятие ее во всей ее полноте, до самого конца. И служение. Сегодня в Евангелии мы слышим удивительные слова, слова евангелиста Иоанна о том, что Господь сказал нечто Петру для того, чтобы он уразумел, какой смертью он прославит Бога. Мы с вами не раз обращали внимание на эти слова, мы говорили о том, что привыкли считать, что Бога прославляют своей жизнью, что Бога мы прославляем какими-то своими делами. Но вот оказывается, Бога можно прославить и смертью. Более того, может быть, именно смерть, как вершина креста, как та точка, в которой сходятся и крест, и воскресение, и является главным прославлением Бога.

В эти дни весь мир сопереживает одному из величайших людей XX века, Иоанну Павлу II, человеку, который предстоит сей-

час перед Богом, который как раз сейчас и находится вот в этой точке, в точке, в которой сосредоточено все. Это человек, который всю свою жизнь посвятил Богу, Церкви, людям. Человек, который всего себя, до последней капли отдал этому служению. Он уже давно мог бы сказать: «Родные мои, я устал. Родные мои, мне тяжело. Отпустите меня на покой». Но нет. Как он сам сказал в эти дни: «Бог дал мне эту жизнь, этот крест, это служение, и только Он может это снять с меня, только Он может меня освободить от этого. Я сам не могу с себя это сбросить».

Давайте задумаемся об этом. Потому что и наше христианство – это тоже крест, это тоже жизнь как служение, служение до последней минуты, до последнего нашего вздоха. Господь каждому из нас дарует эту жизнь, Господь каждому из нас дарует служение в меру наших сил и возможностей. И только Он может нас освободить от этого, от этого служения. Но только вместе с жизнью. И вот это очень важно понимать, об этом важно помнить. А если этого нет в нашей жизни, и мы не раз с вами об этом говорили, если нет этого принятия жизни, если нет этого служения, нашего служения Богу, Церкви, людям, если нет этого каждодневного несения креста, тогда и нет никакого нашего христианства, тогда наше христианство еще и не начиналось. Давайте задумаемся об этом, и сегодня, поклоняясь Кресту Господню и воспевая Его воскресение, будем помнить о нашем кресте, будем надеяться на наше воскресение. И будем молиться о Папе, будем молиться о Папе Иоанне Павле II, чтобы Господь принял его крест, чтобы Господь принял его служение, чтобы Господь принял его жизнь, и чтобы дал ему упокоение в Царстве Божием.

Да хранит вас всех Господь!

ПОСЛАНИЕ URBI ET ORBI
ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА ИОАННА ПАВЛА II.
Пасхальное воскресенье 27 марта 2005 г.

1. Mane nobiscum, Domine! Останься с нами, Господи! (ср. Лк 24:29) Этими словами ученики в Эммаусе пригласили таинственного путника остаться с ними, когда клонился к закату тот первый день после субботы, в который невероятное произошло. Согласно своему обещанию Христос воскрес, но они этого еще не знали. Однако слова путника по дороге все более и более зажигали их сердце. Поэтому они пригласили Его: «Останься с нами». Позже, сидя вокруг стола, во время трапезы они узнали Его в «преломлении хлеба». И тотчас же Он исчез. Перед ними остался преломленный Им хлеб, а в их сердце сладость от Его слов.

2. Возлюбленные братья и сестры! Слово и Хлеб Евхаристии, тайна и дар Пасхи, остаются на века как вечная память о страданиях, смерти и воскресении Христа. И мы сегодня, в день Пасхи и Воскресения, со всеми христианами мира повторяем: Иисусе распятый и воскресший, останься с нами. Останься с нами, верный друг и надежная опора человечества на пути по дорогам времени. Ты, живое Слово Отца, всели веру и надежду в тех, кто ищет истинный смысл своего существования. Ты, Хлеб жизни вечной, питай человека, который алчет истины, свободы, справедливости и мира!

3. Останься с нами, живое Слово Отца, и научи нас словам и делам мира: мира для земли, освященной Твоею кровью и омоченной кровью стольких невинных жертв; мира для стран Ближнего Востока и Африки, где продолжает проливаться столько крови; мира для человечества, над которым всегда нависает опасность братоубийственных войн. Останься с нами, Хлеб жизни вечной, преломленный и розданный сотрапезникам, дай и нам силу благородной солидарности с множеством тех, кто и сегодня страдает и умирает от несчастий и голода, погибая от смертельных эпидемий и страдая от ужасающих природных ка-

тастроф. Силой Твоего Воскресения да станут и они участниками новой жизни.

4. И мы тоже, люди третьего тысячелетия, нуждаемся в Тебе, воскресший Господь. Останься с нами сегодня и до конца времени. Сделай так, чтобы материальный прогресс народов никогда не затуманивал духовные ценности, которые являются душою их цивилизации. Поддержи нас, молим Тебя, на нашем пути. В Тебя мы верим, на Тебя надеемся, ибо Ты один имеешь глаголы вечной жизни (ср. Ин 6:68). Mane nobiscum, Domine! Аллилуйя!

Всех поздравляю со святою Пасхой!
Ватикан, 27 марта 2005 г. Пасха Христова.

Текст проповеди, подготовленной Иоанном Павлом II для воскресного богослужения 3 апреля 2005 г.[1]

Возлюбленные братья и сестры!

1. И сегодня по-прежнему звучит радостная Аллилуйя святой Пасхи! Сегодняшняя страница Евангелия от Иоанна подчеркивает, что вечером того самого дня Воскресший явился апостолам и «показал им руки и ребра» (Ин 20:20) как знаки скорбного страдания, запечатлевшиеся таким образом, что они остались на Его теле и после Воскресения. Эти славные язвы, которых восемь дней спустя Он заставил коснуться неверующего Фому, открывают милосердие Бога, который «так возлюбил мир, что отдал Сына Своего единородного» (Ин 3:16). Эта тайна любви находится в

[1] Этот текст был подготовлен Папой к 3-му апреля и был прочитан после мессы, совершенной кардиналом Содано в память о Папе, скончавшимся накануне вечером 2 апреля в 9 часов 39 минут по римскому времени.

центре сегодняшней литургии воскресенья in albis[2], специально посвященного Милосердию Божьему.

2. Человечеству, которое порою кажется потерявшим дорогу и подчинившимся власти зла, эгоизма и страха, воскресший Господь приносит в дар свою любовь, которая прощает, примиряет и открывает души к надежде. Это любовь, которая обращает сердца и дарует мир. Как же нуждается мир в том, чтобы понять и принять Милосердие Божие! Господь, Ты, кто Своею смертью и воскресением открыл любовь Отца, мы верим в Тебя и с доверием повторяем сегодня: Иисусе, уповаю на Тебя, помилуй нас и весь мир.

3. Литургическое торжество Благовещения, которое мы будем праздновать завтра, побуждает нас созерцать очами Марии великую тайну этой милосердной любви, которая бьет ключом из Сердца Христова. С помощью Марии мы можем понять истинный смысл пасхальной радости, которая зиждется на уверенности в том, что Тот, кого Дева носила в своем чреве, Тот, кто пострадал и умер за нас, воистину воскрес. Аллилуйя.

---

[2] Воскресеньем in albis, в сущности in albis deponendis (лат.), т. е. воскресеньем, когда снимаются белые одежды, в календаре Римско-Католической Церкви называется восьмой день после Пасхи, когда согласно древней традиции катехумены, крестившиеся вечером в Страстную субботу, снимали белые одежды, в которые они были облачены после крещения.

ХРИСТИАНСТВО И ТВОРЧЕСТВО

ИРИНА ЯЗЫКОВА

ПОДВИГ ВЕРНОСТИ И ВЕРЫ. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ИНОКИНИ ИУЛИАНИИ

В советский период, когда власть объявила войну Церкви, писать иконы осмеливались лишь единицы, но благодаря их усилиям иконописная традиция не прервалась. Среди этих подвижников было немало женщин. В древности иконописание было делом исключительно мужским, женщины могли разве что вышивать – пелены, воздухи, облачения, плащаницы. XX век перевернул все, в том числе и древние традиционные устои. И дерзая писать иконы, женщины-иконописцы стали возрождать великую традицию иконописи. Надо отметить, что женщинам мы обязаны сохранением многих церковных традиций в нашей стране, где уничтожение Церкви и всего, что с ней связано многие годы было политикой государства. Женщинам веками отводилась роль хранительниц очага, традиции и жизни, поэтому, когда настало тяжелое время, и все традиционные ценности подверглись разрушению, вплоть до обесценивания человеческой личности, право которой на веру, свободу и творчество отрицалось, они стали восстанавливать разрушенное наследие и поддерживать обреченное на исчезновение искусство. Среди женщин-иконописцев имя Марии Николаевны Соколовой (1899-1981), в иночестве – Иулиании, стоит в ряду первых и центральных. Ее жизнь и творчество – это целая эпоха в истории Русской Православной Церкви.

Мария Николаевна Соколова родилась в 1899 году,[1] в Москве, в семье потомственного священника. Ее отец, Николай Александрович Соколов, был настоятелем церкви Успения Богородицы в Гон-

[1] Все биографические сведения о М. Н. Соколовой взяты из книги Е. Н. Алдошиной «Благословенный труд». М., МДА, 2001.

чарной слободе на Таганке. Мать – Лидия Петровна, также происходила из старинного московского священнического рода, ее отец, Петр Терентьевич Некрасов, служил в Новодевичьем монастыре. Бабушка по матери, Анна Николаевна, рано осиротевшая, воспитывалась митрополитом Филаретом (Дроздовым). Так что церковные традиции семьи были глубоки и значительны. Училась Мария Соколова в V Московской женской гимназии ведомства императрицы Марии Федоровны, считавшейся одной из лучших в Москве.

У девочки рано проявились художественные способности, уже в три года она хорошо рисовала. Владеть кистью, красками, карандашом научил ее отец. Он был художником-любителем, в свободное от священнического служения время писал пейзажи маслом, делал копии с работ В. Васнецова.

По окончании гимназии Марию Соколову пригласили преподавать рисование в школе. Шел 1917 год, отношение к образованию детей начинало меняться. Однажды молодой учительнице поручили прочитать детям атеистическую лекцию, но она наотрез отказалась. И тут же была уволена с работы. В те времена работу было не так легко найти, жить было не на что. Но Бог определил для нее лучшее место. Неожиданно представилась возможность продолжить художественное образование в частной студии Ф. И. Рерберга и А. П. Хотулева, и она поступает туда, и по окончании получает диплом художника-графика. С этим дипломом ее принимают на работу в издательство, а такая работа давала довольно сносное существование.

Марии Соколовой было всего 12 лет, когда умер ее отец, которого она очень любила и уважала. Она тяжело переживала эту утрату, но священник Алексий Мечев, который был ее духовником, буквально заменил ей отца. С первой же исповеди, у них установились глубокие и доверительные отношения.

О. Алексий Мечев (1859–1923) – известный московский старец, к которому стекались люди за духовным советом со всей России.[2] Даже из Оптиной пустыни посылали к нему нуждающихся

[2] Причислен к лику святых как исповедник веры.

в духовном окормлении, оптинские старцы говорили: у вас в Москве есть о. Алексей Мечев, зачем вы к нам ездите? Служил он в храме свт. Николая в Кленниках, что на улице Маросейке, этот приход отличался от других тем, что здесь была крепкая община, в которой для каждого находилось свое служение. В 1923 г. о. Алексий окончил свой земной путь. Настоятелем храма стал его сын – о. Сергий, унаследовавший от отца не только приход, но и искусство пастырства.[3] Многие духовные чада о. Алексия охотно приходили к о. Сергию, среди них была и Мария Соколова. О. Сергий был большим знатоком древней живописи, собирал старинные иконы, был знаком со многими иконописцами и реставраторами, водился со старообрядцами, которые считались большими знатоками древней иконописи и искусными изографами. Несмотря на трудности послереволюционной жизни, о. Сергию удалось провести реставрацию нижнего храма, он смог привлечь к этому хороших специалистов. Отец Сергий благословил Марию Николаевну обучаться иконописному искусству, он познакомил ее с Василием Осиповичем Кириковым, известным реставратором и иконописцем, у которого она стала учиться иконописному мастерству. Впоследствии Кириков говорил о Соколовой как о своей самой верной и преданной ученице, высоко ставил ее работы. Мария Соколова действительно глубоко восприняла все уроки своего учителя, и сама впоследствии стала наставником для многих начинающих иконописцев.

Надо представить, в какое время решила Мария Соколова учиться иконописи. Это были 20-е гг. – разгул красного террора и разнузданная антирелигиозная пропаганда. Храмы безжалостно разрушаются, святыни чудовищно оскверняются, кампания по изъятию церковных ценностей разворачивается в открытое наступление на Церковь. Духовенство ослаблено обновленческим расколом и постоянно подвергается репрессиям. Казалось бы, не самое благоприятное время для занятий иконописью. Но молодая художница ду-

[3] Расстрелян в 1941 г. в Ярославской тюрьме. Причислен к лику святых как священномученик.

мает о том, как среди всеобщей разрухи сохранить те сокровища, что создавались Церковью веками, как передать последующим поколениям тот духовный опыт, что сконцентрирован в церковном искусстве. В 1928–1929 гг. она много ездит по стране и копирует старинные фрески. Ее маршрут проходит по древнерусским городам – Новгород, Псков, Вологда, Ферапонтов монастырь, Ярославль. Сколько нужно было иметь мужества, чтобы в самый разгар антирелигиозной кампании ездить по закрытым монастырям и храмам, проявляя интерес к «идеологически чуждому искусству»! Но, видя физический и нравственный развал страны, Мария Соколова приняла на себя этот труд, как своего рода миссию.

Копирование древних памятников – один из путей сохранения традиции, во-первых, потому, что эти памятники могут быть физически утрачены (как часто и бывало в эти годы), во вторых, копирование дает возможность проникнуть внутрь традиции, в сам процесс создания иконы. Впоследствии Мария Соколова писала так: «Копируя икону, человек всесторонне познает ее и невольно приходит в соприкосновение с тем миром, который в ней заключен. Постепенно он начинает ощущать реальность этого мира, узнавать истинность данного образа, потом постигает глубину его содержания, поражается четкостью форм, внутренней обоснованностью его деталей и поистине святой простотой художественного выражения. Но чтобы так понять икону, нужно время, и иногда довольно длительное».[4]

В эти же годы М. Н. Соколова создает копию со знаменитой Владимирской иконы Божьей Матери. Перед этим образом, почитавшимся в народе чудотворным, россияне молились в дни всенародных бедствий, при нашествии иноплеменников, перед ее ликом избирали митрополитов и патриархов, венчали монархов на царство. Эта икона освящала все древние столицы Руси – она была привезена в XII в. в Киев из Константинополя, затем Андрей Боголюбский забрал ее во Владимир, где она простояла вплоть до конца

[4] Монахиня Иулиания (М. Н. Соколова). «Труд иконописца». Свято – Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С. 37.

XIV столетия, а затем торжественно была перенесена в Москву, которую защитила от нашествия Тамерлана.[5] Копирование этого образа молодой художницей воспринималось не как ученическая штудия, но как молитва к Заступнице земли русской о духовном возрождении Отечества в тяжелые дни братоубийственной брани.

Но Мария Соколова не думала ограничиться только копированием, она хотела создавать оригинальные иконы. Как человек церковный, она понимала, что, пока жива Православная Церковь, будет потребность в иконе. Более того, чем больше изучала она древнее искусство, тем больше понимала, что Церковь нуждается в иконописцах, которые могли бы передать подлинный дух православия, подлинный образ веры. И чем больше она видела последствия разрушений и все побеждающего хаоса, тем яснее ощущала потребность писать иконы как свидетельство веры, которая не может быть уничтожена. Она хотела, что бы в храмах были не слащавые живописные картины, как это было тогда повсеместно, а высокохудожественные образы, соответствующие древним канонам. В те времена в Церкви процветала любовь к поздней церковной живописи, высшим образцом считалось письмо В. Васнецова, афонское гладкое письмо, в лучшем случае – Палех. А Мария Соколова любила древнерусскую иконопись – Андрея Рублева, Дионисия, вершиной русской традиции считала московскую школу XV – XVI вв. К счастью, она была не одинока в своей любви к древней традиции, в немногочисленной среде иконописцев были знатоки древнерусского искусства.

Один из них – Владимир Алексеевич Комаровский (1883–1937), иконописец, получивший известность еще до революции.[6]

---

[5] Второй раз М. Н. Соколовой представилась возможность копировать эту икону, когда та была уже в Третьяковской галерее. Это было в 1971 г. Для этого понадобилось специальное распоряжение сверху, что было далеко не ординарным явлением для советских времен. Копия писалась специально ко дню интронизации Святейшего Патриарха Пимена и была ему подарена. Ныне хранится в Патриархии.

[6] О В. А. Комаровском см. Т. Садовая «Дар ценою жизни» – «Художник» 2001/ №1. С. 21-26.

Он родился в Петербурге, принадлежал к аристократическому графскому роду, учился в Академии Художеств, продолжил художественное обучение заграницей, во Франции и Италии. Женат был на Варваре Федоровне Самариной, предком которой был известный славянофил Ф. В. Самарин. Иконописью Комаровский увлекся после одной из выставок, устроенной еще в 1910 г. П. И. Нерадовским, его другом, сотрудником Русского музея. И это увлечение, переросло в глубокий и серьезный интерес, который не покинет его всю жизнь. В 1910-е гг. он работает в паре с Дмитрием Стеллецким,[7] расписывая храмы. Они, в частности, написали иконы для храма на Куликовом поле, построенной по проекту А. В. Щусева, и церкви свв. Константина и Елены под Хвалынском, на Волге. (Последняя церковь, к сожалению, не сохранилась, в советские годы здание было разрушено, а иконы исчезли.[8])

После революции В. А. Комаровский преподавал рисование в школе и подрабатывал тем, что рисовал портреты на заказ. Был дружен с Ю. А. Олсуфьевым, который привлек его к деятельности комиссии по охране памятников. В Троице-Сергиевой Лавре копировал иконы. Несколько раз его арестовывали. В 1928 г., после очередной ссылки расписывал Софийскую церковь на Софийской набережной в Москве.[9] Последней работой были иконы для кладбищенской церкви в Переделкино.[10] В 1937 г. В. А. Комаровского в очередной раз арестовали и отправили в заключение «без права

[7] Д. С. Стеллецкий перед войной 1914 г. уехал заграницу и не вернулся в Россию, стал крупным иконописцем русской эмиграции.

[8] Есть предположение, что часть их была передана в музей г. Хвалынска.

[9] Сегодня в этом храме ведутся реставрационные работы и, возможно, в скором будущем один из редких памятников церковного искусства советского времени будет доступен для изучения.

[10] Церковь была деревянной, во время войны ее разобрали. Сохранилась только одна иконы Богоматери Владимирской, которую выкупила одна местная жительница, уже в 1960-х гг. эту икону обнаружил В. Н. Сергеев, сотрудник Музея древнерусского искусства им. Андрея Рублева. Сейчас эта икона хранится в Даниловом монастыре в Москве.

переписки». Через несколько лет только семья узнала, что 5 ноября того же года он был расстрелян на полигоне в Бутово и похоронен в общей могиле там же.

Комаровский был близок к мечевской общине. Сохранилось его письмо 1930 года к о. Сергею Мечеву, которое является ценнейшим свидетельством духовной и интеллектуальной жизни тех лет.[11] В нем он выделил Марию Соколову как перспективного иконописца.

В своем письме Комаровский пишет: «Вы собрали на Маросейке целое собрание древних икон, привлекли опытных иконописцев. Среди членов Вашей общины Вы стремитесь возбудить интерес к делу «хваления Бога в лицах». Лучшим достижением в этом направлении служат работы М. Н. С. (Марии Николаевны Соколовой – *И. Я.*). Она не только прекрасно усвоила технические приемы иконописания, стремится не только копировать, но и войти в сферу свободной композиции. Само по себе, как таковое, это уже «достижение» и, конечно, является выражением живой потребности».[12]

Интересы, которыми жила иконописная среда 20-30-х гг., являются продолжением той линии, что была намечена в начале века, когда российское общество бурно переживало открытие иконы: первые выставки древнерусских икон, выставки старинного церковного искусства, обсуждение эстетики и богословия иконы в художественных журналах и т. д. Конечно, в Советском Союзе уже не было возможности обсуждать эти вопросы открыто, да и волновали они уже только узкий круг церковной интеллигенции. Но и этот островок света свидетельствует, что всегда есть люди, готовые поддерживать огонь в светильнике.

«Приходит другое время – является живая потребность и стремление к постижению Первообраза. Древняя икона восстает

---

[11] Полный текст письма опубликован в издании Православная икона. Канон и стиль. М., 1998.

[12] Граф Владимир Комаровский «Письмо об иконописи». – Православная икона. Канон и стиль. М., 1998. С. 150.

как недоступное прекрасное, как полнота церковности. Мы мечтаем об искусстве первообразном, которого мы лишены», – писал В. А. Комаровский.[13]

Помимо постоянно увеличивающихся утрат древних памятников, иконописцы не могли не ощущать и других утрат и понимать разрушительность их последствий – отсутствие школы и учителей, разрыв преемственности традиций, общий упадок церковной жизни. В. А. Комаровский об этом пишет так: «Оживление интереса к иконе и поиски возможности вернуться к иконописи заставляют прибегать к помощи того иконописного ремесла, которое сохранилось еще благодаря старообрядчеству. Технические приемы – это единственное, что осталось от иконописи».[14]

Действительно, еще в начале XX в. многие иконописцы шли учиться к старообрядцам, которые строго сохраняли традиции древнего иконописного искусства, в то время как Синодальная церковь была увлечена натуралистической живописью и оставила в забвении свои иконописные сокровища. Благодаря старообрядцам многие секреты иконного ремесла дошли к нам из глубокой древности, многие иконографии остались исключительно их заслугами, у них сохранялись иконописные подлинники и прориси.[15] Но ремесло и технология иконы, традиционная иконография – этого еще недостаточно для подлинного возрождения иконописания. Комаровский как человек творческий, осознавал недостаточность простого повторения образцов и понимал что охранительная позиция приведет церковное искусство в тупик.

В своем письме он пишет: «Икона, написанная со всем знанием иконописных приемов, хотя бы и со вкусом, но без творческого осознания законов иконописного дела, производит впечатление совсем обратное тому, какое она должна производить. Вместо со-

[13] Там же. С. 157.

[14] Там же. С. 158.

[15] Об отношении старообрядцев к иконе см. В. Рябушинский «Старообрядчество и русское религиозное чувство». М. – Иерусалим, 1994. Глава «Статьи об иконе». С. 169–216.

бирания души, она ее рассеивает и беспокоит, как бы она ни походила на древнюю икону высокого стиля – она фальшива, и тем более чем более отдельные элементы походят на древние… Все это неправдиво и является следствием внешнего созерцания древних икон, без творческого восхождения к Первообразу… Нужно иметь творческий дар, чтобы древняя икона была дверью к Первообразу. Тут совершенно недостаточно иметь вкус и художественное дарование.

Что же делать? Или же совсем не писать иконописно? Думаю, что и это было бы неправильно. Даже и то знание, которое дает иконописное мастерство, нужно и полезно, но нечего обольщать себя надеждой, что через него есть выход к иконописи. Писать хорошо иконы с древних икон – это уже очень большое дело, тут приложимы дарование, и вкус, недоступные современникам, ремесленным иконописцам. Написать хорошую копию, а не подделку – это уже дело художника-иконописца. Но чтобы подготовить путь к иконописи творческой, нужно совсем другое – осознание законов пластической формы, по существу таковой является форма иконописная. Научить этим законам почти невозможно: можно их только осознать, но можно, по крайней мере, и знать. В общем, положение как будто безвыходное, но ведь дело, на которое мы надеемся, почти чудо. Всякое усилие в этом направлении ценно, необходимо. Но суррогат иконописи, дающий иллюзорный вкус высокого стиля, и лицемерен, и вреден. Пусть же иконопись будет убога, но правдива. К форме мы не можем не стремиться, как не можем отказаться от стремления к познанию Первообраза». [16]

Все эти размышления написаны в 1930-м году, но они не потеряли актуальности по сей день. И трудно представить, что эти темы обсуждались, когда разговоры об иконописании были почти непозволительны. Кому-то подобные разговоры могут показаться интеллигентской игрой, почти пустой мечтой и фантазией: что говорить об иконе и о том, какой она должна быть, когда условий для воплощения иконописных проектов нет. Но все это имело

[16] Там же. С. 157–160.

огромный смысл – размышления о смысле иконы и путях ее возрождения были подготовкой почвы, на которой прорастал новый росток иконописной традиции.

Такими же мыслями и чаяниями жила и Мария Николаевна Соколова, она могла бы подписаться под каждым словом письма В. А. Комаровского. К сожалению, в 1937 г. графа Владимира Алексеевича Комаровского расстреляли как врага народа. В том же году погиб на Соловках и о. Павел Флоренский, с которым Комаровский был хорошо знаком, и который также много сделал для изучения древней иконы. В эти годы русская культура потеряла многих крупнейших деятелей. С уходом каждого из них круг церковной интеллигенции сужался. В какой-то момент кажется, что М. Н. Соколова остается едва ли не единственной, кто продолжает заниматься иконописной практикой.

В 30-е гг. антирелигиозная пропаганда и репрессии против инакомыслящих в Советском Союзе достигли своего апогея. Безбожная пятилетка и обещание властей наконец-то покончить с Церковью подкреплялись массовым наступлением на верующих. В 1932 году был закрыт и храм свт. Николы в Кленниках, приход был разогнан. Отец Сергий Мечев, арестованный и сосланный еще в 1929 г., в 30-е гг. многократно арестовывался и принял мученическую кончину в 1941 году. Но преследование, война, голод не сломили молодую подвижницу. По благословению о. Сергия Мечева, которого она навещала в лагере в 1935 г., Мария Соколова стала духовной наставницей для многих людей из осиротевшей мечевской общины, перешедшей на полуподпольное, катакомбное, существование. После закрытия храма приход продолжал существовать, он как бы рассыпался на несколько небольших группок или кружков: члены мечевской общины собирались дома, чтобы вместе молиться, читать Св. Писание, поддерживать друг друга. Одной из таких группок руководила Мария Соколова, ее авторитет был высок, несмотря на то, что она была моложе многих.

Довоенные годы стали для нее временем тяжелейших испытаний. Но она продолжает работать как иконописец. Для храмов тогда писать было невозможно, и она пишет для знакомых, чтобы

духовно поддержать близких людей. В основном это небольшие иконы – образы Христа, Богоматери, тезоименных святых.

Но светильник долго не может быть под спудом, и Господь посылает ей удивительную работу и удивительную встречу, которая стала духовной дружбой и сотрудничеством на многие годы. В 1935 г. по заказу Афанасия, епископа Ковровского,[17] и под его руководством она пишет одну из самых своих знаменитых икон – «Собор всех святых в земле Российской просиявших».

Надо сказать несколько слов о владыке Афанасии (Сахарове),– удивительная личность, человек глубокого ума, хорошо образованный, один из активных деятелей церкви. Много лет он был единственным епископом, окормлявшим «непоминающих», то есть, те приходы и общины, которые не приняли декларацию митрополита Сергия (Страгородского) и за это подвергались репрессиям со стороны властей. Более 27 лет он сам провел в лагерях и ссылках, и при этом не утратил ни веры, ни стойкости характера, ни чувства юмора.[18]

На Поместном соборе 1917–1918 гг. решался вопрос о введении в русский церковный календарь праздника Всех святых, в земле российской просиявших, этим занимался владыка Афанасий, он делал доклад и разрабатывал службу праздника. Еще перед собором он искал иконописца, который смог бы написать икону нового праздника, но никто не удовлетворил тех требований, которые он предъявлял иконописцам. В конце концов, на соборе была представлена икона, написанная свящ. Владимиром Пылаевым, но она не нравилась владыке. Только спустя почти два

[17] Причислен к лику святых на Юбилейном Соборе 2000 г.

[18] Показателен один случай: в 1935 г., когда в Москве открылось метро, среди верующих было отторжение этого нового вида транспорта, потому что спускаться под землю считалось равнозначным спускаться в преисподнюю, многие просто боялись ездить в метро. Владыка Афанасий взял икону «Всех святых», завернул ее в полу пальто, и проехал с ней от одной конечной остановки до другой. «Не бойтесь, я освятил метро» – говорил Владыка. После этого большинство людей перестало бояться.

десятилетия после окончания собора в лице М. Н. Соколовой он нашел иконописца, способного понять и воплотить его замысел.

С владыкой Афанасием Марию Николаевну будет связывать долгая дружба, вплоть до его кончины († 1962). Он был знатоком литургики, агиографии и агиологии. Владыка трудился над созданием русских святцев и привлек Соколову для создания лицевых святцев, в которых каждый из русских святых обрел бы свой иконописный облик. Он был заказчиком многих ее икон, в частности, «Собора святых города Владимира», который он посвятил 800-летию основания одного из древнейших русских городов и его епархиального центра, а также других икон с изображением русских святых.

Праздник всех святых, в земле российской просиявших приходится на вторую неделю по Пятидесятнице. Введение этого праздника по мысли священноначалия РПЦ должно было укрепить веру россиян в страшные годы испытаний, которые во времена работы Собора не только ощущались как грядущие, но уже становились страшной реальностью. Для верующих людей в России этот праздник имел огромное значение. Как известно, в 1941 году на день всех российских святых пришлось нападение гитлеровских войск на Советский Союз и начало Великой Отечественной войны. В народе этому факту придавали мистический смысл. «Идет война народная, священная война» – слова известной песни возникли не случайно. Значение войны в сознании людей приобретало священный характер, люди, которых уже несколько десятилетий воспитывали в атеистическом духе, вспомнили о вере, в частности, они верили, что в этой войне на стороне русских воевали и святые родной земли. Подъем патриотизма, стимулировавший консолидацию нравственных и духовных сил народа в годы войны, носил явно религиозный характер, что, конечно, использовалось и советскими идеологами. У всех на устах были святые воины – Александр Невский, Дмитрий Донской, Борис и Глеб, но в не меньшей степени и преподобные – Сергий Радонежский и Серафим Саровский, московские святители – Петр, Алексий, Гермоген и другие святые, к которым обращались в годину испытаний право-

славные люди. Особым почитанием в этот период были окружены богородичные иконы, связанные в истории России с избавлением страны от иноземных захватчиков – Владимирская, Донская, Казанская, Смоленская.[19] Сколько преданий военных лет связано с этими иконами.

Возвращаясь к иконографии образа «Всех святых в земле российской просиявших», рассмотрим, как эти идеи выразились в этой иконе. Композиция ее стала образцом для многих подобных, которые будут написаны позже и самой Марией Николаевной, и ее учениками и другими иконописцами.

Верхний ряд иконы представляет своего рода дейсис – молитва святых, символизирующая вселенскую Церковь, торжествующую на небесах, представленную Богоматерью, Иоанном Предтечей, апостолами, отцами церкви, святителями. В центре небесного чина – образ Троицы в рублевской иконографии, который был написан в свое время « в память и похвалу преподобного Сергия», завещавшего Руси «воззрением на святую Троицу побеждать ненавистную рознь мира сего».

Основное поле представляет собой изображение, напоминающее карту России, это своего рода мистическая топография российской земли: вверху она выходит к Белому морю, на берегу которого виден Соловецкий монастырь со святыми, прославившимися на архипелаге, внизу изображены пещеры, символизирующие южные пределы России и напоминающие о просиявшей здесь святости Киево-Печерских святых. А между этими символически обозначенными географическими пределами располагаются группы святых и храмы, символизирующие различные земли и древние княжества Руси – Владимир, Ростов, Ярославль, Новгород и т. д. В образ русской святости включены и чудотворные иконы – в верхней, небесной части центром является образ рублевской Троицы, в центре представлен палладиум России –

[19] В народе ходили легенды о явлении той или иной иконы на поле брани. Довольно устойчиво предание о том, что самолет с Казанской иконой на борту облетал Москву накануне знаменитой битвы за столицу.

Владимирская икона Божьей Матери, помещенная на фоне Успенского собора, который в народе величали «Домом Пресвятой Богородицы». Возле собора – аналой, на нем лежит Евангелие, московские святители совершают молебен о спасении Руси. Икона написана яркими красками, светло и празднично, она создает образ духовного единства России. Это настоящий гимн русской святости, напоминание о Святой Руси, от которой так долго пытались откреститься наши современники.

Впоследствии Мария Николаевна сделала несколько повторений этого образа, которые, на наш взгляд, уже менее вдохновенны и менее удачны. Подобный образ всех святых к 1000-летию Крещения Руси написала ученица и племянница М. Н. Соколовой, Н. Е. Алдошина. Сегодня пишут по этой схеме многие. Интересно, что в 80-х гг. на Западе была написана икона «Всех британских святых», вдохновленная образцом М. Н. Соколовой: вверху образ «Спас в силах» в окружении святых, внизу очертания, напоминающие британские острова, и группки святых, просиявших в земле британской.

Перед самой войной Мария Николаевна из Москвы переезжает в поселок Семхоз, под Загорском, вблизи Троице-Сергиевой Лавры, с которой будет связана вся вторая половина ее жизни. Тогда древняя обитель, основанная преп. Сергием Радонежским, великим молитвенником земли русской, была закрыта, братия разогнана, и ничто не предвещало, что однажды монастырь обретет новую жизнь. Великая святыня лежала в руинах, в некогда великолепных храмах была мерзость запустения.

Но во время войны в Советском Союзе стали происходить серьезные изменения, под давлением обстоятельств руководство страны изменяет политику в отношении Церкви. По приказу Сталина возвращают некоторых епископов из ссылки для участия в соборе, на котором было восстановлено патриаршество. Разрешили открывать храмы. Это дало возможность Церкви вздохнуть свободнее, хотя до подлинной свободы было еще очень далеко.

В 1946 году Церкви была возвращена Троице-Сергиева Лавра. После двадцати лет запустения и разрухи монастырь представлял

жалкое зрелище: храмы загажены, в двух из них – Трапезном и Покровском – устроены увеселительные заведения, вся территория завалена мусором, стены и башни обветшали и даже частично обрушились. По распоряжению правительства была создана комиссия для реставрации Троице-Сергиевой Лавры. Марию Николаевну Соколову пригласили принять участие в восстановлении монастыря.

С группой помощников (в основном это были молодые художники и реставраторы) Мария Николаевна приступила к работе в Лавре. По благословению Святейшего Патриарха Алексия I (Симанского) заботами наместника Лавры архимандрита Пимена (Извекова), будущего Патриарха, были устроены два боковых придела в Трапезном храме – во имя преп. Серафима Саровского и свят. Иоасафа Белгородского. И Мария Николаевна написала иконы для этих приделов. В самом Трапезном храме под ее руководством была расчищена настенная живопись. Отреставрированы росписи Смоленского храма, паперть Успенского храма, иконостас храма св. Иоанна Предтечи. По ее эскизам полностью была расписана Серапионова палата. Она написала иконы для раки и сени над мощами преп. Никона Радонежского, в том числе и житийную икону преподобного, а также образ учеников преп. Сергия. С открытием в Лавре Духовной Академии и Семинарии в учебном корпусе был устроен академический храм, для него она создала иконостас. Она писала иконы почти для всех лаврских церквей и для ризницы монастыря. Трудно даже представить, что все это создано одним человеком. Конечно, у нее были помощники, более того, именно эта работа помогла приобщить немало людей к иконописанию, к церковному творчеству.

Одна из сотрудниц и учениц Марии Николаевны, Ирина Васильевна Ватагина, вспоминает об этом времени так: «Надо представить себе это время... Казалось, что нет возможности работать для Церкви. Реставратор икон при музее – вот предел. Мой учитель из Третьяковской галереи И. А. Баранов с тоской говорил: «Если бы мы с тобой работали для храма, как бы горело сердце!» Но это были только несбыточные мечты. И вдруг!.. Конечно, мне

все представлялось чудом. Да так оно и было».[20] И этому чуду во многом иконописцы были обязаны годам самоотверженного и порой одинокого труда Марии Николаевны Соколовой.

Все иконописцы с большой любовью и уважением относились к Марии Николаевне, среди которых, кстати, было немало священнослужителей. Дружен с ней был архиепископ Сергий (Голубцов, 1906–1982), который писал иконы, будучи еще насельником Лавры, и потом, когда был архиепископом на Новгородской кафедре. Владыка Сергий, как и Мария Николаевна, уважал древние иконописные традиции, и в 1962 г. он выполнил в стиле древнерусской живописи иконостас придела свв. Никиты Новгородского и Николая Мирликийского в церкви апостола Филиппа в Новгороде. Многим обязан Марии Николаевне архимандрит Алипий (Воронов, 1914–1975), нередко советовавшийся с ней по вопросам иконописания. Как и владыка Сергий, он был постриженником Троице–Сергиевой Лавры. До самой своей смерти он писал иконы. И в Псково–Печерском монастыре, где с 1959 г. архим. Алипий был наместником, им были заложены монастырские иконописные традиции, его стараниями была восстановлена и отреставрирована крепостная стена монастыря, обитель приведена в благолепное состояние, храмы расписаны внутри и снаружи. Учился иконописи у Марии Николаевны и епископ Алипий (Погребняк), занявший впоследствии Донецкую кафедру.

Мария Николаевна пользовалась большим уважением и у священноначалия. Ее высоко ценили Святейшие патриархи – Алексий I и Пимен. Кстати сказать, оба они были знатоками и ценителями церковного искусства, и не раз по их просьбе она писала иконы. Ей заказывали иконы и клирики, и миряне.

Так в 1952–1954 гг., по просьбе владыки Гурия, который открывал в 1946 г. Лавру, а затем был переведен на Ташкентскую кафедру, Мария Николаевна писала иконы для храма преп. Сергия в Фергане. В те времена такой заказ был редкостью, но благодаря новой политике, открытие храмов и даже строительство новых время от

[20] Н. Е. Алдошина «Благословенный труд». С. 28.

времени совершалось, и необходимы были иконы. Мария Николаевна всегда охотно бралась за такие заказы, понимая, что от убранства церкви многое зависит, икона есть безмолвная проповедь и свидетельство веры. А в условиях, когда открытая проповедь была запрещена, иконописный образ становился единственным окном в Царство Божье. Иконы для Ферганы были написаны по образцу древнего иконостаса Троицкого храма Лавры. К сожалению, по причине удаленности Ферганы и трудности доставки икон, образы пришлось писать на холстах, и в рулонах они переправлялись в Среднюю Азию. В этот храм владыка Гурий назначил настоятелем о. Бориса Холчева, который, как и Мария Николаевна, был духовным чадом о. Алексея Мечева, она его хорошо знала и потому с особым вдохновением трудилась для этого прихода.

В 1952–1953 гг. Мария Николаевна писала иконы для приделов церкви Ильи Обыденного в Москве. Вместе с несколькими ученицами она исполнила 17 больших икон и 12 маленьких образов в Царские врата для двух иконостасов. О церкви Ильи Обыденного также нужно сказать особо: этот храм никогда не закрывался, в нем сохранился приход с крепкими традициями. Более того, это был один из тех храмов, где прихожане хорошо знали друг друга и составляли дружную общину. Немало московской интеллигенции посещало этот храм. Многие члены мечевской общины после закрытия храма на Маросейке ходили именно сюда. С этим храмом был связан и священномученик митрополит Серафим (Чичагов),[21] всю свою жизнь посвятивший сбору и исследованию материалов жизни преп. Серафима Саровского. В храме Ильи Обыденного есть образ преподобного, написанный Чичаговым, который также свидетельствует о характере церковного искусства этого времени.

Тема русских святых, ставшая одной из центральных в творчестве М. Н. Соколовой, продолжала развиваться и в послевоенные годы. Она создала целую галерею образов русских святых и т. н. соборов. Назовем лишь наиболее известные: «Святители Москов-

[21] Причислен к лику святых как новомученик на Соборе 2000 г.

ские с иконой Владимирской Божьей Матери», «Святители Киевские с образом Божьей Матери Печерской», «Всея России чудотворцы, молящиеся за землю русскую», «Собор ярославских святых» и т. д. Для Марии Николаевы икона – это не просто произведение искусства или предмет церковного благочестия, а воплощенная молитва. Понимая, как Россия нуждается в заступничестве русских святых, она писала образы этих святых, вкладывая в каждый образ свою горячую молитву. Такой образ в храме становился призывом к прихожанам, он буквально взывал к их молитвенному предстоянию, и люди обращались с молитвой к святым, прося их заступничества.

Интересны ее иконы и фрески, посвященные ученикам преподобного Сергия, сделанные ею для Троице-Сергиевой Лавры. Круг этих святых ей был особенно близок, потому что они жили и подвизались в тяжелое время татаро-монгольского ига и духовного возрождения Руси, которое во многом было приближено их молитвенным и интеллектуальным подвигом. Среди них особенно выделяется цикл, посвященный жизни и творчеству Андрея Рублева, тогда еще не прославленного церковью, но очень почитаемого Марией Николаевной. И это понятно, его искусство она ценила выше всего и своих учеников наставляла подражать Рублеву и у него учиться. По существу она создала иконографию Рублева, тем самым, облегчив задачу последующим поколениям, которым сегодня нередко приходится писать образ преподобного иконописца, прославленного в лике святых. Кстати, для Собора 1000-летия Крещения Руси, проходившего в 1988 г., образ преп. Андрея Рублева писала Ирина Ватагина, ученица М. Н. Соколовой на основе ее разработок.

Творчество Марии Николаевны Соколовой охватывает огромный период жизни от 20-х до конца 70-х гг. За это время маятник истории несколько раз качнулся в разные стороны – от репрессий к оттепели и обратно. Менялось и положение Церкви, и настроения в ней. Но Соколова оставалась верной раз и навсегда взятому курсу на возрождение древней иконописи. Ее работы обладают ярко выраженным стилем, свидетельствующим о таланте иконо-

писца и о времени, в котором ей пришлось жить. И хотя она стремилась уйти от собственного «я» как можно дальше, раствориться в каноне, сдерживать любое проявление художнического самовыражения, ее стиль всегда узнаваем. Умиротворенность, молитвенный настрой, духовная собранность, присущие ей, также характерны для ее икон. Она вдохновлялась живым источником – древними образами и умела учиться у старых мастеров, поэтому смогла стать мудрым наставником для других. Своим помощникам и ученикам она также прививала любовь к древней иконе и вводила их в церковную жизнь, без которой невозможно стать настоящим иконописцем.

А ученики вокруг нее были всегда. В 1958 г. Мария Николаевна организовала в Лавре иконописный кружок, и руководила им в течение 23 лет.[22] Среди ее учеников были семинаристы, священники, монахи, миряне. С ней советовались маститые ученые и реставраторы. И она всегда готова была отдавать накопленный ею опыт и знания. Она составляла пособие по технологии иконописи,[23] читала лекции в Семинарии, помогала в устроении Церковно-археологического кабинета в Духовной Академии, устраивала выставки работ учащихся кружка, ее иконы публиковались в Журнале Московской Патриархии. Все это, несомненно, способствовало формированию понимания древней иконописи в церковных кругах. В то время, когда большинство священнослужителей, не говоря уже о мирянах, предпочитали живописную икону, Мария Николаевна прививала вкус к традиционной иконописи. Семена, посеянные талантливым иконописцем и мудрым педагогом,- истинной подвижницей благочестия – дали богатые всходы.

О ее деятельности в качестве реставратора также следует сказать несколько слов. Работая в Троице-Сергиевой Лавре, М. Н. Со-

[22] В 1990 г. на базе этого иконописного кружка была создана Иконописная школа при Московской духовной академии. Образцы М. Н. Соколовой и разработанная ею методика легли в основу программы Школы. Ныне Школу возглавляет игумен Лука (Головков).

[23] Например, брошюра «В помощь иконописцу».

колова много занималась реставрационными работами. Вплоть до 1980 г. она осуществляла руководство и надзор над реставрационными бригадами, расчищавшими живопись в храмах Лавры. В 1965–1967 гг. в Трапезном храме братией монастыря и бригадой реставраторов при ее непосредственном участии произведена расчистка и реставрация стенной живописи. В 1968 г. проведена большая работа по консервации и промывке икон древнего иконостаса Троицкого собора. В 1970-1971 гг. вместе с учащимися иконописного кружка она выезжала для реставрации икон и стенной живописи Казанского собора г. Дмитрова. В 1973-1974 гг. под ее руководством осуществлена реставрация икон главного алтаря Трапезного храма. В 1976 г. были отреставрированы иконы Никольского придела Успенского собора, притвора Троицкого собора, храма св. Иоанна Предтечи, многих икон из ризницы Лавры. Авторитет М. Н. Соколовой как реставратора разрушал мнение, насаждаемое в обществе, что в Церкви нет специалистов по сохранению древней живописи, что в Церкви вообще нет знающих и образованных людей. Государство строго контролировало деятельность Церкви, в ведении которой было немало древних памятников, что бывало в некоторых случаях нелишним. Но в отношении к работам М. Н. Соколовой у органов реставрационного надзора практически не было замечаний. Более того, ее мнения порой спрашивали и чиновники, прежде чем решить тот или иной вопрос, касающийся древностей.

В 1970 г. Мария Николаевна Соколова приняла тайный постриг с именем Иулиании, в память святой мученицы Иулиании, которая отмечается 30 августа, что совпадает с празднованием памяти другого святого – преподобного Алипия Печерского, первого русского иконописца, прославленного в лике святых. Сегодня многие знают ее как монахиню Иулианию, но, живя в Советском Союзе, она вынуждена была скрывать свой постриг, ничем не выделяясь среди мирян. Можно сказать, что она была монахиней в миру. Единственно, чего Мария Николаевна не скрывала никогда – это веру в Бога и свою любовь к Церкви, которой она служила тем даром, что был ей вручен Богом в трудный для Церкви и страны час.

Скончалась М. Н. Соколова 16 февраля 1981 г. Ее отпевали как монахиню в Троице-Сергиевой Лавре, в храме преп. Сергия. Чин погребения совершил наместник Лавры архимандрит Иероним. Проститься с усопшей приехал Святейший патриарх Пимен. В течение жизни за бескорыстное и жертвенное служение Русская Православная Церковь отметила ее наградами – орденами святого князя Владимира III и II степени, преп. Сергия Радонежского и тремя церковными медалями. Церковь по справедливости оценила ее подвиг, что бывает, увы, не всегда. К ее юбилею – в 1999 г. ей исполнилось сто лет – вышел большой альбом, посвященный ее творчеству, была организована выставка. Так что ее наследие получило известность и изучается. Но очень важно, чтобы люди, считающие себя ее учениками, унаследовали не только ее знания и мастерство, но и святость жизни, которая была до последней капли отдана Богу. Труд иконописца – это больше чем труд художника, он сродни священническому служению, иноческому подвигу, проповедничеству и миссионерству, не случайно в древности иконописцев называли «творцами святыни» и требования к их жизни предъявляли такие же, как к священникам и епископам.

Мария Николаевна трудилась до самых последних дней своей жизни, хотя была уже тяжело больна. Последней ее работой был образ Св. Троицы над Святыми воротами Троице-Сергиевой Лавры. Этот образ в свое время стал вершиной и итогом жизни преп. Андрея Рублева, в нем выразился весь его художественный и богословский гений. Символично, что последнюю точку в своей иконописной деятельности Мария Николаевна поставила, создавая это образ. Этот образ вдохновлял учеников Радонежского игумена, понесших весть о единении в любви во все уголки раздираемой междоусобицами и татарским игом Руси XV столетия. В XX веке Россия вновь нуждалась в этом призыве. Образ Св. Троицы написан М. Н. Соколовой на рубеже 80-х гг., когда власть вновь ожесточилась против Церкви, давая почувствовать свою железную руку. Всякая проповедь и свободомыслие тогда подавлялись, за слово – устное или печатное – можно было угодить в ГУЛАГ. Но икона несла Благую весть в красках и образах, вос-

полняя то слово, которое не могло еще звучать в России в полную силу.

Вскоре в стране стали происходить общественные изменения, подготовленные, в том числе, и религиозным пробуждением народа. Уже не только сверху, со стороны церковной иерархии, сильно зависимой от светской власти, проявлялись самостоятельные инициативы, но и снизу, со стороны мирян, все ощутимее нарастала духовная активность. В 80-х заметно активизируется и иконописная среда, она расширяется, становится более разнообразной и творческой. Роль в этом Марии Николаевны Соколовой неоспорима. Как пишет одна из ее учениц: «Большинство современных иконописцев в России – ученики монахини Иулиании или ученики ее учеников. А вначале она была одна…»[24] Среди учеников М. Н. Соколовой многие сегодня работают успешно. Это ее племянница Наталья Евгеньевна Алдошина, Ирина Васильевна Ватагина, о. Николай Чернышев и многие другие. В послевоенное время, особенно начиная с 60-х гг. среда иконописцев медленно, но верно расширялась. Одни иконописцы были с самого начала связаны с Церковью, другие, напротив, не были связаны с ней никак, одни приходили из профессиональной художественной среды, другие начинали обучение иконописи непосредственно у мастера без предварительной подготовки, многие пришли из среды реставраторов. Но совершенно очевидно, что уже к 80-м годам иконописная среда расширилась, и в ней появлялись заметные фигуры.

Любопытный и явно символический факт: в 1979 г. состоялась встреча архимандрита Зинона (Теодора) и матушки Иулиании. Тогда молодого, но уже знаменитого иконописца из Псково-Печерского монастыря заметил патриарх Пимен и пригласил поработать в Лавру. Здесь о. Зинон и Мария Николаевна работали рядом и имели возможность общаться, обсуждая иконописные и церковные проблемы. Мария Николаевна передала о. Зинону ящик с натуральными пигментами, сказав: «Возьмите, я уже этим рабо-

[24] Из воспоминаний И. В. Ватагиной. См. книгу «Труд иконописца». «Жизнеописание». С. 34.

тать не буду. Все, что я не смогла сделать, сделаете Вы». В этом видится эстафета поколений – от мастеров XX века тем, кто будет жить и работать в XXI столетии.

Творчество иконописцев, трудившихся в советское время, изучено пока мало, но даже первое знакомство с каждым из них может изменить все наши представление о том, как развивалась иконописная традиция в России в эти семьдесят иконоборческих лет. Мы пока обнаружили лишь некоторые островки этого архипелага, скрытого под водой забвения, но уже совершенно ясно, что, несмотря на самые неблагоприятные условия, иконописание не исчезло, не умерло, не погибло. Вытесненная с поверхности общественной жизни, загнанная в катакомбы, преследуемая в лице своих приверженцев, иконописная традиция проявила удивительную жизнеспособность и оказалась готовой к возобновлению при первых же признаках оттепели. И немалая заслуга здесь Марии Николаевны Соколовой, матушки Иулиании.

СОДЕРЖАНИЕ

Время Евангелия 5

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И К 15-ЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЕ МУЧЕНИЧЕСКОЙ КОНЧИНЫ ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА МЕНЯ

Священник ВЛАДИМИР ЛАПШИН
«Он погиб за то, что жил правдой Божьей». Проповеди 11

Священник ГЕОРГИЙ ЧИСТЯКОВ
«С отцом Александром мы встречаемся у Чаши». Проповедь 23

АНДРЕЙ ТАВРОВ (СУЗДАЛЬЦЕВ)
На языке подлинника 26

АНДРЕЙ ТАВРОВ (СУЗДАЛЬЦЕВ)
«Ангел Пустыни». Киносценарий 37

ЕВГЕНИЙ РАШКОВСКИЙ
«Христианство еще очень молодо...» 60

ЖИЗНЬ В ЦЕРКВИ

Священномученик Иоанн Орлов – жизнеописание и воспоминания Александры Орловой-Мóдель 71

Протоиерей АЛЕКСАНДР МЕНЬ
Письма духовной дочери – Александре Орловой-Мóдель 78

СЛОВО ПАСТЫРЯ

Священник ГЕОРГИЙ ЧИСТЯКОВ
«Жить, ощущая себя исцеленным...» Проповедь 137
Проповедь на Успение Пресвятой Богородицы
28 августа 2004 г. 139

Священник ВЛАДИМИР ЛАПШИН
«Бог предназначил человека для создания семьи...»
Проповедь 143
«Жить во имя Христово». Проповедь 146

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ОТНОШЕНИЯ С БОГОМ

Священник АНТОНИЙ ЛАКИРЕВ
В МИРЕ ВЕТХОГО ЗАВЕТА
«В поисках смысла» Книга Экклезиаста 153
Книга пророка Иоиля 174
Книга пророка Малахии 181

ВЕРА И ЖИЗНЬ

Архимандрит ВИКТОР (МАМОНТОВ)
Личность как диалог 197
Архимандрит ВИКТОР (МАМОНТОВ)
Пастырь любви 205
Священник ВЛАДИМИР ЗЕЛИНСКИЙ
Разум и Писание 217

ПАМЯТИ ПАПЫ РИМСКОГО ИОАННА ПАВЛА II 230

Соболезнование Святейшего Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II по случаю кончины Папы Римского ИОАННА ПАВЛА II 232

Священник ГЕОРГИЙ ЧИСТЯКОВ
«NON OMNIS MORIAR» – «Весь я не умру» 233

ОЛЬГА СЕДАКОВА
«TOTUS TUUS» – «Целиком Твой» 241

Священник ВЛАДИМИР ЛАПШИН
«Мы еще встретимся с ним...» (Проповеди 02. 04. 2005) 245

ПАПА ИОАНН ПАВЕЛ II
Послание Urbi et orbi. Пасхальное воскресенье 27 марта 2005 г. 249
Воскресная проповедь 250

ХРИСТИАНСТВО И ТВОРЧЕСТВО

ИРИНА ЯЗЫКОВА
Подвиг верности и веры. Жизнь и творчество инокини Иулиании (Марии Николаевны Соколовой) 255

SOMMAIRE

Editorial 5

POUR LE 70-é ANNIVERSAIRE DE LA NAISSANCE ET POUR LE 15-é ANNIVERSAIRE DE LA MORT DE L'ARCHIPRÊTRE ALEXANDRE MEN

PRÊTRE VLADIMIR LAPCHINE
«Il a péri pour avoir vécu selon la vérité de Dieu». Homélies ... 11

PRÊTRE GEORGE TCHISTIAKOV
«C'est autour du Calice que nous rencontrons Père Alexandre». Homélie 23

ANDRÉ TAVROV (SOUSDALTSEV)
Dans la langue de l'original 26

ANDRÉ TAVROV (SOUSDALTSEV)
«L'ange du désert». Scénario 37

EUGUENE RACHKOVSKI
«Le christianisme est encore très jeune...» 60

VIVRE DANS L'EGLISE

Saint hieromartyre Jean Orlov – biographie et souvenirs d'**ALEXANDRA ORLOVA-MODEL** 71

ARCHIPRÊTRE ALEXANDRE MEN
Lettres à sa fille spirituelle – Alexandra Orlova-Model 78

LA PAROLE DU PASTEUR

PRÊTRE GEORGE TCHISTIAKOV
«Vivre en se sentant guéri...» Homélie 137
Homélie pour la Dormition de la Très Sainte Mère de Dieu, le 28 août 2004 139

PRÊTRE VLADIMIR LAPCHINE
«Dieu a destiné l'homme à fonder une famille...» Homélie 143
«Vivre au nom du Christ...» Homélie 146

L'HOMME ET SON RAPPORT AVEC DIEU

PRÊTRE ANTOINE LAKIREV
DANS LE MONDE DE L'ANCIEN TESTAMENT
«Recherche de sens». Le Livre de l'Ecclésiaste 153
Le Livre du Prophète Joël 174
Le Livre du Prophète Malachie 181

FOI ET VIE

ARCHIMANDRITE VICTOR MAMONTOV
La personne comme dialogue 197

ARCHIMANDRITE VICTOR MAMONTOV
Pasteur de l'amour 205

PRÊTRE VLADIMIR ZELINSKY
La raison et l'Ecriture 217

IN MEMORIAM: LE PAPE JEAN PAUL II 230

Condoléances de Sa Sainteté le PATRIARCHE de Moscou et de Toute la Russie ALEXIS II à l'occasion du décès du PAPE JEAN PAUL II 232

PRÊTRE GEORGE TCHISTIAKOV
«NON OMNIS MORIAR» – «Je ne mourrai pas tout entire» 233

OLGA SEDAKOVA
«TOTUS TUUS» – «Tout à Toi» 241

PRÊTRE VLADIMIR LAPCHINE
«Nous nous reverrons...» (Homélies du 02.04.2005) 245

JEAN PAUL II
MessageURBI ET ORBI du Dimanche de Paques, le 27 mars 2005 249
Homélie dominicale 250

CHRISTIANISME ET CRÉATIVITÉ

IRINA YAZYKOVA
Un témoignage de fidélité et de foi. La vie et l'œuvre de la moniale Juliana (Maria Nikolaievna Sokolova) 255

CONTENT

Editorial 5

IN MEMORIAM ARCHPRIEST ALEXANDER MEN'
ON THE 70TH YEAR AFTER HIS BIRTH
AND THE 15TH YEAR AFTER HIS MARTYRDOM

Priest VLADIMIR LAPSHIN
«He was killed for living by the Truth of God». Sermons 11

Priest GEORGY CHISTYAKOV
«We meet Father Alexander at the Chalice». A sermon 23

ANDREI TAVROV (SUZDALTSEV)
In the Original Language 26

ANDREI TAVROV (SUZDALTSEV)
«The Angel of the Desert». A script 37

YEVGENY RASHKOVSKY
«Christianity is still so young...» 60

LIFE IN THE CHURCH

***Priest-Martyr* IOANN ORLOV – the biography and memoirs**
by Alexandra Orlova-Model 71

Archpriest ALEXANDER MEN'
Letters to his spiritual daughter – Alexandra Orlova-Model 78

PASTOR'S WORD

Priest GEORGY CHISTYAKOV
«Living as being healed...» A sermon 137
A sermon on the Dormition of the Virgin (28th August 2004) 139

Priest *VLADIMIR LAPSHIN*
«God destined man to have a family...» A sermon 143
«Living in the name of Christ». A sermon 146

MAN AND HIS RELATIONSHIP WITH GOD

Priest ANTONY LAKIREV
IN THE WORLD OF THE OLD TESTAMENT
«The Quest of the Sense» – The Book of Ecclesiastes 153
The Book of Joel 174
The Book of Malachi 181

FAITH AND LIFE

Archimandrite VIKTOR (MAMONTOV)
Person as dialogue 197

Archimandrite VIKTOR (MAMONTOV)
The pastor of love 205

Priest *VLADIMIR ZELINSKY*
Reason and Scripture 217

IN MEMORIAM POPE JOHN-PAUL II 230

A letter of consolation by his Holiness ALEXY II, the Patriarch of Moscow and all Russia, on the occasion of the death of the Pope JOHN-PAUL II 232

Priest GEORGY CHISTYAKOV
«NON OMNIS MORIAR» – «Not all of me shall die» 233

OLGA SEDAKOVA
«TOTUS TUUS» – «Wholly yours» 241

Priest VLADIMIR LAPSHIN
«We will see him again...» (Sermons 02. 04. 2005) 245

Pope JOHN-PAUL II
The message *Urbi et orbi* on the Easter Sunday
(27th March 2005) 249
A Sunday sermon 250

CHRISTIANITY AND CREATIVITY

IRINA YAZYKOVA
The exploit of loyalty and faith. The life and the art
of sister Iouliania (Maria Sokolova) 255

SATURS

No redakcijas 5

70. DZIMŠANAS DIENA UN 15. GADADIENA KOPŠ MOCEKĻA NĀVĒ MIRIS VIRSPRIESTERIS ALEKSANDRS MEŅS

Garīdznieks VLADIMIRS LAPŠINS
«Viņš mira, jo sekoja Dieva vārdam». Spredikis 11

Garīdznieks GEORGIJS ČISTJAKOVS
«Ar tēvu Aleksandru mēs satiekamies pie Biķera». Spredikis 23

ANDREJS TAVROVS (SUZDAĻCEVS)
«Oriģināla valodā» 26

ANDREJS TAVROVS (SUZDAĻCEVS)
«Tuksneša eņģelis» Kino scenārijs 37

JEVGĒNIJS RAŠKOVSKIS
«Kristietība vēl ir ļoti jauna...» 60

DZĪVE BAZNĪCĀ

Garīdznieks-moceklis JOANS ORLOVS – Aleksandras Orlovas-Modeļas dzīvesstāsts un atmiņas 71

Virspriesteris ALEKSANDS MEŅS
Vēstules garīgajai meitai Aleksandrai Orlovai-Modeļai 78

GANA VĀRDS

Garīdznieks GEORGIJS ČISTJAKOVS
«Dzīvot izdziedināts...» Spredikis 137
Spredikis Vissv. Marijas Debesīs uzņemšanas svētkos 2004. gada 28. augustā 139

Garīdznieks VLADIMIRS LAPŠINS
«Dievs radīja cilvēku, lai tas izveidotu ģimeni» Spredikis 143
«Dzīvot Kristus vārdā» Spredikis 146

CILVĒKS UN VIŅA ATTIECĪBAS AR DIEVU

Garīdznieks ANTONIJS LAKIREVS
VECĀS DERĪBAS PASAULĒ
«Jēgas meklējumos» Mācību teicēja grāmata 153
Joēla grāmata 174
Malahija grāmata 181

TICĪBA UN DZĪVE

Arhimandrīts VIKTORS (MAMONTOVS)
Personība kā dialogs 197

Arhimandrīts VIKTORS (MAMONTOVS)
Mīlestības gans 205

Garīdznieks VLADIMIRS ZEĻINSKIS
Prāts un Raksti 217

ROMAS PĀVESTA JĀŅA PĀVILA II PIEMIŅAI 230

Maskavas un visas Krievijas Patriarha Aleksija II līdzjūtība sakarā ar Romas pāvesta Jāņa Pāvila II nāvi 232

Garīdznieks GEORGIJS ČISTJAKOVS
«NON OMNIS MORIAR» – «Viss es nenomiršu» 233

OLGA SEDAKOVA
«TOTUS TUUS» – «Viss Tavs» 241

Garīdznieks VLADIMIRS LAPŠINS
«Mēs vēl ar viņu tiksimies» (Spredikis 02.04.2005.) 245

PĀVESTS JĀNIS PĀVILS II
Vēstījums *Urbi et orbi* Lieldienu svētdienā 2005. gada
27. martā. 249
Lieldienu spredikis 250

KRISTIETĪBA UN JAUNRADE

IRINA JAZIKOVA
Ticības un mūžības varoņdarbs. Ikonu zīmētājas māsas
Juliānijas (Marijas Nikolajevnas Sokolovas) dzīve un daiļrade 255

Международным Благотворительным Фондом имени Александра Меня (Рига, Латвия) изданы (1991 – 2005)

Альманах «Христианос» – выпуски I – XIV

Книги:
Протоиерей Александр Мень
«Практическое руководство к молитве»

«Апокалипсис» – Комментарий **протоиерея Александра Меня**

«Крестный Путь» Молитвенные размышления и молитвы **Вселенского Патриарха Варфоломея**

Архимандрит Зинон (Теодор) «Беседы иконописца»

Владимир Френкель «Время пустыни». Стихи

Малая сестра Магдалена Иисуса
«По следам брата Шарля» (Зеленая тетрадь)

Иеромонах Габриэль Бунге «Скудельные сосуды» – практика личной молитвы по преданию Святых Отцов

София Рукова «Отец Александр Мень»

Протоиерей Александр Мень «Истоки религии» («Reliģijas pirmsākumi») на латышском языке

Артуро Каттанео «Брак: дар и служение»

Иеромонах Габриэль Бунге
«Другой Утешитель. Икона Пресвятой Троицы преп. Андрея Рублева»

Светлана Домбровская «Пастырь» (Повесть об отце Александре Мене)

Иеромонах Габриэль Бунге
«Вино дракона и хлеб ангельский» – учение Евагрия Понтийского о гневе и кротости

Иеромонах Габриэль Бунге
Акедия – духовное учение Евагрия Понтийского об унынии

Священник Владимир Лапшин
«Деяния Святых Апостолов» – Комментарии

Адрес редакции:

Alexander Men' International Charity Fund
121 Kr. Valdemara Str., apt. 1
Riga LV1013
LATVIA

Phone/fax: +371 7361769
Phone: +371 7361909
E-mail: vasilij@mailbox.riga.lv